

ЛИНГВИСТЫ ШУТЯТ

*Составитель
Александр Киклевич*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2006

УДК 81
ББК 81
Л59

К читателю

Лингвисты шутят / сост. А.К. Киклевич. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 216 с.

ISBN 5-89349-965-4 (Флинта)

ISBN 5-02-034738-8 (Наука)

В книге представлено «домашнее», а именно — юмористическое творчество известных современных языковедов — В.Г. Гака (Москва), И.А. Мельчука (Монреаль), А.К. Жолковского (Лос-Анджелес), В.В. Мартынова (Минск), Н.П. Колесникова (Ростов-на-Дону), В.М. Мокиенко (Грайфсвальд), И.А. Стернина (Воронеж) и др. Среди жанров лингвистического юмора — этимологические мифы, научные пародии, лингвистические коллажи, «переводы», «истории», «афоризмы», каламбуры, а также представленные в широком ассортименте «стишки».

Для студентов филологических специальностей, учителей-словесников, а также всех, кто любит язык и интересуется им.

УДК 81
ББК 81

ISBN 5-89349-965-4 (Флинта)

ISBN 5-02-034738-8 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2006

«Домашнее» творчество языковедов распространено довольно широко, но существует оно главным образом в устной форме — как своего рода лингвистический фольклор, бытование которого ограничивается узкими рамками капустников, вечеринок, деньрождений. Сколько талантливых веселых текстов, лишь однажды прочитанных-пропетых, безнадежно пылится в ящиках письменных столов! А ведь в «веселом жанре» существуют свои мастера, классики, корифеи! Вот почему и возникла идея издания сборника «Лингвисты шутят» — одной из немногих коллекций лингвистического юмора.

Формы лингвистического юмора — игры в Язык и с Языком — разнообразны: это и этимологические мифы, и научные пародии (нередко представляющие собой смелое вторжение в пока неизведанные области языкознания), и лингвистические коллажи, и «переводы», и «афоризмы», и каламбуры, и представленные в широком ассортименте «стишки». Многие из них отражены в этой книге, хотя, надо признать, не все. Например, в филологической среде широко известен очень смешной «Этимологический словарь», придуманный в 60-е годы группой молодых ленинградских филологов, но он уже неоднократно публиковался — например, в довольно большом (хотя не полном) объеме в книгах Б.Ю. Нормана «Язык: знакомый незнакомец» (Минск, 1987), «Игра на гранях языка» (М.: Флинта, 2006).

Юмор в лингвистике зачастую нужен затем, чтобы в речи увидеть Язык, поэтому вовсе не случайно Язык и является главным персонажем многих юмористических произведений. Но у лингвистического юмора есть и другая сторона — он позволяет нам увидеть известных в науке людей в новом, необычном ракурсе. Среди авторов этого сборника общепризнанные авторитеты, «жрецы» современного языкознания: Виктор Владимирович

Мартынов (Минск), Владимир Григорьевич Гак (Москва), Игорь Александрович Мельчук (Монреаль), Александр Константинович Жолковский (Лос-Анджелес), Валерий Михайлович Мокиенко (Грайфсвальд — Санкт-Петербург), Анатолий Федорович Журавлев (Москва), Юрий Анатольевич Левицкий (Пермь) и другие. Но здесь они без галстука — можно сказать, в домашней обстановке, когда разрешается, как поется в детской песенке, «попрыгать, поскакать».

С другой стороны, в умении веселить и желании веселиться, наверное, и кроется причина научных успехов если и не всех, то по крайней мере многих наших «юморных» авторов, да и не только их. Ведь решение проблем в науке чаще всего достигается не механическим нагромождением материала и не благодаря использованию какого-то (пусть и вполне удачного) метода в качестве отбойного молотка, а умением посмотреть на проблему с разных сторон — *«так — а все-таки иначе, так — а все же не совсем...»*, как написал поэт Юрий Левитанский. Вот без этого *иначе* и без этого *не совсем* жизнь, да и наука была бы пресной, скучной, ненужной.

Широка география этой книги — Белоруссия, Великобритания, Германия, Израиль, Канада, Польша, Россия, США, Турция! Это, несомненно, свидетельство силы русского языка, на котором не только говорят, но и — что, может быть, главное — шутят в разных уголках мира. С другой стороны, «чувство глубокого удовлетворения» вызывает и то, что авторы из этих разных уголков мира собрались вместе, и именно — благодаря лингвистическому юмору.

Впервые книга «Лингвисты шутят» была издана в 2000 г. в Мюнхене — в известном немецком славистическом издательстве «Verlag Otto Sagner» — с любезного согласия редактора серии «Specimina Philologiae Slavicae» профессора Герда Фрайдхофа. Весь тираж быстро разошелся — книга стала настоящим бестселлером в кругах западных славистов, хотя в России она, к сожалению, известна лишь немногим специалистам. Переиздание сборника (исправленного и значительно расширенного) в Москве, к тому же в таком авторитетном издательстве, как «Флинта», позволит русскому читателю познакомиться с собранием

лингвистических шуток, при этом можно надеяться, что книга будет интересна не только профессиональным филологам, но и всем, кто интересуется языком.

В книге отсутствует деление на главы или разделы, хотя условно ее можно разделить на три части: первая в основном посвящена теме женщины и теме любви, что совершенно оправдано, ведь *филология* может быть истолкована как — *любовь к слову*, но и как — *наука о любви*. Вторая часть включает научные пародии и этимологические мифы, а третья — «стишки», в которых непонятно чего больше — то ли мифов, то ли любви.

В конце книги приводятся краткие справки об авторах.

Конечно, эта книга могла бы быть полнее. В сборнике отсутствуют некоторые «классические», известные лингвистам старшего поколения тексты, например, популярная в 1970-е годы пародия А.Я. Шайкевича «Любовь как семиотическая система» или «Этимологические мифы» Б.Ю. Нормана. По разным причинам эти и другие авторы, к сожалению, не смогли принять участие в данном издании.

Читатели, которые хотели бы принять участие в составлении подобных сборников, могут прислать свои тексты по адресу: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl.

Александр К. Киклевич
январь 2000 г., Минск
январь 2006, Ольштын

Виктор Давидович Левин

ИСКАНДЕР ИСЛАХИ: ЕЩЕ ОДИН ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС*

Как-то раз, выходя из забегаловки, что на углу Пушкинской площади и Страстного бульвара, я, по обыкновению, икнул и вдруг остановился, сам еще не осознав, что произошло. Но тут сработала моя феноменальная наблюдательность, которая всегда поражала фундаторов МФШ (Московская фонологическая школа): я понял, что икнув, я произнес на месте гласного переднего ряда верхнего подъема И — гласный верхнего же подъема, но среднего ряда Ы. Не ИК, а ЫК. Но позвольте!! Ведь eo ipso, вопреки всем правилам, звук Ы оказался в абсолютной инициали, и не в каких-то придуманных *ыкать* — *ыканье*, а в естественном речевом акте, взятом в его колоритнейшем узоре, без всяких там фиглей-миглей книжного языка.

Необходимо было повторить опыт, но так как в кармане оставалось 26 копеек, пришлось отложить проверку на завтра. После очередных ста пятидесяти граммов (СПГ, по терминологии МФШ) я явственно произнес ИК. Значит, все вернулось на кру-

* Искандер Ислахи — это псевдоним советского лингвиста А.А. Реформатского. Предлагаемый текст написан Виктором Давидовичем Левиным (Hebrew University, Jerusalem) и посвящается 75-летию юбилею А.А. Реформатского. Известно, что этот текст получил в свое время высокую оценку И.А. Мельчука (примеч. первого редактора *Т. Ройтера*).

Пародия В.Д. Левина публиковалась ранее в сборнике: *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd. 11. 1983, 441—443. В нашем сборнике она печатается с любезного согласия редактора альманаха Т. Ройтера.

Шутка Виктора Левина основана на том, что, согласно Московской фонологической школе, одним из создателей которой был А.А. Реформатский, гласные звуки Ы и И являются не разными, самостоятельными языковыми единицами, а лишь речевыми реализациями одной и той же фонемы. Это положение радикально отличало Московскую фонологическую школу от Ленинградской, поэтому в пародии не случайно упоминаются «мои заклятые ленинградские друзья» (примеч. редактора. — *А.К.*).

ги своя! Но накануне-то я отчетливо слышал ЫК! Так «ЫК или не ЫК — вот в чем вопрос» (Гамлет, *Гамлет* Вильяма Шекспира, в переводе М. Лозинского). Стало ясно, что эксперимент должен продолжаться, что придется попарадоксировать, разворочить все pro и contra. Ежедневное повторение опыта в течение месяца, даже с применением трехэтажной системы А.А. Реформатского, не дало ничего нового: неизменно ИК. Привлечение к эксперименту информантов (исключительно коренных москвичей с соответствующим опытом) также не привело к нужным результатам. В 82% случаев данное явление вообще не нашло никакой звуковой репрезентации, поскольку информанты оказались неподготовленными к должной глубине охвата данного фактора и не обнаружили, следовательно, никакой прагматической хватки; остальные 18% упорно икали. Впрочем, опыты с информантами пришлось прекратить ввиду быстрого истощения ассигнованных на это дело средств.

Я уже отчаялся разгадать этот поразительный фоналко-голический феномен, даже стал сомневаться, «был ли мальчик» (Максим Горький, *Жизнь Клима Самгина*), и продолжал эксперимент уже более по привычке, когда неожиданное и случайное обстоятельство помогло мне все же распутать этот клубок и обнаружить кочерыжку (в смысле Шпета). В этот день, направляясь к Пушкинской площади, я был как всегда занят разными лингвистическими сюжетами. Первый касался произношения инициала О в сочетании с фамилией: получалось безударное О без редукации, ср. *Алек / Олег / Трубачев* и *О. Трубачев*. Родилось двустиише:

Мне сам О. Брок
платил оброк.

Выходило — *оброк* и *аброк*. Забавно!

Второй сюжет был связан с произношением аффрикаты Ц перед звонким согласным. Размышления об одном выдающемся современном лингвисте привели меня естественным путем к фразе «из задниц задница», в которой я невольно заслушался сочетанием ДЗ-З на стыке слов. Оба сюжета, разумеется, ни-

сколько не продвинули меня в отношении злополучного ЫК, но третий!.. Началось с вариаций на тему «севрюга», и после фразы «Эх, севрюжки бы, трах-тара-рах!» прорезалось воспоминание: в тот поворотный для истории отечественной фонологии день закусывали севрюгой, что побудило меня тогда прибавить к СПГ еще СГ (сто граммов); значит, в тот день было реализовано ДПГ (двести пятьдесят граммов), а опыты-то велись на СПГ. Не здесь ли и зарыта собака?

Благодаря непостижимой и счастливой для науки оплошности одного члена ССП (Союз Советских Писателей)* я имел возможность проверить эту заманчивую гипотезу немедленно. Результаты были поражающими: ЫК! Так вот она, та самая ванна**, сидя в которой гениальный сиракузец достиг своего поразительного мокропрозрения!

Следовало, однако, провести новую серию экспериментов для выявления нижней и верхней границ явления. Первое решалось просто: с промежутками в десять граммов проводилась трехкратная проверка действия соответствующего фактора. Результаты видны из следующей таблицы:

	160	170	180	190	200	210
1	ик	ик	ик	ик	ЫК	ЫК
2	ик	ик	ик	ик	ик	ЫК
3	ик	ик	ик	ЫК	ЫК	ЫК

Как видно из таблицы, переход от сочетания с гласным переднего ряда к сочетанию с гласным среднего ряда образует зону 190—210 гр. Сложней (а главное, убыточней) оказались опыты по выявлению верхней границы. Они еще не закончены. Могу лишь сказать, что все факторы свыше 210 гр. пока дают устойчивое ЫК. Впрочем, уже 800 гр. и более сулят новый «ряд волшеб-

* Здесь имеется в виду супруга А.А. Реформатского — Наталья Иосифовна Ильина, известная друзьям под прозвищем «писательница». Под «оплошностью» следует, по-видимому, понимать незапертый ящик стола или что-либо подобное.

** Sapienti sat.

ных изменений милого лица». Так, последний эксперимент (820 гр.) дал результат весьма любопытный: с трудом, но все же достаточно отчетливо прослушивался сложный вокалический сегмент, не вполне однородный на всем своем протяжении, но безусловно Ы-образного характера — что-то в роде Ы⁹⁹Ы. Следовало бы проверить этот результат на сегментаторе, но, как любезно разъяснили мне мои друзья-экспериментаторы из ИРЯЗ, любая аппаратура окажется бессильной перед столь сложной материей.

Вот и все пока. «In vino veritas», — любил повторять мой покойный приятель Прохор Вильгельмович Хаимзон, старший пространщик Сандуновских бань и тонкий ценитель античной кухни. Приятно цитировать эти мудрые слова — только придется внести поправку: veritas-то veritas, но для СПГ и для ДПГ она разная, эта veritas. Вот в этой поправочке — главный мотив моей новой рапсодии.

Любопытно, что скажут теперь мои заклятые ленинградские друзья*. Впрочем, думается, никто из них не рискнет проверить предложенный мною опыт даже в его нижних параметрах. *Suum cuique*, как говаривал все тот же незабвенный Прохор Хаимзон.

Февраль 1975 г. *Опубликовал Виктор Д. Левин*

* Ленинградская фонологическая школа во главе с Л.Р. Зиндером.

Владимир Григорьевич Гак

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЖЧИНЫ

1. Молчание и чувство*

Нине Давидовне Арутюновой,
почти в день ее рождения.

Быть может, не случайно на этой конференции, посвященной проблемам речевых действий, большое место заняла тема молчания. В самом деле, молчание представляет собой высшую форму коммуникативной деятельности, чистый способ выражения и даже передачи переживаний и чувств, не отягощенный условными значениями префиксов и основ. Здесь уже говорили о молчании и мысли, о молчании и действии, я буду говорить о молчании и чувствах.

В зависимости от источника можно различать два вида молчания: спонтанное, которое коммуникант добровольно налагает на себя, и принудительное, к которому его вынуждает собеседник. Л.В. Щерба подчеркивал, что наибольший интерес для научного исследования представляют промежуточные и гетерогенные формы, объединяющие признаки противоположных классов. Поэтому мы рассмотрим особый, третий вид молчания — спонтанно-принудительный, когда говорящий по своей воле обрекает себя на молчание, но под влиянием внешних факторов, хотя никто ему не говорит, чтобы он замолк. Эту форму молчания мы будем исследовать в рамках общей проблемы «Роль женщины в речевой деятельности мужчины».

* Текст доклада на конференции «Язык речевых действий» (Москва, май 1993 г.). Опубликовался ранее в сборнике: Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1994. С. 178—183.

Влияние женщины на речевую деятельность мужчины, так же как и ее воздействие на другие формы его деятельности, носит диалектически противоречивый характер. С одной стороны, женщина всемерно стимулирует мужскую речевую деятельность: известно, что самые лучшие слова в мире были сказаны женщине или о женщине, но и самые крепкие слова были сказаны из-за женщины или женщине. С другой стороны, женщина всячески сковывает речевую деятельность мужчины, постоянно стремясь заставить его замолчать. Ниже будет проанализирована вторая часть этой проблемы; что касается первой, то она может стать предметом особого рассмотрения.

Стремясь пресечь речевую деятельность мужчины, женщина использует ряд методов, которые можно разделить на премаритальные и постмаритальные.

Премаритальные способы не очень разнообразны. По сути дела, женщина использует в этот период постоянно один и тот же прием, но зато этот прием действует безошибочно. Прием этот заключается в том, что женщина заставляет мужчину влюбиться в себя. Как только это происходит, мужчина при виде предмета своей страсти набирает в рот воды, проглатывает язык и не может больше вымолвить ни слова. И это касается не только таких персонажей, как незадачливый мистер Тутс из «Домби и сына», о котором Диккенс говорит, что стоило ему увидеть Флоренс, как он тотчас погружался на самое дно колодца своего красноречия и не мог уже оттуда выкарабкаться. Это касается и таких признанных специалистов в области речевой деятельности, какими являются выдающиеся поэты. На протяжении всей истории человечества поэты без конца жалуются — на все лады и на всех языках, — что женщины заставляют их молчать.

Уже Катулл, один из основоположников мужской лирической поэзии, говорил две тысячи лет назад:

По мне тот не смертный, а бог безмятежный,
Кто может спокойно сидеть пред тобой
И слышать твой голос пленительно нежный
И смех упоительный твой.
От этого счастья в предвиденьи муки

Мне душу теснит уж испытанный страх.
Едва лишь увижу тебя я, как звуки
В моих замирают устах,
Язык мой немеет, в крови моей пышут
Бегучими искрами струйки огня,
В глазах лишь потемки, а уши не слышат,
Немолчным прибоем звеня...*

«Lingua sed torpet», — писал Катулл («Только язык коснеет»).

И вот проходили годы и столетия, возникали и исчезали страны и народы, разрушались склонения и даже спряжения, но в интересующей нас сфере ничего нового не происходило, и через полторы тысячи лет после Катулла другой поэт, в другом конце Европы, на другом, уже вполне аналитическом языке восклицал:

As an imperfect actor on the stage
Who with his fear is put beside the part...

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

В этом (23-м) сонете Шекспир блестяще показал роль нулевой формы в языке. Он показал, что отсутствие означаемого не

* Примеры приводятся по опубликованным переводам Ф. Корша, С. Маршака, В. Левика, П. Грушко, В. Зоргенфера. Неточное цитирование и приписывание авторитетному автору своих мыслей — частое явление в науке. Не избежал этого, по-видимому, и автор настоящих заметок. Он приносит свои извинения читателям, переводчику и автору соответствующего цитированного материала.

всегда означает отсутствие означаемого, но, напротив, отсутствие означаемого может означать, что означаемое настолько значимо, что для него не находится подходящего означаемого.

В самом деле, сила чувства может быть выражена интенсивом: *Она очень хороша!* или *Она удивительно хороша!* Но более сильными являются формальные или обобщенные интенсивы: *Она так хороша!* или *Как она хороша!* Однако самым сильным будет нулевой интенсив, который в данном случае возможен, например, в артиклевом французском языке: *Elle est d'une beaute!..* — букв. 'Она красоты!..' И я молчу, не зная, что сказать.

Не только сдержанные бритты, но и говорливые галлы не могли преодолеть сковывающего воздействия женщины на их речевую деятельность.

Один из французских поэтов, который был настолько словоохотлив, что даже, согласно преданию, был повешен за свой язык (здесь *за язык* следует понимать в причинном, а не инструментальном значении), жаловался в знаменитой «Балладе противоречий», известной также под названием «Баллады состязания в Блуа»:

Je meurs de seuf auprès de la fontaine,
Chault comme feu, et tremble dent à dent...

Я, сидя над ручьем, от жажды изнываю,
От счастья плачу я, от горестей смеюсь,
Тот, кто опасен мне, того я не боюсь,
Того ж, кого люблю, упорно избегаю.
Я знаю языки, но слов простых не знаю,
И о любви своей сказать я не решусь.
Я с ней наедине мучительно томлюсь.
А без нее, увы, мучительно страдаю.

Здесь Вийон (а это был он) задолго до Хомского показал различие между языковой компетенцией и языковой «перформанцией». *Я знаю языки* — это мертвая компетенция, не приводящая еще к общению; *Но слов простых не знаю и о любви своей сказать я не решусь* — тут речь идет уже о перформанции, обеспечиваю-

шей реальную коммуникацию, и для перехода от одной к другой нужен определенный психолингвистический настрой, и именно в этот момент вторгается женщина, делая этот переход невозможным.

Но не только Вийон — другой знаменитый французский поэт, буквально затопивший Францию своими стихами, которые он посвящал Кассандре, Марии, Елене и другим дамам того времени и которые объединил в книги «Les Amours» ‘любви’ (во множественном числе), даже такой поэт становился жертвой мутизма — внезапного онемения:

Когда одна, от шума в стороне,
Бог весть о чем рассеянно мечтая,
Задумчиво сидишь ты, всем чужая,
Склонив лицо как будто в полусне,
Хочу тебя окликнуть в тишине,
Твою печаль развеять, дорогая,
Иду к тебе, от страха замирая,
Но голос, дрогнув, изменяет мне.
Лучистый взор твой встретить я не смею,
Я пред тобой безмолвен, я немею,
В моей душе смятение царит,
Лишь тихий вздох, прорвавшийся случайно,
Лишь грусть моя, лишь бледность говорит,
Как я люблю, как я терзаюсь тайно.

Подобно паралингвистическим средствам, сопровождающим акт речи, существуют парамутические явления, сопровождающие акт молчания. Этот сонет Ронсара примечателен в том отношении, что он раскрывает виды парамутизма — чувства, доводимого до онемения мужчины (страх, смятение в душе, неспособность даже посмотреть на любимую женщину), а также явления, сопровождающие уже состоявшийся мутизм: вздохи, бледность, тоскливое выражение лица, шум в голове, звон в ушах, дрожание и другие физиологические феномены, компенсирующие несостоявшийся нормальный речевой акт (см. также выше — Катулл).

Подавляющая функция свойственна всякой женщине. Приведенный сонет посвящен Кассандре, но Мария оказывает на поэта аналогичное действие:

Любовь — волшебница. Готов я целый год
С возлюбленной моей болтать, не умолкая,
Про все свои любви — и с кем, и кто такая,
Рассказывал бы ей хоть ночи напролет.
Но вот она со мной, и я уже не тот,
И мысль уже не та, и речь совсем иная,
То путая слова, то фразу забывая,
Коснеет мой язык, а там совсем замрет.

В этом сонете Ронсар блестяще продемонстрировал взаимозависимость между действительностью, мыслью и языком. Действительность отражается в мысли, которая оформляется языком. *И я уже не тот* — это действительность; *И мысль уже не та* — это мышление, следующее за действительностью; *И речь совсем иная* — это язык, сообразующийся с изменением мысли. Кроме того, задолго до профессора Лурия, французов Экаэна и Ирригара и других нейролингвистов Ронсар выявил два основных вида речевой афазии: дислексию и аграмматизм. *То путая слова* — это дислексия. *То фразу забывая* — это аграмматизм.

Блез Паскаль говорил: что морально по эту сторону Пиренеев, аморально по ту сторону, и наоборот. Это мы наблюдаем и в интересующей нас сфере. Если французский поэт теряет дар речи, когда его возлюбленная приходит, то испанский замолкает, когда она уходит, о чем свидетельствует сонет Мигеля Эрнандеса, одного из лучших испанских поэтов XX в.:

Mis ojos, sin tus ojos, no son ojos,
Que son dos hormigueros solitarios...

Глаза мои без глаз твоих пустынно:
Они два муравейника разъятых,
а руки-ветви без твоих, крылатых,
мертвы, как две сухие хворостины.

Пригубив робко губ твоих рубины,
я благовещу в сладостных набатах,
а нет тебя — в желаниях распятых
я терн рощу там, где росли жасмины.
Я глохну, когда ты хранишь молчанье,
и путь мой без твоей звезды не сладок,
я без тебя безмолвен, как мертвец.

Эти стихи показывают ту великую истину, что для нормального речевого акта необходимы два партнера: если нет говорящего, то нет и слушающего, а если нет слушающего, то не нужен и говорящий. *Я глохну, когда ты хранишь молчанье* — нет говорящего, нет и слушающего; *Я без тебя безмолвен, как мертвец* — нет слушающего, нет необходимости в говорящем.

Однако лучший способ заставить мужчину замолчать — это уничтожить его. Такое решение (своего рода *Endlosung*) описывает немецкий поэт:

Die Welt mir wag nur eine Marterkammer...
Мир для меня был камерою пыток...

Нет, возьмем в другом переводе:

Мир для меня был пыткой сплошною
В застенке, где ногами вверх висело
Мое вконец истерзанное тело,
Зажатое колодою стальною.
Из губ запекшихся лилася кровь струею,
И я вопил — в мозгу моем кипело;
И девушка, что мимо шла, умело,
Уколом в сердце, кончила со мною.
И вот глядит, как дрожью сводит члены,
Как на губах вскипают клочья пены,
Как высунут язык, немой и липкий;
И слушает, как кровь из раны хлещет,
Как сердце, в муке, все еще трепещет,
И так стоит, с холодною улыбкой.

У Гейне женщина приканчивает мужчину не уколом в сердце, а ударом золотого молоточка (*mit goldnem Hammer*), но результат одинаковый. Этот опыт подтверждает, что если мужчину подвесить вверх ногами, зажать в колодки и ударить при этом молотком, то это действительно может лишить его способности к речевому акту.

Но не только слабосильные германцы и романцы не могли противостоять воздействию женщины. Более выносливые славяне тоже пасуют перед ней, о чем свидетельствует стихотворение великого славянского поэта:

Я размышляю вслух, один бродя без цели,
С людьми — всегда молчу иль путаю слова.
Мне душно, стук в висках, кружится голова,
Все говорят кругом: здоров ли он, в уме ли?
В терзаниях часы дневные пролетели,
Нисходят сумерки, вступает ночь в права,
В постель бросаюсь я, душа полумертва,
Хочу забыться сном, но душно и в постели.
Срываюсь и бегу, мой гнев кипит сильней,
В уме слагаю речь, она звучит сурово,
Звучит проклятием жестокости твоей.
Но увидел тебя — и все забыто снова,
И вновь спокоен я, и камня я немей,
А завтра — вновь горю и тщетно жажду слова.

Мицкевич рассматривает проблему глубже Вийона. Последний говорил о различии языка и речи. Мицкевич же отмечает более тонкую разницу — между внутренней и внешней речью. Сила женщины такова, что даже полностью сложенную внутреннюю речь мужчины, готовую вот-вот излиться, она может пресечь на любом этапе одним своим появлением.

Мы охватили все большие страны Европы: Италию и Англию, Францию, Испанию, Германию, Польшу. Ну а как обстоят дела в России с интересующей нас проблемой? Надо сказать, что русским поэтам свойственны общечеловеческие чувства и ценности, но выражают они их в чисто русском стиле: мы не увидим

здесь ни актера на сцене, ни плача у фонтана, ни возвышенных метафор, здесь будут самые простые слова и даже глагольные рифмы, но едва заметное необычное соединение двух слов покажет, что перед нами — высокая поэзия:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Это — Фет. *Я молча твержу* — это ключ к стихотворению и ко всей проблеме. Этим сказано все.

Но вот в конце концов, несмотря на все трудности, мужчине удается выдать из себя три известных слова (а в языках, где употребление личного местоимения необязательно, достаточно и двух), и после положительного ответа мы из премаритального периода переходим в постмаритальный. Способы, к которым прибегает женщина, чтобы заставить замолчать мужчину, изменяются, и происходит скачок из царства поэзии в царство юриспруденции. Примеры в данном случае приходится заимствовать уже не в сборниках стихов, а в газетной рубрике происшествий. Эти способы могут быть как вербальными, так и невербальными. Вот пример невербального приема:

Перпиньян, 12 марта. Прошлой ночью в Сен-Фелен-д'Аваль Лоране Ж., 54 лет, вылила кастрюлю кипящей воды на голову своего спящего мужа, после чего нанесла ему удары скалкой для белья. Предполагают, что между супругами не все было ладно (*On suppose que le couple ne s'entendait pas*).

А вот пример использования вербального приема:

Штутгарт. Житель этого города Н. подал в суд иск, требуя развода на том основании, что жена не дает ему возможности говорить. В качестве вещественного доказательства суду была предъявлена магнитофонная пленка с записью беседы супругов, которая длилась четыре часа. В течение всего этого времени беспрерывно го-

ворила одна жена; мужу удалось вставить только десять слов. Суд удовлетворил иск о разводе.

И наконец, возможен языковой, но вместе с тем невербальный способ:

Богота. Молодая колумбийка в порыве страсти так сильно поцеловала своего мужа, что напрочь откусила ему язык, так что несчастный обречен остаться немым.

2. В поисках истины*

Нине Давидовне Арутюновой,
Надежде Константиновне Рябцевой,
Веронике Николаевне Телия
и многим другим.

Проблему поиска истины мы будем рассматривать в рамках общего вопроса о роли женщины в речевой деятельности мужчины. В нашей прошлой работе (см. «Молчание и чувство») мы отмечали, что воздействие женщины на речевую деятельность мужчины носит диалектически противоречивый характер. Женщина, с одной стороны, всячески стимулирует речевую деятельность мужчины, с другой — постоянно стремится ее подавить. Мы рассмотрели в прошлый раз вторую часть этой проблемы, теперь обратимся к ее первому аспекту. Следует подчеркнуть принципиальное различие подходов. В прошлый раз нам нужно было показать универсальность такого явления, как подавляющее воздействие женщины на речевую деятельность мужчины, и мы совершили облет во времени — от Ромула до наших дней — и в пространстве — от Атлантики до Урала. Теперь наша задача

* Текст доклада, прочитанный на конференции «Истина и истинность» (Москва, май 1994 г.). Публиковался в сборнике: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. М., 1995. С. 189—197.

иная: мы должны добраться до истины, и с этой целью будем руководствоваться известными латинскими эвристическими вопросами: *quis? quid? cur? quomodo? quando? ubi?*, которые на русско-киплинговский язык переводятся: *как? и почему? кто? что? когда? и где?* К ним мы добавим основной вопрос полицейского дознания: *cui prodest?* или *кому это выгодно?*

Что касается первого вопроса: *кто?* — то надо прямо сказать, что любая женщина способна стимулировать речевую деятельность мужчины. Создается впечатление, что стоит мужчине увидеть даму или только подумать о ней, как в нем мгновенно пробуждается речевая интенция. Это не зависит ничуть от качеств дамы. Более того, чем мужчина меньше знаком с дамой, тем великопнее его речевой акт, и самые замечательные речевые акты мужчины нередко стимулируются неизвестной дамой, «далекой принцессой».

Что касается вопросов *quid?* и *quomodo?* (*что?* и *как?*), то это зависит от множества факторов, которые невозможно здесь все охватить, в том числе и от национальных особенностей. Предположим, что в одну и ту же брюнетку (имеется в виду не онтологическое, а качественное тождество) влюбились француз и англичанин. Француз будет изливать свои чувства так:

Скорей погаснет в небе звездный хор
И станет море каменной пустыней,
Скорей не будет солнца в тверди синей,
Не озарит луна земной простор;
Скорей падут громады снежных гор,
Мир превратится в хаос форм и линий,
Чем назову я рыжую богиней
Иль к синеокой преклоню свой взор.
Я карих глаз живым огнем пылаю,
Я серых глаз и видеть не желаю,
Я враг смертельный золотых кудрей.
Я и в гробу, холодный и безгласный,
Не позабуду этот блеск прекрасный
Двух карих глаз, двух солнц души моей.

(Пер. В. Левика)

Ну а англичанин? Что скажет англичанин? Он скажет как раз противоположное:

My mistress' eyes are nothing of the sun...
'Глаза моей повелительницы ничего не имеют от солнца...'

Или в переводе Маршака:

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе...

В своем «Сентиментальном путешествии» Лоренс Стерн так изображал различие национальных характеров французов и англичан. «Я спросил у французского парикмахера, — рассказывает Стерн, — прочен ли парик, который он мне предлагает. И французский парикмахер ответил: “Месье, вы можете опустить этот парик в океан, и он не разлезется”. Английский парикмахер, — комментирует Стерн, — сказал бы: “Сэр, вы можете опустить этот парик в ведро с водой, и он не разлезется”. Результат один и тот же, но французский парикмахер должен погружать свой парик в океан». Мы видим, что поэты поступают так же, как парикмахеры: Ронсар опускает свою брюнетку в океан, а Шекспир выливает на свою смуглую леди сонетов ведро холодной воды.

А женщина? Как она реагирует на этот поток речевой деятельности мужчины? Здесь можно установить целую типологию реакций. Сначала, правда, отметим, что общая типология определяет: два пересекающихся, независимых один от другого признака образуют четыре класса (две конъюнкции и две дизъюнк-

ции), тогда как если один признак зависит от другого, то возможны только три класса (две конъюнкции и только одна дизъюнкция). Например, *слышать* и *видеть* не зависят одно от другого, и возможны четыре типа: слышать и видеть; не слышать и не видеть; слышать, но не видеть; видеть но не слышать. Однако в паре *слышать* и *отвечать* последнее зависит от первого и возможны только три класса: слышать и отвечать; не слышать и не отвечать; слышать, но не отвечать. Не слышать и отвечать невозможно, хотя бывает, что жена говорит молчащему мужу: *Я тебе вот что отвечаю...*, но это относится уже к семантике особых миров. В нашем случае мы имеем дело с двумя признаками, из которых один подчинен другому, и возможны, следовательно, три типа реакций:

Женщина не воспринимает и не отвечает. И тогда ее доля — недоумение.

Женщина воспринимает, но не отвечает. И тогда ее доля — сожаление.

Женщина воспринимает и отвечает. И тогда возникает вопрос, для чего она это делает. Именно в этом случае нам придется углубиться в поиски истины.

Первый случай — женщина не воспринимает и не отвечает — может быть проиллюстрирован знаменитым «Сонетом Арвера». Феликс Арвер — второстепенный французский литератор прошлого века. От всего его творчества остался только один сонет. Но зато этот сонет включается в хрестоматии, и хотя у него есть свое название — «Un Secret» («Тайна»), — его обычно называют «Сонет Арвера»:

Одной я тайной жив, один секрет лелею:
Нетленную любовь, пронзившую меня.
Неизлечима боль, ее ношу в себе я,
От той, кем был сражен, скрывая и тая.
Я без нее, увы, не проживу и дня.
Я вечно одинок, хоть вечно рядом с нею,
Незамечаемый, признаться не сумею,

Пройду за ней, себя молчанием казня.
А тихий стон любви летит за нею следом,
Но для нее, увы, невнятен он, неведом,
Хотя душой она прекрасна и нежна.
Суровый свой обет нарушить не посмея,
Лишь спросит, слыша стих, пронизанный весь ею:
«Кто эта женщина?» И не поймет она*.

(Пер. А. Сергеева)

Второй случай — женщина воспринимает, но не отвечает — отражен в известном сонете Ронсара:

Когда, старушкою, ты будешь пряхь одна,
В тиши у камелька свой вечер коротая,
Мою строфу споешь и молвишь ты, мечтая:
«Ронсар меня воспел в былые времена».
И, славным именем моим поражена,
Тебя благословит прислужница любая,
Стряхнув вечерний сон, усталость забывая,
Бессмертную хвалу провозгласит она.
Я буду среди долин, где нежатся поэты,
Страстей забвенью пить из волн холодной Леты,
Ты будешь у огня, в бессоннице ночной,
Тоскуя, вспоминать моей любви моления
И гордый свой отказ. Живи, лови мгновенья
И розы бытия спешу срывать весной.

(Пер. В. Левица)

Cueillez dus aujourd'hui les roses de la vie — ‘Срывайте уже сегодня розы жизни’ — эта фраза стала поговоркой во французском языке.

Мы подходим к третьему типу реакции, главному в нашем исследовании: женщина воспринимает речевой акт мужчины и отвечает, она даже стимулирует его. И возникает вопрос *cur?* — зачем она это делает? Первый ответ, который может прийти в голову, это то, что женщина стремится через вторую сигнальную

* «Quelle est donc cette femme?» et ne comprendra pas.

систему мужчины воздействовать на первую. Но материал не подтверждает этой гипотезы.

Мы отмечали уже ранее, что если мужчины являются создателями эпоса, то женщина — первооткрывательница лирической поэзии. Когда мужчины уходили на войну, потрясая мечами, женщины оставались дома и пели за работой песни о любви. Трубадуры явились уже позднее.

Лирическая поэзия вышла из свадебных песен, где жених и невеста, называемые братом и сестрой или царем и царицей, обменивались любовными стихами. И чаще всего первую реплику подавала девушка: юноша лишь отвечал ей. Мы видим это уже в Древнем Египте; одно из древнейших стихотворений начинается словами:

Любовь к тебе вошла ко мне и в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась,
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед.
О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык, стремглав бегущий к яслям.

(Пер. В. Потаповой)

Кулинарные метафоры адресанта, сравнение адресата с быком и конем не оставляют сомнения в том, что адресат — юноша. И только в следующем куплете жених берет слово.

Приблизимся к нашей эпохе на несколько столетий. «Песнь песней» царя Соломона начинается фразой:

Пусть уста его меня поцелуют!
Ибо лучше вина твои ласки!
Из-за добрых твоих умощений
Прозрачный елей — твоё имя, —
Потому тебя девушки любят.
Влеки меня! С тобой побежим мы!
Ввел царь меня в свои покои!

(Пер. И. Дьяконова)

Несмотря на местоименный перебой, свойственный древним текстам, нет сомнения, что автор этого высказывания — девушка. Юноша включается в речевую деятельность только в третьей части. Из 18 речевых актов «Песни песней» 11 иницированы девушкой и только 7 — юношей. Впрочем, мы и так знаем, кто первый сорвал яблоко.

В «Песни песней» женщина использует косвенные средства обращения к мужчине: третье лицо вместо второго, обозначение действия субъекта через заинтересованную часть тела. Но, приблизившись на 2000 лет, мы увидим самые прямые способы номинации, как, например, в восемнадцатом сонете Луизы Лабе, знаменитой французской поэтессы, которой поэты считали за честь посвящать свои стихотворения:

Baise m'encor, rebaise moi et baise...

Пусть те, кто знает французский язык, не приходят в ужас от этих слов. В XVI в. это значило лишь:

Еще целуй меня, целуй и не жалея,
Прошу тебя, целуй и страстно и влюбленно.
Прошу тебя, целуй еще сильнее, до стона,
В ответ целую я нежней и горячей.
А, ты устал? В моих объятиях сумей
Вновь целоваться так, как я — воспламененно.
Целуясь без конца, без отдыха, бессонно,
Мы наслаждаемся, не замечая дней...

(Пер. Ю. Денисова)

«Когда говорят пушки, музы безмолвствуют» — гласит поговорка. Когда задействована первая сигнальная система, вторая может отдохнуть. Сказала же ведь известная поэтесса Римма Казакова:

Бесконечными веками,
Есть на то причина,
Разговаривал руками
Любящий мужчина.

Так что дело вовсе не в этом. Для того чтобы отыскать истину и определить, для чего, в конце концов, женщина стимулирует речевую деятельность мужчины в ее высших формах, нам придется снова обратиться к Ронсару, чья жизнь и творчество были настоящей энциклопедией чувства, но не к его собственным стихам, а к стихам о нем.

Когда Ронсар был глубоким, почти уже шестидесятилетним стариком и стоял у гробового входа, как сказал бы один поэт, или перед пастью гроба, как сказал бы другой, он влюбился в молодую красавицу Элен де Сюржер. Этому факту посвящен сонет французского поэта Пьера де Нойяка, в нем мы и находим разгадку интересующей нас проблемы:

Почувствовав, что он стал немощен и стар,
Что славы пустота его обременила,
Устав от суетных страстей, свою могилу
Нетронутым цветком решил убрать Ронсар.
Елене де Сюржер он предназначил в дар
И музу, и души помолодевшей силы.
В стихах, прославивших красавицу, хранила
Последняя любовь всей прежней страсти жар.
Из Тюильри они нередко убегали,
Гуляли по лугам и о любви болтали,
Спасаящей порой от смерти имена.
Поэт грустил: «Я стар и смерти ожидаю,
Она ж юна и так прекрасна», а она
Лишь улыбалась, о своем бессмертии зная*.

(Пер. А. Сергеева)

Таким образом, мы подходим к истине: женщина вдохновляет мужчину на блистательные речевые акты даже не ради любви, но для того, чтобы обрести бессмертие.

Но на этом наше исследование не может быть завершено, поскольку возникают три вопроса. Первый: знает ли мужчина, для чего женщина подвигает его на речевую деятельность в ее высших формах. Надо сказать, что мужчина, даже влюбленный,

* Mais elle, souriait se sachant immortelle.

не так глуп, как выглядит. Он все понимает: зачем женщина заставляет его полюбить ее и вдохновляет его на речевые акты. Об этом свидетельствуют стихи самого Ронсара.

Елена Сюржер, о которой шла речь выше, по отношению к поэту была порядочной «динамисткой». Но поэт отлично видел, что она «крутит ему динаму», и понимал, зачем она это делает. В одном из своих сонетов он сетовал:

Когда в ее груди пустыня снеговая
И, как броней, льдом холодный дух одет,
Когда я дорог ей лишь тем, что я поэт,
К чему безумствую, в мученьях изнывая?

(Пер. В. Левика)

В подлиннике сказано еще более определенно: ‘Когда она любит меня только ради того, чтобы получать мои песни...’ Вместе с тем Ронсар отлично понимал, что его песни могут дать Елене. Однажды он преподнес ей *sempervirens* — вечнозеленое растение, сопроводив его такими словами:

Чтобы из рода в род и до конца вселенной
Запомнил мир, что вы повелевали мной,
Что кровь и жизнь моя служили вам одной,
Я ныне приношу вам этот лавр нетленный.
Пребудет сотни лет листва его ярка, —
Все добродетели воспев в одной Елене,
Поэта верного всесильная рука
Вас сохранит живой для тысяч поколений.
Вам, как Лауре, жить и восхищать века,
Покуда чтут сердца живущий в слове гений.

(Пер. В. Левика)

По-французски сказано проще и как-то определеннее: ‘По крайней мере, пока будут жить перо и книга’.

Итак, мужчина ясно понимает, что от него хотят. И здесь возникает уже второй вопрос: как он на это реагирует? Анализ материала показывает, что и тут возможны различные типы реак-

ций. Мы остановимся на трех: в одном случае основные неприятности достаются мужчине, в другом — женщине, в третьем оба приходят к любовному соглашению.

Первое происходит, когда женщина оказывает на речевую деятельность мужчины одновременно и стимулирующее, и сковывающее воздействие. Мужчина знает, что от него требуется речевой акт, но он лишь ценой мучительных усилий доводит его до конца. Яркий пример такой ситуации дает знаменитый сонет Феликса Карпио. Пример этот тем более разителен, что Феликс Карпио обладал уникальной речевой потенцией, это был Казанова литературы. Если от Шекспира осталось всего 37 пьес, причем принадлежность многих из них его перу подвергается сомнению, то Феликс Карпио написал 2200 пьес в стихах, а кроме того, пухлый пасторальный роман, недавно вышедший у нас в «Памятниках», целый ворох новелл, поэм и стихотворений. О нем говорили, что за одну ночь он был способен создать пьесу в пяти актах и все стихами. Всего он оставил человечеству 21 000 000 стихов. И вот этот Феликс Карпио, которого чаще и не вполне точно называют Лопе де Вега, пришел в неопишное затруднение, когда какая-то Виоланта потребовала у него сонета.

Un soneto me manda hacer Violante,
у en mi vida me he visto en tal aprieto.

‘Сонета у меня требует Виоланта, никогда в жизни я не был в таком затруднении’. Прочитаем перевод Жуковского:

За нежный поцелуй ты требуешь сонета,
Но штука ль быть творцом четырнадцати строк
На две лишь четки рифм? Скажи сами, Лилета:
«А разве поцелуй безделка?» Дай мне срок!
Четыре есть стиха, осталось три куплета.
О Феб! о добрый Феб! не будь ко мне жесток,
Хотя немножечко парнасского мне света!
Еще строфа! Смелей! Уж берег недалек!
Но вот уж и устал! О мука, о досада!
Здесь, Лила, — поцелуй! тут рифма и — надсада!

Как быть? Но бог помог! еще готов терпет!
Еще б один — и все! пишу! хоть до упада!
Вот!.. Вот! почти совсем!.. О радость, о награда!
Мой, Лила, поцелуй, и вот тебе сонет!

Второй вариант ситуации — когда в конце концов страдает женщина — может быть показан на примере Пьера Корнеля. В старости Корнель увлекся одной молодой особой. (Это нередко случается с гениями: мы видели, что такое приключилось с Ронсаром, это же постигло Гёте и Свифта и вот теперь Корнеля.) Но молодая маркиза предпочла старому поэту какого-то молодого д’Артаньяна, и он разразился своими знаменитыми «Стансами к маркизе»:

Маркиза, я смешон пред Вами —
Старик в морщинах, в седине;
Но согласитесь, что с годами
Вы станете подобны мне.
Страшны времен метаморфозы.
Увянет все, что расцвело, —
Поблекнут также Ваши розы,
Как сморщилось мое чело.
Наш день уходит без возврата
Путем всеобщим бытия;
Таким, как Вы, я был когда-то.
Вы станете такой, как я.
Но уберег от разрушенья
Я некий дар — он не пройдет.
Мне с ним не страшно лет теченье.
Его и время не берет!
Да, Ваши чары несравненны, —
Но те, что мало ценит свет,
Одни пребудут неизменны,
Переживут и Ваш расцвет.
Они спасут, быть может, славу
Меня очаровавших глаз
И через сотни лет по праву

Заставят говорить о Вас;
Среди грядущих поколений,
Где я признание обрету,
Лишь из моих стихотворений
Узнают Вашу красоту.
И пусть морщины некрасивы,
Маркиза милая моя,
Но старцу угождать должны Вы,
Когда он сотворен, как я.

(Пер. М. Квятковской)

И мы видим, что старик отомстил маркизе страшной мстью: он не упомянул ее имени в стихах. Если бы он сказал хотя бы: «Стансы к маркизе такой-то», то ее имя сохранилось бы на века. Ведь сказала же выдающаяся женщина нашего времени О.С. Ахманова: «Пусть хвалят, пусть ругают, лишь бы не замалчивали». Но поэт навечно замолчал маркизу, и она пропала, будто вовсе не бывала.

Но это все XVII в., золотой век испанской и французской литературы. Современный мужчина не мучается сам и не мстит женщине; в условиях рыночных отношений он просто предлагает даме бартерную сделку. Вот стихотворение аргентинского поэта Бальдомеро Фернандеса Морено. Оно называется «Одной сеньоре бальзаковских лет». Что касается термина «бальзаковский возраст», то определяемые им рамки постоянно расширяются. В эпоху Бальзака это была женщина тридцати лет. Но уже Сельвинский писал:

Бальзак воспел тридцатилетнюю,
А я бы женщину — за сорок:
Она горит красою летнею,
Но взгляд ее осенне зорек...

И для каждого мужчины этот возраст определяется его собственным. Мне кажется, например, что женщина бальзаковского возраста — это примерно между шестьюдесятью и шестьюдесятью пятью годами. Итак:

Одной сеньоре бальзаковских лет

Вы храбро вступили, сеньора, в единоборство с годами.
В вашей упряжке ходят солнце, воздух, вода.
Утром вместо молитвы крутите вы ногами,
Овощи, фрукты и овощи — вот и ваша еда.
Пускай вам шьет туалеты Рафаэль портняжного дела,
Пускай закованы в каучук вы с головы до ног.
Снова не станет мраморным уже размякшее тело,
Время не пересмотрит сполна отсчитанный срок.
На шею кораллы и жемчуг навесили вы напрасно.
Поверьте, они не скроют жалобных ваших морщин.
Только одно искусство времени не подвластно,
Только оно вашу прелесть векам передаст без седины.
Простые дешевые краски, пятна тени и света,
Умелой рукой художника брошенные на холст.
Всего лишь четыре слова, но найденные поэтом...
Секрет сохранения юности, как видите, очень прост.
Целуйте меня, сеньора! Не медля, целуйте смело!
Я этих слов хозяин, и только за вами дело.

(Пер. В. Столбова)

И теперь нам остается только ответить на самый последний вопрос: *Cui prodest?* — *Кому это выгодно?* От того, что женщина стимулирует речевую деятельность мужчины, выигрывают трое.

Выигрывает женщина, так как она обретает подлинное бессмертие.

Выигрывает мужчина, так как благодаря вдохновению, полученному им от женщины, он также становится бессмертным. Пушкин говорил о женщине:

Довольно в гордости моей
Я мыслить буду с умилением:
Я славой был обязан ей —
А может быть, и вдохновеньем.

И наконец, выигрывает человечество, которое получает образцы высоких чувств и высоких слов.

Игорь Александрович Мельчук

СУПЪЛЕТИВОЛОЖИЧЕСКИЕ ЭПЮДЫ. ОБ ОДНОМ ЛЕКСИКОКОИПОЧЕМАТИЧЕСКОМ КАЗУСЕ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ:

EMBRASSER > BAISER > JOUÏRE > FAÏRE
↓ ↓ ↓ ↓
(RE) BAISER (RA) BAISE*

Вариации на любимую тему
Искандера Ислахи**

От автора

Предлагаемая читателю статья была написана 30 лет тому назад — в связи с семидесятипятилетием моего учителя и старшего друга, замечательного русского лингвиста Александра Александровича Реформатского (1900—1978), сотрудником и подчиненным которого — *sujet*, как мы тогда выражались, — я имел честь быть в течение двадцати лет. Опубликовать официальный *Festschrift* к этому юбилею оказалось невозможным, ибо академические власти тогдашнего СССР не считали Реформатского достаточно выдающимся, чтобы иметь право на два прижизненных юбилейных сборника (а один такой сборник — «Фонетика 1971» — уже был опубликован ранее, к его семидесятилетию).

* Ранее печаталось в: *International Review of Slavic Linguistics*. Vol. 2/2—3. 1977. P. 313—328. См. также расширенный перевод на английский в: *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 11. 1983. P. 421—439. В данном издании в сносках и дополнениях к тексту сделаны небольшие сокращения. Полный вариант см. в мюнхенском издании.

** Искандер Ислахи — наиболее частый псевдоним Александра Александровича Реформатского: *Искандер* — арабизированный вариант имени *Александр*, а *islāh* означает по-арабски 'реформа'.

ликван ранее, к его семидесятилетию). Поэтому друзья и поклонники Реформатского, или Сан Саныча, как он был известен в московских лингвистических кругах, решили выпустить неофициальный *Festschrift* — в единственном машинописном экземпляре, в который вошла и моя статья про глагол BAISER. Она очень понравилась шефу; он сам говорил мне об этом. Я передаю его мнение с особой гордостью, ибо угодить Реформатскому, да еще в данной области исследований, было совсем не легко.

Со дня смерти моего учителя (3-го мая 1978 года) прошло уже более двадцати пяти лет. И я надеюсь, что «где бы души ни витали», моя шутка не потревожит его память: ведь он сам считал, что нет ничего серьезнее хорошей шутки, и сам дал много примеров использования скабрёзных сюжетов для вполне солидных филологических разысканий.

Тех, кому интересно узнать больше об А.А. Реформатском, я отсылаю к публикациям Мельчук 1980 и Шмелев 1989, 149—212.

Настоящая статья несколько раз расширялась и пополнялась новыми материалами, что и объясняет наличие дополнений.

— Рядовой Сидоров, о чем вы думаете, когда смотрите на широкие просторы полей, трубы заводов, ленты шоссе, потоки машин и веселые стайки детей?

— О ***де, товарищ полковник!

— Да ты что, Сидоров, рехнулся, что ли? Почему!?!

— А я завсегда об ей думаю.

Анекдот

Среди многих замечательных особенностей научного творчества А.А. Реформатского (впредь — А.Р.) можно выделить в первую очередь, по крайней мере, две следующие:

(i) Установка на последовательное, суровое и неукоснительное срывание всех и всяческих одежд, масок и фиговых листков (*if any*): А.Р. всегда учил и учит, что истина — точно так же, как и капуста кочерыжка (см. Реформатский 1975, 9), — хороша только абсолютно голая¹. Сквозь любую внешность — путаную или сверкающую, разнообразную или монотонную — внутрь, вглубь, к цели — к «пандробности» (см. ниже)! «Во всем

мне хочется дойти до самой сути», — Борис Леонидович не зря написал эти строки: очень они годятся в качестве *motto* для А.Р.

(ii) Пристальное внимание к любым фактам языка, к любым — казалось бы — не очень существенным подробностям, на основе которых А.Р. так мастерски делает свои глубочайшие проникающие пассы. От *точки* — *тачыцы* — *пятачыца* — до *язв* vs. *ЯЗФ* (= Ярославский завод фломастеров), от *К Ире* vs. *Куре* до *хлоп!* и *тон!* — конца и краю нет знаменитым реформатским подробностям. И хотя А.Р. — автор известнейшего неопубликованного рассказа «Ты мою пандробность не тронь!», это конституирующее заголовков необдуманное заявление принадлежит ведь не ему самому, а его героине — которая, мы надеемся, достаточно много потеряла из-за своего легкомыслия, — если только, конечно, А.Р. выполнил соответствующее указание: ведь он всегда (а тем более — свыше полувека назад!) был и остается великим мастером трогания пандробностей. (Ср. другой неопубликованный рассказ А.Р. — «Как и чем Володя Сидоров убил кота Наденьки Лурия»: «...и вот стали мы с ней доходить до подробностей...» — и т.д. и т.п. и пр. Впрочем, обсуждение этой тематики и, тем более, обильное цитирование завело бы нас слишком далеко.)

Обе названные особенности научной деятельности А.Р. и позволили ему заметить любопытное явление в современном французском языке, на которое он любезно указал автору этих строк пару лет тому назад. Дело тут вот какое.

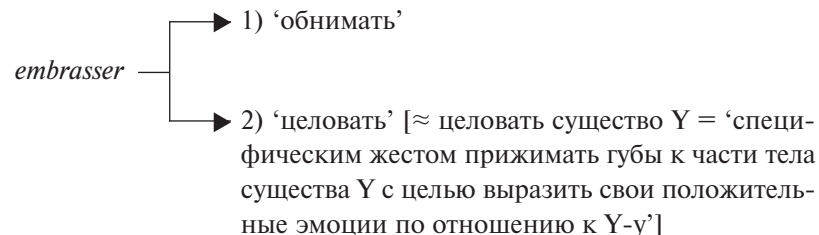
Как известно, французский глагол *foutre* ‘futuerе’ к настоящему времени практически вышел из употребления в своем прямом значении (он по-прежнему свободно употребляется в конструкции *être foutu*, т.е. как бы в пассиве в значении ‘погибать, пропадать, быть в безвыходном положении’: *Nous sommes foutus!* = ‘Мы погибли!/Нам каюк!’), а также в выражениях типа *Fous-moi le camp!* или *Va te faire foutre!* = ‘Пошел к черту!’ Как сообщил мне в застольной беседе выдающийся русский футуэролог А.А. Зализняк (которого мы знаем и ценим далеко не только за это: он известен также как автор знаменитой лингвистической задачи²), его парижские приятельницы смогли, по его личной просьбе, построить только один контекст, в котором *foutre* может быть понято и в буквальном смысле: *Elle s'en est allée se faire foutre.*

Можно легко представить себе, какая брешь открылась бы в лексической системе французского языка (слова со значением ‘futuerе’ нет! и в каком языке? во французском! *Quelle horreur!*), если бы на место *foutre* тут же не встал другой глагол: *baiser* ‘целовать’, который тем самым приобрел новое значение. Ср. примеры из современного французского автора (R. Gary), ясно показывающие это: *Est-ce qu'on baise ou on rigole?* («Éducation européenne»), *Sa fille baisait à gauche et à droite* («Adieu, Gary Cooper»). В этом новом значении у *baiser* развились и совсем новые синтаксические свойства — в частности, непереходное (= «среднее») употребление; однако заниматься здесь синтаксисом глагола *baiser* мы, естественно, не можем. Для нас важно другое: глагол *baiser* утратил значение ‘целовать’ (во всяком случае, в целом ряде контекстов; подробнее см. ниже). Как неоднократно указывал В.Ю. Розенцвейг в связи с исследованием проблем билингвизма и межъязыковой интерференции, им был отмечен следующий факт. На одной литературной конференции в Москве (в конце 40-х годов прошлого века), где присутствовали и зарубежные гости, один выступавший советский писатель критиковал советскую молодежную литературу за ее антиреалистичность, пресность и *prude*’ство; в частности, он прочитал отрывок из какой-то повести, где говорилось, как двое влюбленных (школьники), не решаясь слиться в экстазе, осмелились, наконец, поцеловаться через листок бумаги. Синхронный переводчик перевел: «*Enfin, ils se sont baisés à travers une feuille de papier...*» В.Ю. Розенцвейг подчеркивает, что *audience francophone* пришла от смеха в полубморочное состояние.

Итак, глагол *foutre* ушел со своего насиженного места, обнажив смысл ‘futuerе’; *baiser* заткнул собой эту (весьма приятную, *avouons-le*) амбразуру, обнажив не менее (или все же несколько менее?) важный смысл: ‘целовать’. И *eo ipso* по-французски могли бы стать вовсе невыразимы — как на каком-нибудь хопи или пукипуки — такие мысли, как ‘Николя нежно поцеловал Натали’, ‘Натали страстно целует Николя’ и ‘Николя перещеловал всех девушек’! Но — природа не терпит пустоты, и место *baiser* занял глагол *embrasser*, значивший до этого ‘обнимать’ (от *bras* ‘рука’): *Nicolas embrassa à tour de rôle toutes les jeunes filles* значит именно

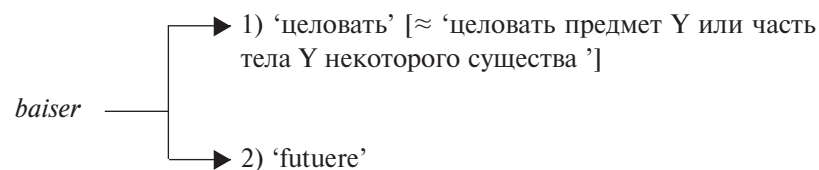
то, что нужно, т.е. ‘Николя перецеловал всех девушек’, т.е. вовсе не то же самое, что *Nicolas baisa à tour de rôle toutes les jeunes filles* (хотя второе, вообще говоря, не обязательно хуже).

При этом *embrasser* сохранил и свое старое значение: ‘обнимать’, так что тут мы видим яркий пример бесспорной полисемии:

Наличие значительного общего смыслового компонента в обоих значениях очевидно: ‘[X совершает над Y-ом действия — разные для обоих значений] с целью выразить свои положительные эмоции по отношению к Y-y’.

Глагол *baiser* также сохранил — во всяком случае частично — свое значение: *Nicolas lui baise la main* ‘Николя целует ей ручку’; *Tout le monde a baisé le drapeau* ‘Все поцеловали знамя’; *En partant, il a baisé la terre qu’il quittait pour toujours* ‘Уезжая, он поцеловал землю, которую покидал навсегда’ и т.п. Таким образом:

Мы видим, что по смыслу *baiser₁ ≠ embrasser₂*; при этом обе эти лексемы имеют большую общую смысловую часть, но включают и различающие фрагменты, т.е. *baiser₁* и *embrasser₂* по смыслу пересекаются: *baiser₂* можно лишь часть тела или предмет, а *embrasser₂* — только человека.

Хорошо, но как же соотносятся между собой оба значения самого *baiser*? Есть ли достаточно существенная (= нетривиаль-

ная) общая часть между ‘целовать’ (в узком смысле, т.е. руку или знамя) и ‘futuere’? Можно ведь целовать — *baiser₁* — без всякого *futuere*, особенно если речь идет о целовании ручек, знамен и родной земли (как в *baiser₁*), а можно и *futuere* без всяких поцелуев — т.е. *baiser₂*. Далее, с одной стороны, в *baiser₁* выделяются два смысловых ядра: ‘специфический жест — особое движение губами’ и ‘с целью выразить особые положительные эмоции [по отношению к объекту целования]’; в *baiser₂*, безусловно, отсутствует первое (какие уж тут губы³)⁴ и, скорее всего, также и второе: вряд ли можно утверждать, что *coïtus* всегда предпринимается с целью выразить свои особые положительные эмоции по отношению к объекту. С другой стороны, в *baiser₂* основное смысловое содержание — упоминаемые части тел существ-участников, их взаимная геометрия и топология, наивная физика соответствующих перемещений и целый ряд существенных подробностей — таково, что оно полностью отсутствует в *baiser₁*. Если же все это так, то *baiser₁* и *baiser₂* — хороший пример омонимии. (Впрочем, контрверза касательно онтологической сущности *baiser₂* vs. *baiser₁* на этом не закрывается. Может, тут все-таки есть что-то общее? Видимо, требуются еще обширные эмпирические разыскания, и каждому исследователю необходим собственный богатый фактический материал.)

Итак, что же мы имеем? Глагол *foutre* в своем основном значении ушел из языка, и это привело к расщеплению глагола *baiser* на два омонима: *baiser₂* = ‘futuere’ и *baiser₁* = ‘целовать [руку, знамя, крышку гроба]’; в свою очередь, это вызвало сдвиг в семантической структуре глагола *embrasser*, распавшегося на две лексические единицы, связанные отношением полисемии: *embrasser₂* = ‘целовать [человека]’ и *embrasser₁* = ‘обнимать’.

Но это еще не все: при всех этих передвижках слово *le baiser* ‘поцелуй’ осталось на месте, т.е. сохранило свое значение и свои основные употребления. И в результате образовалась новая супплетивная пара: *embrasser₂* ‘целовать’ — *le baiser* ‘поцелуй’, аналогичная таким известным парам, как *tomber* ‘падать’ — *chute* ‘падение’ или *croire* ‘считать, полагать’ — *avis* ‘мнение’. О подобном словообразовательном супплетивизме уже давно говорили и писали такие выдающиеся языковеды прошлого, как

О. Есперсен и Ш. Балли — но им, к сожалению, остался неизвестен замечательный пример Реформатского (пара *embrasser*₂ — *le baiser*)⁵; прошел мимо него и знаток современного французского языка, также писавший о словообразовательном супплетивизме, — В.Г. Гак. Пристальное внимание А.Р. к основным проблемам бытия языка и его носителей позволило ему наблюдать интереснейший факт, вокруг которого сразу же вырастает ряд общезыковедческих теоретических проблем:

- вопросы полисемии;
- вопросы омонимии;
- вопросы супплетивизма;
- вопросы эвфемизации и т.п.

Так пожелаем же дорогому А.Р. еще долгих лет душевной бодрости и зоркого глаза, физической крепости и интеллектуального интереса к важнейшим вещам, проникновения в суть и страстной любви к этой самой сути!⁶

Приложение

Может быть, будет нелишним отметить, что глагольный смысл ‘*futuere*’ оказывается лингвистически релевантным и в русском языке, где соответствующий глагол позволяет решать грамматический вопрос о роде *pluralia tantum*. Известен школьник, который на вопрос учителя: «Какого рода слово *щи*?» — решительно ответил: «Женского!» — «Почему?» — удивился учитель. — «А когда папа приходит домой и мама дает ему на ужин *щи*, он сердится и говорит: *Опять щи! ***л я твои щи!*».

Москва, октябрь 1975 года

Литература

Мельчук 1980: Мельчук И.А. Памяти Александра Александровича Реформатского // *Russian Linguistics*. 4/4. С. 341–361. [Перепечата-

но в кн.: Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». Москва / Wien, 1995 («Школа Языки русской культуры» / *Wiener Slawistischer Almanach*].

Реформатский 1975: Реформатский А.А. Фонологические этюды. М. 135 с.

Фонетика 1971: Фонетика, фонология, грамматика. М. 391 с.

Шмелев 1989: Шмелев Д.Н. (ред.). Язык и личность. М. 214 с.

Postscriptum

Любопытно отметить, что глагол *baiser* в значении ‘*futuere*’ широко употреблялся уже в XVII веке. Ср. сатирическую песенку об отношениях кардинала Мазарини и Анны Австрийской (= матери Людовика XIV), принадлежащую Claude de Chovigny, baron de Blot l’Eglise (1651 год) (цитируется в: Guy Breton. *Histoires d’amour de l’histoire de France*. Vol. 4. Paris, 1960, p. 39):

Allez-vous faire foutre,
Monsieur de Mazarin!
Quoi! pour un peu de foutre
Qui sort de votre engin
Vous embarbouillez la France.
Si Dame Anne le vouloit
On la baiseroit et chevaucheroit
Bien mieux que votre Eminence.

Примечания

¹ А.С. Нариньяни, со свойственной ему тонкой пронизательностью и научной смелостью, отметил (устно), что между пристрастием А.Р. к нагоде истины и женским родом существительного *истина* может существовать релевантная связь. (Ср. также традиционные в начале XIX в. протесты русской цензуры против словосочетания *нагая истина*: «Истине, как даме, нагой появляться не приличествует».)

² Пользуясь удобным случаем, приведем здесь этот маленький *chef-d'oeuvre* острой лингвистической мысли.

Задача Зализняка: «Неосмотрительный незнакомец».

Дано: Некто едет на «москвиче» и, задумавшись, перерезает дорогу огромному самосвалу, который чуть-чуть не врезается в «москвич». Однако оба водителя успевают затормозить, после чего шофер грузовика распахивает дверцу и в ярости обращается к водителю «москвича» с речью,

(1) общий смысл которой можно перефразировать примерно так: ‘О неосмотрительный незнакомец! Сейчас я накажу тебя ударом по лицу!’

(2) Структуру этой речи удастся представить с помощью переменных следующим образом: «У, X! Сейчас как Y-у тебя по Z-у!»

(3) X и Z — существительные, Y — глагол; при этом X, Y и Z все образованы от ОДНОГО корня, принадлежащего к тому слою лексики, который был обозначен как «бранная лексика» Е.М. Галкиной-Федорук, которая после успешной защиты диссертации об этой лексике умело пустила ее (= лексику, а не диссертацию) в ход по отношению к водопроводчику, который... — впрочем, это совсем другая история, к каковой мы надеемся когда-нибудь вернуться, а пока остановимся*.

* Видимо, время уже пришло рассказать тем, кто никогда не видел и не слышал Галкину-Федорук, знаменитую легенду, воодушевлявшую студентов-филологов не одно десятилетие. Галкина-Федорук защищала на филфаке МГУ докторскую диссертацию по русской бранной лексике XVI—XVII веков. Защита проходила на полусекретном заседании ученого совета, на которое не допустили женщин (кроме докторов наук) и студентов. После блестящей защиты, держа в руках поднесенный ей огромный букет цветов, а потому плохо видя, что делается перед ней, Галкина-Федорук шла к выходу из дворика перед старым зданием филфака (на Манежной площади), где ее ждала машина. Но на ее пути оказался открытый люк канализации, где кто-то работал. Пройдя слишком близко от люка, Галкина-Федорук зацепила ногой булыжник, каковой упал на голову рабочего. Недовольный этим, тот вынырнул из люка и произнес несколько энергичных фраз, где он упомянул родительницу Галкиной-Федорук в связи с различными анатомическими деталями и их функционированием. Заинтересованная Галкина-Федорук остановилась, вслушалась и поправи-

Требуется: Перевести речь шофера грузовика на хороший русский язык с соблюдением условий (1)—(3).

Задача может быть рекомендована для 1—2-го курсов филологических факультетов университетов и пединституты, а также для школьников старших классов.

³ А.С. Нариньяни обратил мое внимание на то, что во избежание недоразумений здесь везде следовало бы писать «губы₁».

⁴ Однако есть здесь одна любопытная заковыка: интересно, имеет ли *baiser*₂ и значение латинского *irrumare*? Если бы это оказалось так, то пришлось бы признать маргинально-периферийное участие губ и в *baiser*₂ (хотя, так сказать, и наоборот). Возможна также связь *baiser*₂ со смыслом ‘fellari’. Впрочем, не будучи native speaker’ом и тем более native fucker’ом, трудно судить обо всем этом; даже А.А. Зализняк («Ma vie a Paris, parmi et avec les Parisiennes», 124-e éd., 6000 p., ill., tabl., sch., цв. вкл.) не сумел дать автору надежную информацию**. Да, туго это все заверчено — и притом гандибобером, как любит выражаться сам А.Р.

⁵ Кстати сказать, в свете вышеизложенных соображений приходится пересмотреть следующую любимую загадку-шутку, которую А.Р. неоднократно предлагал своим ученикам, сотрудникам и коллегам. Некто посылает из командировки домой такую

ла рабочего: «Да нет, сынок, не X ей Y-ом в Z, а трах-тибидох ее по Y-у X-ом. А потом...» Но рабочий не дослушал: от удивления он разжал руки и упал в колодец, причем сломал ногу. Галкина-Федорук три месяца платила ему пособие по нетрудоспособности: ее признали виновной в непредумышленном членовредительстве... («— Что общего между матом и диаматом? — И тот и другой — мощное оружие в руках рабочего класса и, как мы видим, трудовой интеллигенции».)

** После долгих лет томительной неопределенности я, наконец, получил исчерпывающий ответ на данный вопрос — от надежного специалиста в соответствующей области, моего друга и коллеги Alain Polguère’a. Французское BAISER не имеет смысла ‘irrumare’; сказать нечто вроде **Jean a baisé Marie à <dans> la bouche* невозможно. Что, впрочем, не исключает наличие семантической связи между *baiser*₂ и ‘fellari’ = *tailler une pipe* [à N].

телеграмму: «Шесть щек целую толстого кота». Что это значит? Ответ: Сначала текст переводится на французский, что дает «Six joues baise gros chat» или, в русской транскрипции, «Си жу бэз гро ша»; затем это все понимается по-русски: ‘Сижу без гроша’.

Здесь, однако, есть, как теперь ясно, существенная неточность: соответствие «целую — baise». Необходимая замена в русском тексте загадки привела бы к его нецензурности; что делать? (вопрос, который уже задавался, по крайней мере, дважды...). Эта увлекательная проблема все еще ждет своего исследователя.

⁶ Отметим, в заключение, еще одну увлекательную «пандробность», связанную со всем предыдущим, хотя и уводящую несколько в сторону. У глагола *baiser*₂ появилось новое помен actionis, образованное совершенно регулярным способом: *la baise*. Допускает ли оно квантификацию: *une baise, des baises, 1937 baises*? Во-первых, любопытно было бы выяснить, так ли это или хотя бы в какой степени это так. Во-вторых, если это так, каково должно быть семантическое описание существительного *baise* и, главное, его перевод на русский язык? Здесь для любителей русской речи открываются увлекательнейшие перспективы <...>

Дополнение (январь 1978 г.)

Для русскоязычных читателей могут представить известный интерес следующие примеры употребления глагола *baiser*₂, заимствованные из одного вполне рядового современного французского романа: Н.-Ф. Рей. «Les pianos mécaniques». Paris: R. Laffont, 1962. Вот они:

(1) *Tout le monde baise sur ce bateau* (p. 87).

(2) *Et lui sur elle, et dans elle, et elle qui crie. Il baise. Il y met toute sa force, toute sa puissance. Il baise* (p. 109).

(3) *Je vais aller baiser Orange. Je la baise et je m'endors... La bonne solution... Je la baise, parce que je suis bon, que j'ai envie de faire plaisir* (p. 285).

Еще один показательный пример (В. Clavel. «Le tonnerre de Dieu». Paris, 1958):

(4) *T'es une putain qui se fait baiser sans que ça serve jamais à rien* (p. 120).

Отметим, что в интересующем нас здесь смысле BAISER допускает конструкцию с наречием ENSEMBLE ‘вместе’, которая по-русски абсолютно невозможна:

(5) *On baise ensemble* » ‘Я с ней / с ним сплю’.

Дополнение (май 1978 г.)

Профессор André Clas (Монреальский университет) познакомил меня с выдержками из материалов к словарю, подготовленных обществом «Les amis du lexique français» (14, rue Beaurepaire, Paris, 10e, France), где приводятся многочисленные производные глагола BAISER, а также сам глагол, с необходимыми комментариями, примерами и ссылками. Поскольку указанные материалы абсолютно недоступны широкой публике, мне представляется целесообразным привести их здесь.

BAISABLE adj.: 1) (d'une femme) qui possède le minimum d'attraits physiques sur un plan sexuel (TFx, cf 1967a). Synonyme: METTABLE. 2) compréhensible (qui peut être saisi par l'intellect) (J / A étudiants, milieu XXe s.).

BAISADE n.f.: coït, fornication (P / L 1850 Flaubert Correspondance 1850; Journal Concourt 1860); BAISAGE n.m.: même sens (P / Lx 1903b).

BAISAILLER v. intr. et tr.: donner des baisers (F vers 1922, cf FEW, rare: on dit plutôt «baisoter»; le sens «faire des visites» donné par FEW ne se comprend pas; fréquentatif et diminutif de «baiser»). Pourrait signifier également «baiser» au sens libre.

BAISANCE n.f.: (petite) valise (J / A élèves officiers de Sète 1951, Esnault; variante de BAISE-EN-VILLE, d'emploi beaucoup plus restreint et qui ne semble pas confirmé).

BAISANT adj.: 1) agréable, plaisant, «marrant» (d'une personne ou d'une chose) (A / Px, cf 1918a qui, cependant, donne à tort ÊTRE BAISANT = être content (?), cf également 1932a; 1965d ...j'ai été ficelé au poteau de torture et je vous jure C'EST PAS BAISANT..., et 1967a lequel traduit: «qui n'est pas accueillant, qui n'a pas l'esprit

coopératif»; à noter que le mot s'emploie surtout dans des tournures négatives); 2) étonnant, surprenant (J/A jeunes, lycéens milieu XXe s.; d'un sens particulier de BAISER).

BAISATOIRE adj.: relatif à l'amour physique (P / L / N 1903b: «la continuation de leurs brillants exploits BAISATOIRES»). De la même manière, on peut imaginer le voisin BAISATIF.

BAISE n.f.: 1) fait d'être pris, «attrapé», dans ÊTRE DE LA BAISE = être refait, «baisé» (J / A soldats 1916; déverbal de BAISER); 2) l'amour physique (A / Px milieu XXe s.; s'emploie presque exclusivement avec l'article défini); 3) retenue (privation de sortie) (J / A Grandes écoles, cf 1963b, mais certainement bien antérieur). Une demi-retenu est une DEMI-BAISE.

BAISE n.m.: baiser; ce mot noté populaire par Delpalle 1896a est plutôt dialectale; voir en conséquence la série locale.

BAISÉ p.p. et adj.: pris, refait, «possédé» (Pxx 1881a; variantes contemporaines de style plaisant: BAISÉ EN CANARD (1963b); BAISÉ EN LEVRETTE (1970b); 2) fou, «piqué», «maboul» (J / A A-M. Angers 1930; argotique, peut s'appliquer à des inanimés; cf 1972c DES JOBS BAISÉS, sens voisin de DINGUE); 3) étonné, estomaqué (J / A A-M. Angers 1930).

BAISE-CUL n.m.: vil flatteur, flagorneur (P peut-être XVIe s., cf dans Rabelais, «Pantagruel» 1532 le seigneur de BAISECUL; est aussi régional). Voir LECHE-CUL.

BAISE-EN-VILLE n.m.: 1) «petit bagage qu'on emporte le dimanche» (J/F répétiteurs de lycée 1934; Ecole Polyt. 1938; s'est popularisé après la guerre TFxx; cf dans le parler matelot 1976a: «très petite valise utilisée lors des descentes à terre de courte durée»); 2) valise (J/F voyageurs de commerce 1952, Esnault); 3) sac à main (de dame) (quand il contient un nécessaire de toilette) (A/P 1965a, pour le moins douteux).

BAISER v.intr.: faire l'amour (TFxx(B), déjà dans Villon 1461, voir BAISER, v.tr.). REM.: La littérature érotique renferme d'innombrables syntagmes décrivant les postures amoureuses sur le modèle BAISER (ou FOUTRE) A LA... / COMME... / EN... etc. Nous donnons ci-après les principaux, dont on retrouvera quelques-uns dans la nomenclature; pour les explications et pour d'autres exemples se reporter notamment à Restif 1798b, à Delvau 1867a, à Lagail 1903b:

BAISER À BLANC / À COUILLES ou COUILLONS RABATTU(E)S / À LA DRAGONNE / À LA DUC D'AUMAËLE / À LA HUSSARDE / À LA RICHE / À LA PAPA / À LA PARESSEUSE / À VIT SEC / COMME UN DIEU / D'UNE AUTRE SORTE / EN AISSELLE / EN ARTILLEUR / EN CUL / EN CYGNE / EN ÉPICIER / EN GAMIN / EN LEVRETTE / EN MA-ÇON / EN TETONS / PAR DERRIÈRE / SUR LE POUCE etc.

BAISER v.tr.: 1) posséder charnellement (TFxx XIIIe s., peut, à la rigueur, être affecté d'un B, quoique de plus en plus répandu et admis, peut-être sous l'influence du deuxième sémantisme). REM.: On ne peut parler de ce verbe sans consulter John Orr dans 1963a; l'illustre linguiste britannique nous apprend que BAISER dont l'emploi euphémique remonte au XVe s. (et sans doute beaucoup plus haut) était, au XVe s. déjà, devenu ce qu'il est aujourd'hui un mot cru, brutal; au début du XVIIe s., il est remplacé à son tour par un euphémisme FAIRE L'AMOUR, tour ancien qui signifiait «courtiser» («to make love» de l'anglais): «Voilà, mon grand Amy, ce qu'on soulait en Cours/ De tout temps appeler f...tre ou BAISER sa mie,/ Mais de nos Huguenots la simple modestie/ Nous apprend que ce n'est sinon FAIRE L'AMOUR». (Parnasse satyrique, 1622); 2) (au sens de «prendre» et de certains de ses composés, au propre et au figuré dont: a) «avoir», «posséder» qn, le duper (TFxx, un hapax vers 1500, seulement bien attesté à la fin du XIXe s., cf Rigaud 1881a); b) serrer (avec une pince selon Esnault; c) prendre en faute, surprendre; arrêter, «pincer»; d) voler (un exemple chez La Varende 1953); e) boire (une bouteille), voir BAISER UNE FILLETTE; Rem.: Pour tous ces sémantismes, les tours passifs: ÊTRE BAISÉ (voir ci-dessus BAISÉ) et SE FAIRE BAISER sont particulièrement fréquents, avec toutes les nuances que peuvent revêtir les verbes précédents; nous avons noté, par exemple, en 1970, de la bouche d'un chauffeur de maître SE FAIRE BAISER = se faire tuer dans un accident de la route; 3) par spécialisation en milieu étudiant, surprendre, étonner, enthousiasmer (J / A A-M. Angers 1930; encore vivant, cf; 1968a); 4) comprendre (saisir intellectuellement), «piger» (J/A Ecole Polyt. Esnault donne la date de 1939, mais ce sémantisme, qui s'est largement répandu en milieu scolaire et universitaire où il est en concurrence avec le synonyme BITER, re-

monte sans doute bien plus haut; syntagmes, Y BAISER DES QUEUES, QUE DALLE, QUE POUIC, etc).

BAISER (SE) v. pron. récip.: se posséder (charnellement) (TFx Flaubert, Correspondance 1852).

BAISERA BLANC v.intr.: se masturber (J/L libertins, 1867a). Voir BLANC.

BAISER LA CAMARDE: mourir (A/L 1842a; n'a aucune réalité orale).

BAISER LE CUL: 1) flatter de la façon la plus servile (Px XVIIe s., cf Aca 1694a); 2) s'embarquer sur une piste sans issue (J/F police Paris, 1975a; à rapprocher du suivant).

BAISER LE CUL (et, par euphémisme, LE FOND) DE LA VIEILLE: perdre une partie sans faire un seul point, être capot (J / F joueurs XVIIe s., cf 1718a; var; A LA VIEILLE, Landais 1834; l'expression est encore vivante, notamment à la boule lyonnaise, et sous la forme BAISER LE CUL DE LA FANNY ou FAIRE FANNY, 1902; étendue aussi à la pétanque).

BAISER UNE FILLETTE: boire une petite bouteille de muscadet (J / F parlet matelot, cf 1976a).

BAISER LA GUEULE (à qn): avoir, posséder, «clouer le bec» (Px 1967a; cf également AIR EN BAISE GUEULE, dans 1972e).

BAISER n.m.: embrasser lascif, déduit (sens libre) (L XVIIe s., Ablancourt cité par 1735a).

BAISETTE n.f.: 1) jeu pratiqué dans les bars et cafés parisiens (A / P 1963b; sans doute parce que le gogo s'y fait ... baiser!); 2) membre viril (P, cf 1967a qui écrit aussi BÉSETTE (ou BÉZETTE), le faisant dériver de l'anglais «to beset» ou de l'allemand «besitzen» (?), et d'où il tire FRIGIDAIRE A BAISETTE n.m.: femme frigide, de style burlesque et plus littéraire qu'oral); a donné également ZÉZETTE n.f., idem, diminutif.

BAISEUR n.m.: 1) homme qui fait l'amour, et plus particulièrement qui se distingue sur ce chapitre (TFxx XVIIe s. «Parnasse des Muses», cité par 1735a; aussi Journal des Goncourt 1860); le féminin BAISEUSE est également très employé, populairement, pour désigner une femme ardente au déduit, début XXe s. (cf 1903b); 2) spécialement homosexuel qui pratique le chantage aux moeurs (J / A police de Paris, cf 1975a); mais on dit plus souvent TRUQUEUR.

BAISEUSES n.f.: lèvres (A / P 1894a; rare).

BAISIFIER v.tr.: épater, stupéfier (J / A A-M. Angers 1910; équivalent de BAISER 3) ci-dessus).

BAISIN n.m.: côft, «baise» (A / P 1968a, non réattesté; mot d'auteur?).

BAISODROME n.m.: chambre, endroit où l'on fait (beaucoup) l'amour (A/Px, plais, 1963b).

BAISOGNER v.tr.: posséder charnellement (L / N, jeu graphique de J.P. Clébert, «La Vie sauvage», rapporté par M. Rheims). Voir BESOGNER.

BAISOIR n.m.: 1) même sens que «baisodrome» (P / L XIXe s. (?)); 2) sexe de la femme (P / L, cf 1967e, citant la traduction de «Sexus» de Miller).

BAISOT,-E n.m. et f.: enfant préféré (P 1967a qui écrit aussi BÉZOT-E).

BAISOTTE n.f.: membre viril (P 1967a); variante de BAISETTE.

BAISOT(T)ER v.tr. (peut être également intr. au sens 2): 1) donner de petits baisers répétés (Px 1556 Ronsard; rare de nos jours, on dit de préférence BÉCOTER); 2) «baiser» (sens libre), souvent ou de façon médiocre, parcimonieusement (Px Journal des Goncourt 1884; cf aussi 1967a). BAISOT(T)ER (SE), au sens 1), familier chez Huysmans, 1879b = «se bécoter».

BAISOUILLE n.f.: amour physique, «baise» (P, cf 1972e qui écrit BAIZOUILLE).

BAISOUIILLER v.tr. et intr.: 1) faire l'amour, posséder charnellement (Px 1963b; forme fréquentative, avec les nuances possibles, rapidement ou à répétition); 2) sens figuré, v.tr.: «avoir», posséder, duper (Px). REM.: La création ouverte n'est pas exclue en l'occurrence, d'où la forte probabilité de rencontrer, dans la langue parlée surtout, les dérivés BAISOUILLAGE et BAISOUILLEUR.

Дополнение (ноябрь 2005 г.)

Ниже приводится небольшой отрывок из книги М. l'Abbé Charpe d'Auteroche, *Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761*, Paris, Debure: 1768 [Переиздано в: Н. Carrère d'Encausse,

L'Impératrice et l'Abbé. Un duel littéraire inédit entre Cathérine II et l'Abbé Chappe d'Auteroche. 2003, Paris, Fayard, p. 137]. В нем хорошо видно, как употреблялись глаголы EMBRASSER и BAISER (оба в смысле «целовать») в литературном французском языке XVIII века. (Отрывок сообщен мне Е.Н. Саввиной.)

Dès que je fus arrivé, j'allai voir M. de Soïmonov... Il envoya chercher ses filles: la plus agée était veuve; elle vint m'**embrasser** sur la bouche et prit ma main pour la **baiser**. ... Les deux autres, dont la plus jeune avait dix-neuf a vingt ans, s'étant approchées pour le même motif, je fus au-devant d'elles: après les **avoir embrassées** selon leur usage, je **baisai** leurs mains et retirai la mienne. Selon l'étiquette, je devais en effet faire un baiser sur leurs mains pendant qu'elles en faisaient un sur la mienne; mais je devais attendre a ma place qu'elles vinsent m'**embrasser**.

Анатолий Федорович Журавлев

А.С. ПУШКИН.
«ИЗ ЧЕРЧОВЫХ ВАРИАНТОВ ЧЕТВЕРТОЙ
И ПЯТОЙ ГЛАВ "ЕВГЕНИЯ ОЧЕГУИНА"»

Песнь четвертая

[Параллельные места]

I

Ужель та самая Татьяна,	8, XX
Невинной прелести полна,	2, XXI
С героем моего романа	1, II
Осталась, наконец, одна<?>	7, XXI
Она ласкаться не умела<,>	2, XXV
Она дрожала и бледнела,	5, VI
Увидя в <i>этом</i> страшный вред	2, IV
Без малого в осмнадцать лет.	2, X
Невольно в зеркало глядится,	6, XXIII
Татьяна чуть жива лежит,	5, XX
Бледнеет, гаснет и молчит,	4, XXIV
Одежды край поднять стыдится.	5, XVI
И нечувствительно он ей:	4, XXXVIII, XXXIX
<<>Обычай деспот меж людей<!>	1, XXV

II

Онегин, взорами сверкая,	5, XVIII
Любовью шутит<,> сатана!	4, XXI
Увы, невеста молодая	7, VIII, IX, X
Соединиться с ним должна<.>	2, VIII
Татьяна, вспыхнув, задрожала,	3, XXXIV
Рвалась и плакала сначала<...>	2, XXXI
Ему и больно и смешно	5, II
Различно повторять одно.	4, VIII
И между тем луна сияла;	3, XX
Но Таня плакать не могла,	7, XII

Приемы скоро приняла, 8, XXVIII
 Привыкла и довольна стала. 2, XXXI
 И утро в полночь обратя, 1, XXXVI
 Татьяна любит не шутя. 3, XXV

[Зачеркнуто:

<III>

Он по-французски совершенно 1, IV
 Попробовать не захотел 1, XXXVII
 8,11
 Она по-русски плохо знала 3, XXVI
 10, VIII
 Опять ее прикосновенье 1, XXXIV
] 8, XXV

III

И Тане уж не так ужасно. 5, XVIII
 И гордой девы идеал Путеш. Онег.
 У ног любовницы прекрасной 3, XIV
 На смятом канapé лежал. 7, XVII
 И наша дева насладилась 7, XXXV
 И как вакханочка резвилась... 8, III
 И тут, совсем утомлена, 7, XLII
 Остановилась она, 3, XLI, 5, XI
 К луне подъемлет томны очи: 8, XXVIII
 «Ох, силы нет... устала грудь... 7, XLII
 Докончу после как-нибудь!.. — 3, XLI
 А он упрям, отстать не хочет, 8, XXXII
 Проказы женские кляня: 5, XLV
 «Вы не оставите меня!..» — 3, ПТ

IV

Ей-Богу, сцена из романа!... 7, XLI
 1, IX
 1, XIII, XIV
 В глуши что делать в эту пору?... 4, XLIII
 10, I

Песнь пятая

I

Что было следствием свиданья? 4, XXIII
 Ребенок был<, > резов, но мил... 1, III
 10, XII
 8,11

Примечания публикатора

4, I (строка 1). — Ср.: (а) *Итак, она звалась Татьяна...* (2, XXV).
 (b) «*Ужели, — думает Евгений, — Ужель она? Но точно... Нет...*»
 (8, XVII).

4, I (3). — Ср.: *Героя нашего романа* (5, XVII)

4, I (4). — Ср.: (а) *Они сошлись* (2, XIII). (b) *Младая дева с ним сам-друг* (5, XX). (c) *Ужель и вправду наконец* (6, XLIV).

4, I (5). — Ср.: *К тому ж они так непорочны* (1, XLII).

4, I (6). — Ср.: *Кокетства в ней ни капли нет* (8, XXXI).

4, I (7). — Ср.: (а) *И ум, еще в сужденьях зыбкой* (2, XV).
 (b) *К беде неопытность ведет* (4, XVI). (c) *Но стало страшно вдруг Татьяне* (5, X).

4, I (8). — Ср.: (а) *Возможно ль? Чуть лишь из пеленок* (5, XLV).

(b) *...в осьмнадцать лет Оно простительно* (6, X). (c) — *Как быть? Татьяна не дитя... Пристроить девушку, ей-ей, Пора...* (7, XXV).
Хоть поздно, а... (7, LV). (d) *Блажен, кто вовремя созрел* (8, X).

(e) *Любви все возрасты покорны* (8, XXIX).

4, I (10). — Ср.: *Татьяна чуть жива...* (5, XXXIII). *Татьяна смотрит и не видит* (7, LIII). *Она была нетороплива* (8, XI).

4, I (11). — Ср.: (а) *Сгорая негой и тоской* (3, VII). (b) *Души неопытной волненья* (3, Письмо Татьяны).

4, I (12). — Ср.: (а) *Таков обычай деревенский* (2, XII). (b) *Жеманство, — больше ничего* (2, XXIV). (c) *Как он, она была одета* (2, XXXI). (d) *Иль край одежды целовать* (4, XXV). (e) *Татьяна по-ясок шелковый Сняла, разделась и в постель Легла* (5, X).

4, I (13). — Ср.: (a) *Ужасно недоволен он* (1, XXI). (b) *И резкий, охлажденный ум* (1, XLV). (c) *...ваши слезы Не тронут сердца моего, А будут лишь бесить его* (4, XIV). (d) *Траги-нервических явлений, Девичьих обмороков, слез Давно терпеть не мог Евгений: Довольно он их перенес* (5, XXXI). (e) *С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой* (7, XXII). *И локтем Таню враз...* (7, LIV).

4, I (13). — Ср.: *Татьяна ах! а он реветь* (5, XII).

4, I (14). — Ср.: (a) *Так нас природа сотворила* (5, VII). (b) *И вот на чем вертится мир!* (6, XI).

4, II (1). — Ср.: *Осклабя взор* (6, VIII).

4, II (2). — Ср.: (a) *В любви считаясь инвалидом* (2, XIX). (b) *Приготавливается шутя* (2, XXVI).

4, II (3). — Ср.: (a) *«Приди, приди: я твой супруг...»* (6, XXII). (b) *Увы, любовник молодой* (6, XL).

4, II (3—4). — Ср.: *Онегин тихо увлекает Татьяну в угол и слагает Ее на шаткую скамью* (5, XX).

4, II (4). — Ср.: (a) *«Что ж, начинать?» — Начнем, пожалуй* (6, XXVII). (b) *...она мечтой Стремится к жизни полевой* (7, LIII; NB: нет ли пушкинской описки в последнем слове?). (c) *Чего хочу?* (8, Путешествие Онегина).

4, II (6). — Ср.: (a) *Играть и прыгать не хотела* (2, XXV). (b) *...и слеза Туманит нежные глаза* (6, XLI). (c) *И слез ручей УТани льется из очей* (7, XXXII).

4, II (7). — Ср.: (a) *С ученым видом знатока* (1, V). (b) *Противоречий очень много* (1, LX). (c) *Нам чувство дико и смешно* (2, XIV).

4, II (9). — *Луна сияла* — поэтическое преувеличение. В лучшем случае речь может идти о ветхом месяце (см. ниже).

4, II (10). — Ср.: (a) *Не долго плакала она* (7, VIII. IX. X). (b) *На что грустить?..* (7, XIV). (c) *Противиться не в силах боле* (Путешествие Онегина).

4, II (11). — Ср.: (a) *Мы все учились понемногу* (1, V). (b) *Уж хитрость ведает она* (5, XLV). (c) *И начинает понемногу Моя Татьяна понимать* (7, XXIV).

4, II (11—12). — Ср.: *Открытие большое скоро Ее утешило совсем* (2, XXXII).

4, II (14). — Ср.: *Сильнее страсть ее горит* (7, XIV).

Зачеркн. фрагм. (1—2). — Ср.: (a) *И множество его причуд* (7, LV). (b) *Без этих маленьких ужимок, Без раздражительных затей* (8, XIV).

Зачеркн. фрагм. (4). — Ср.: *Когда бы ведала Татьяна* (6, XVIII).

Зачеркн. фрагм. (6). — Ср.: *Роскошное прикосновенье* (1, XXXI).

4, III (3). — Ср.: (a) *Три пары стройных женских ног* (1, XXX). (b) *С любовью лечь к ее ногам* (1, XXXIII).

4, III (4). — Ср.: *А на полу мосье Трике* (6, II).

4, III (6). — Ср.: (a) *То стан совет, то разовьет* (1, XX). (b) *Люблю я бешеную младость* (1, XXX).

4, III (8). — Ср.: *«Довольно, милый...»* (4, XLVIII).

4, III (9). — Ср.: (a) *С невольным вздохом сожаленья* (2, XVII). (b) *Она любила на балконе* (2, XXVIII). Указание в пушкинском тексте на то, что окончание описываемого свидания происходило при утренней луне (ср. выше, IV, 2 (13): *И утро в полночь обратя*) ставит перед любителями хронологии задачу установления приблизительной его даты: ее можно попытаться выяснить, проконсультировавшись с астрономами.

4, III (10). — Ср.: (a) *...что за грудь!* (4, XLVIII). (b) *На грудь кладет тихонько руку* (6, XXXI). (c) *Татьяну трогают* (7, XLIII). (d) *Как негой грудь ее полна!* (7, LII).

4, III (11). — Ср.: (a) — *Прощай, Онегин, мне пора* (3, I). (b) *Кончаю! Страшно...* (3, Письмо Татьяны). (c) *«Довольно; встаньте»* (8, XLII).

4, III (12). — Ср.: *Им овладело беспокойство* (8, XIII).

4, IV (1). — Ср.: *Роман во вкусе Лафонтена* (4, L).

4, IV (4). — Ср.: (a) *...любовь, деревня, праздность* (1, LVI). (b) *В глуши, в деревне все вам скучно* (3, Письмо Татьяны). (c) *Довольно скучная пора* (4, XL). (d) *На лоне сельской тишины* (7, II).

5, I (1). — Ср.: *Но следствия нежданной встречи* (3, XLI).

5, I (2). — Ср.: (a) *Он весел был* (4, L). (b) *Резва, беспечна, весела* (6, XIV).

5, I (3—4). — Ср.: *Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил С печальной Таней наш приятель* (4, XVIII).

Публикация А. Ф. Журавлева

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТ?

[Почему не говорят «виртуоз боя быков»? — Потому, что говорят «аскариды» (ас корриды).]

Эльза хуже < Бертолуччи (Берта лучше)

Как козёл, ёлки-палки! < сказуемое (С козу, ё-моё!)

По жопе-с! < абзац (Об зад-с!)

дерьмо гасконца < колбаска (кал баска)

дерьмо скифки < колготки (кал готки)

Все еще не являюсь сам собою < покаяние (Пока я не я)

сопли от джентльменов < Потсдам (Пот с дам)

Это — фимиам МВД < Семирамида (Се миро МИДа)

Пинай тупо! < Калиостро (Коли остро!)

трефы Лотт < винегрет (вини Грет)

Эвфемизм нечаст < табуретка (Табу редко)

Укради деталь < сопричастность (Сопри частность)

потроха снарядов < Ливерпуль (ливер пуль)

А потом трусы! < счастливчик (Щас лифчик!)

Для бассейна иконостас приобрел < На Фонтанке водку пил
(На фонтан кивот купил)

Кедр засекает прерию пфеннигом < Со сна садится в ванну
со льдом (Сосна садит саванну сольдом)

Геленджик, надеюсь, ведро клепал < Она по чаю тосковала
(Анапа, чаю, таз ковала)

АЧАТРАММЫ (ИЗБРАЧНОЕ)

Памяти трех замечательных авторов:

мэтра *Алькофрибаса Назье*, извлекателя квинтэссенции;

Харитона Макетина, дипломата и наблюдателя слов;

Вивьена Даркблума, проницательного комментатора «Ады»*.

Составитель надеется, что посвящение первому хотя бы отчасти оправдает рискованность некоторых предложенных ана-

* Примечание для страдающих забывчивостью: *Alcofribas Nasier* ← *François Rabelais*, *Харитонъ Макетинъ* ← *Антиохъ Кантемиръ*, *Vivian Darkbloom* ← *Vladimir Nabokov*.

грамм, имя второго напомнит о давности отечественной традиции игр стеклянными бусами, посвящение же третьему оградит от подозрений в приверженности фрейдизму, равно как и от самих фрейдистов, дай им бог всего наилучшего.

Составитель надеется также, что нашедшие свое имя в ниже следующих списках отнесутся к этому обстоятельству с необходимым чувством юмора.

А.Т. Жанров-Алилуйев

Александр Востоков

вандал Коте Кроссов
востоковед Ларс Кан
Всеволод-Оскар Кант
кет Радослав Носков
Коте Воландов-Красс
Котелов-Кассандров
Лев Сантос-Кокардов
Оскар Стадов-Клёнов
сексот Ардов-Кланов
Авт. Классов-Доренко
Ад.К. Карлсон-Советов
ак. Д. Крестов-Салонов
ак. Д. Сокол-Сервантов
А. Кедов-Окнов (ЛатССР)
ак. Сел. Квантов (Родос)
Ал.Д. Танкеро-Сосков
Ал.Н. Кастро-Довесков
Ан.С. Скаредов-Котлов
А.С. Скатов-Ренклодов
ас Д. Стекло-Коранов
ас Д. Тленов-Корсаков
асс. Нардов-Клёкотов
Аст. Карден-Волосков
варнак Л.С. Костоедов
Влас Ак. Тонкосердов

Вс.С. Кадетов (Локарно)
девка Н.Стр. Соколова
декан С. Староволков
дон Карлос В. Аскетов
д-р Анат. Кексов-Ослов
Д.С. Старов-Коваленко
Д.Т. Коксов-Арсеналов
Е. Костров-Скандалов
Е.О. Кондаков (ЛатвССР)
кадет кн. В.О. Рассолов
канд. Арс. Светлооков
кантор Садко В. Лосев
кантор Вс.К. Салоедов
каскадёр С.Н. Вологов
кет Роланд Ос. Квасов
К.Л. Кванторов (Одесса)
Клод А. Трассов-Конев
кн. Клавд. Стоеросова
кн. К.О. Седлов (Саратов)
кн. Седоков-Астралов
косовар Т.Д. Власенко
К. Сроков-Сандалетов
Кс. Секторов-Алданов
Л. Драконов-Кассетов
лектор Анд.Ас. Совков
Л.С. Декоров-Стаканов
Л. Стонов-Каскадёров
нарк. О.Вл. Достоевска
Н.Л. Кодексов-Тарасов
Н.Л. Страдаев-Кокосов
Ол.С. Данко-Верстаков
Орест В. Слонов (Дакка)
Ор.Л. Стендов-Аксаков
Ос.Р. Волк-Кастанедов
О.С. Складов-Нектаров
отрок А.Д. Валенков (СС)
Р.С. Асланов-Декоктов

Р.С. Дантес-Оковалков
сван Ад.К. Скоротёлов
с.-д. К. Каналов-Осетров
с.-д. О. Катон-Сверкалов
С.Е. Карлов-Костандов
Сер. Скотов-Кандалов
С. Кадастров-Коленов
С. Карданов-Костёлов
словак С.Р. Анекдотов
С. Лосенко-Квадратов
С. Раков-Солдатенков
С.С. Елдаков-Картонов
сталкер Анд.О. Совков
Ст. Р. Леонов-Каскадов
Т.К. Соседов-Корвалан
тов. Ан.К. Ласкосердов
Т. Серовласов (Коканд)

Александр Потеня

бард Сеня Лаптенко
баск Андре Лепотян
бас Ян-Кондрат Пеле
патер Аксён Болдян
Пестряк-Беладонна
ребё Клодт-Панасян
сатрап Бен Ляденко
тапёр Ленская-Бонд
А. Бенкендорп (с. Ялта)
абон-т Я. Сенека (ЛДПР)
актр. Е.Н. Бесплодная
ак. Т.С. Обеднелая (ПНР)
Ал.Н. Бродская-Петен
Ан.Е. Блонская (Дерпт)
араб Кл.Д. Остепенян
балда Ен.К. Петросян
бапт. Н. Серая (Окленд)

барон. Леда Степняк
бастард Е.Н. Копелян
бедн. Ос.Л. Карапетян
бедняк Р. Атос (Непал)
босняк Ел.Н. Петарда
Бр.Теод. Склёпанная
Дан. Перес-Бонк (Ялта)
д. Ел.Бен. Антропская
д. Ел.Кс. Обтрёпанная
деп. Н.Б. Краснотелая
деп. Странная-Кобёл
деп-т Арн.Ал. Якобсен
деп-т Л.Аб. Скроенная
Е.Б. Копленд-Тарасян
Е.Н. Еропланская (БДТ)
Е.П. Болт-Арденнская
Ер. Долбак-Степанян
ес. Пантел.Ан. Бодряк
ес. Педро Т. Баклянян
канд. Б. Преснотелая
канд. Н. Белопёстрая
канд. Т.Е. Слепая (Брно)
Карп Е. Дантес (Лобня)
клад. С. Непотребная
Кс.Н. Бенд-Троелапая
лаборант П.Е. Десняк
лект. Беспардонная
Л.Е. Пяст-Бандаренко
Н.А. Плоская (Дербент)
нар.деп. Ел.Нат. Босяк
нар.деп. Стан.О. Беляк
Н.Д. Белопантерская
Н.Е. Неподлая (Братск)
Окс.Арн. Нелепая (БДТ)
остряк А.П. бен Ладен
пан Ад.С. Тербяляно
Панас Д. Тер-Кобелян

П. Балаян де Костер
П. Бондар-Скелетная
педераст Ян О. Бланк
пед. Толян (Небраска)
пенс-р Окт. А. Бледная
пер. Кс.Т. Обалденная
пер. Л.А. Детская (Бонн)
перс Е.А. Кант-Долбня
песняр А.Т. Балденко
Петер Д. Наколбасян
план. Ек.Ст. Недобрая
плеб. Катя Андерсон
Праск. Е. Данте (Лобня)
простак Я. бен Ладен
П. Тендерская-Лобан
Р. Беднопланетская
ребятёнок Л.Д. Панса
ред. Т. Пален-Собакиян
сан. Н.К. Теплобёдрая
сапёр Ант.О. Бледняк
сенатор Б.Д. Капелян
средняк А.Б. Платон
сопляк Ант.А. Бендер
Степан А. Дрябленко
ст. пер.* Ак.Е. Надолбян
т. Е.Б. Раннеплодская
т. Е.П. Сладкая-Боннер
т. Н. Бен. Леопардская
трен. Д. Белопанская
японка Т.Ер. Бледанс
«ястреб» Д.Н. Ал-Капоне

Виктор Жирмунский

Курт Жиров-Минский
Рунский-Житков (Рим)

* Старший переводчик. Кажется, не исключены и иные трактовки.

В. Жирноумский (Крит)
Вит. Журкин-Мирской
В.М. Туркин-Ижорский
вор Р. Симкин-Жуткий
врун К. Житомирский
жмурик В. Ритонский
Ж. Римский-Турников
жуир Викт.К. Смирной
жуир Вит.Н. Кормский
журн. О.Р. Виктимский
Ив.Ж. Котурнский (Рим)
Ив.Р. Мойкин-Стрижук
Ив.Р. Муркин-Жосткий
Ив.Р. Рукин-Жмотский
Им.Н. Жуковский (Трир)
инж. Ив.М. Курортский
инж. Рувим С. Кроткий
Ирж.Р. Тувим-Конский
Ир. Р. Жуков-Тминский
Ис.Й. Миртов-Кружкин
кн. Тимуров-Рижский
корр. Им.Ж. Тувинский
кримин. Ж. Туровский
К. Ритмов-Журинский
кумир Н.Р. Животский
Курт М. Жириновский
М.Ж. Киров-Рутинский
министр Р. Кук-Живой
М.И. Стружкин-Кривой
Митр. Синий-Кружков
М. Кижский-Турниров
М. Крутов-Инжирский
морж Й. Курвин (Тикси)
мужик Вис.Р. Тройкин
мужик В. Сойкин (Трир)
мужик Ив.Р. Стройкин
мужик Ирв.Р. Стойкин

Н.К. Жуирский (В.Тимор)
Р. Жрунов-Микитский
ротм. Иржи В. Кунский
Р.Р. Кумов-Житинский
Р. Ужимкин-Творский
Сим. Р. Курткин-Живой
Т. Ивинский-Корж (МУР)
Тим. Курский-Жирнов
Тимур Н. Жирковский
т. Ис.Р. Мужний-Криков
труж. Ив. Микронский
турок Вин.Ж. Мирский

Петр Саввич Кузнецов

везунчик Петр Савцов
перс Витчук-Навозцев
акт. У.Ч. Принцев-Зевсов
В.З. Чупринцев-Тесаков
Вит.Е. Псурцев-Значков
вице-през. Вас.Н. Тучков
возчик В. Царёв-Пестун
В. Тунцов-Исчезаев (РКП)
вузовец Вс.Арт. Печкин
Е.З. Врунцев (Псков — Чита)
зав. Викт. Песец-Ворчун
зав. П. Курц-Нечестивов
зек Ч.Ав. Писцов-Вергун
З. Старцев-Венчиков (ПУ)
зуав Пист К. Червонцев
Ив.Ст. Пачкунов-Резвец
И.Т. Сверчков-Пузанцев
казуист В.-В.П. Чернецов
кучер Стив. Пав. Цензов
науч. сотр. П.В. Звец (Киев)
нацист В. Черепков (вуз)
Пав.Ч. Сук-Винторезцев

пев. Ав.Т. Сучкин-Резцов
певец Вс.Зин. Курчатов
пер. З.В. Свечин-Цукатов
поручик Ев.Ст. Званцев
раввин Кс.Е. Туз-Чепцов
разв-чик Ев.Ус. Птенцов
рец. В.П. Тезисов-Чавкун
рец. Зин.Авв. Пустечков
сван Ц.Т. Зуев-Перчиков
С.В. Путанцев-Черкизов
Св.Т. Резинцев-Паучков
спец. Ч. Квинт-Розуаев
стукач Ов.З. Первинцев
т. В.З. Куренцов-Сипачёв
тов. Ц.Ив. Певзнер-Кусач
турок Ив.З. Чванцев-Пёс
узник Ч. Цветов-Псарёв
ученик Зевс Т. Правцов
уч. А.Т. Зверинцев (Псков)
царист Н.П. Чуев-Зевков
Цв. П. Трезвеников-Усач
цензор Вит.Вас. Купчев
цнз. Скипетров-Чуваев
чувак Вис.Ц. Презентов
чувак Петер З. Свинцов

Роман Якобсон

Боря Манконос
Мокронос (баян)
моряк Оса (Бонн)
Ося Комар (Бонн)
сноб Омар Янко
Соня Брок (Оман)
ак. Моня Осборн
ак. Ян Б. Монсоро
бар. Конон Мясо

баск Ян О. Монро
бокс. Ян Ан. Моор
бонна Окс. Ярмо
бон. О. Скромная
бон. Скромная
босняк Ан.О. Мор
босяк О. Норман
К.Я. Ом (Сорбонна)
М.Ор. Косая (Бонн)
М.О. Янсон-Кобра
Н.Б. Орская (ОМОН)
Н.Б. Скорая (ОМОН)
Н.М. Оборонская
Н. Обнорская-Ом
Н.О. Робсон-Маяк
О.М. Ронсон-Бьяка
Р. Собакян (ОМОН)
Скорбная (ОМОН)
соня О. Боркман
Як. Бронсон-Мао
Я.М. Сорока (Бонн)
Я.О. Маркос (Бонн)

Александр Реформатский

Ксеркс-Дий-Роман Лафатер
Тамерлан Форд-Кесарский
фраер-одессит Майкл Кран
Адам Тр. Сферский-Ларенко
академик Отар Лейн (РСФСР)
акад. Ефр. Ресторанский-мл.
Ал.Е. Форткин-Дрейк (с Марса)
Андрей Ак. Рекс (формалист)
Андр.Еф. Крамской (реалист)
Аркадий Емел. Катон (РСФСР)
арт. Аф.С. Маре-Ренкловский
демократ Арс. Фалернский

д-р Ал.Ер. Кант-Семафорский
д-р Афанасий Л. Керер (Томск)
Ек.И. Лотман-Фрейд (КарАССР)
Ер.Ад. Керн (Самарский фло)
Ерм.Ер. Клодт-Сарафанский
ес. Андре-Фотий-Карл Маркс
ес. Еф.Т. Ламарк-Андоррский
Ефр. Карелин («Дамаскстрой»)
Ил.Р. Макаренко-Фрейд (ТАСС)
кардинал Сем. Раф. Терской
Карен Арк. Фрейд (МАССОЛИТ)
кн. Арм.Р. Лафатер-Одесский
колд. А. Мейер-Атакин (РСФСР)
команд. Арс.Л. Рефератский
корр. Е. Фет-Саламандрский
корсар Еф.Н. Тарле-Дамский
Ларс Ер. Радек-Фантомский
матр. Е. Скафандрский-Орёл
матрос Федр Ел. Канарский
мистер Афан.С. Лорка-Дрейк
Мод. Сераф. Синклер (Тракай)
нар.арт. Досифей Кл. Маркес
н.с. Клод-Ефрем Араратский
редактор Фел. Н. Самарский
рекордсмен Ал.Аф. Тарский
ректор Афанасий Кл. Смерд
реф. Л.Р. Кастанеда-Мирской
с.-д. Корней-Рафаил М. Треска
Серафим Р. Декарт-Ланской
сефард Омар Арт. Клёнский
скиф Марк С. Доре-Талейран
след. Р.Р. Коменский-Арафат
солдат Ер. Франкский-Маре
с.-р. Адам Ан. Рефлекторский
Стефан-Арам Л. Рекордский
тренер Адам Софр. Лакский
федералист Н.К. Марр-Сайко

Фел.Ер. Кроткий (Массандра)
фермер Кл.Ад. Санаторский
Фирс М. Сарделенко («Кайрат»)
фискал Ад.С. Керер-Ройтман
Фома Д. Картер-Салернский
франк Ос.Ер. Малер-Датский
Фред С. Араратский («Ленком»)
фрейдист А. Карлсон-Марке

Виктор Виноградов

Виктор Гнидоваров
вор Винтиков-Годар
Гарик Дивнорвотов
Гидон Кривотавров
Гордин-Кривоватов
Двориков-Виторган
диктор Вова Рингов
доктор Гиви Рванов
Ивритов (град Ковно)
тавр Гиви Кордонов
Тигран Дворовиков
Тигров-Диконравов
Авд. Ирвинг-Рокотов
А.В. Квирит (Новгород)
А.В. Кривдин-Отрогов
адв. Кир.Ин. Творогов
арт. В.И. Рогов-Водкин
арт. К.О. Дивногровов
В.Витов-Гордон (Ирак)
В.В. Огарков (трио «Инд»)
Вивиан Тр. Городков
викар. Д. Винторогов
викинг Дав. Роторов
викинг Ор.Д. Авторов
викинг Ор.Д. Отваров
викинг Ор.Д. Товаров

виконт Гавр. Иродов
виконт Ив. Ор. Градов
Вит. В. Кондоров (Рига)
Вит. Воронков-Гидра
Вит. В. Раков-Дорогин
В. Кротов-Норвид (ГАИ)
вод. О. Р. Гривин-Актов
вок. Г. Винтов-Родари
вор А. Гвидонов (Крит)
вор В. Кодов-Гитарин
вор Ив. Гадкорвотин
В. Т. Иорданов (г. Киров)
второгодник Ивар В.
Гвид. Р. Кинотоваров
Гвидо О. Ватников («РР»*)
Г. В. Иродов-Товаркин
Г. Вторников-Виардо
Г. Двориков-Тиранов
Гиви Тр. Овнокрадов
гид А. Р. Кротов-Вовин
гид Ар. Новиков-Ртов
гидронавт В. О. Киров
гот Р. И. Вовин-Кадров
гр. Викт. Вад. Орионов
Гр. И. Давкин-Воротов
Д. В. Воротников (Рига)
д. В. И. Роков-Гранитов
дворник В. И. Рогатов
диакон В. В. Тригоров
диктор Ив. Р. Вагонов
Д. И. Травкин-Говоров
Д. О. Гавриков-Рвотин
док. Ив. Тигронравов
Дориан В. Ротов (ВГИК)
д-р Ив. В. Рангов (Токио)

* Журнал «Русская речь».

д-р Иг. Ник. Вороватов
И. Аркин-Оводов (ВГРТ)
Иван Г. Коридоров (ТВ)
Ив. Ир. Котов-Грандов
Ив. О. Товарников (ГДР)
Ив. Тварин-Городков
Игнат Р. Кротовидов
Иг. Р. Кротов-Диванов
игрок Вив. Т. Народов
идиот Кр. Авв. Горнов
Ингрид В. Воркотова
Иов Р. Тварин-Годков
Ирод Авв. Торговкин
кантор Иг. Ив. Дворов
К. Ив. Тавров-Дорогин
корр. Иг. Д. Виноватов
Ник. В. Рогов (радио, ТВ)
Ов. Г. Травников-Диор
О. В. Догов-Квартирин
О. В. Триадин (г. Ковров)
огородник В. В. Вирта
Ор. Ив. Грантов-Видок
Ор. Ив. Торнадов (ВГИК)
о. Тодор Авв. Гривкин
раввин Г. О. Дротиков
раввин Ог. Д. Ротиков
раввин Род. К. Итогов
ратник Ив. Д. Ворогов
Р. В. Винт (ВИА «Корогод»)
Р. Вит. Гадов-Коровин
Р. Иг. Овнодавов (Крит)
ритор В. Кингов-Адов
Р. Квинт (ВИА «Договор»)
Родриго В. Ватников
тавр В. И. Огдон-Киров
т. И. В. Кардин-Говоров
Т. Индриков-Оврагов

Т. Кривовидов (орган)
тов. Ардов-Ковригин
тов. Гавр.И. Родников
тов. Гиви Р. Драконов
тов. Дарвин-Игроков
тов. Д. Рингов-Каиров
тов. Индира (г. Ковров)
тов. Р.А. Видов-Горкин
Тодор Р. Иванов (ВГИК)
торговка Вив. Р. Дион
трагик В.В. Родионов
трагик Ив.В. Доноров
трагик Ив.Д. Воронов
трагик Ор.Ов. Вдовин
Тр.Иг. Коварновидов
т. Родион В. Гавриков

Евдокия Галкина-Федорук

дед Ги-Яков-Рафаил Окунёк
куафёр Кики Недоглядова
феодал Гия-Вук Дикаренко
феодал Рудик Кока (Гвинея)
аг. Луи Е. Федякин-Аккордов
войка Ол.У. Гедике-Фрадкин
гид Ек.Я. Кулик-Афедронова
дек. Аг.Я. Фиалкин-Куроедов
дек. Ия Ег. Фиакрова-Колдун
диакон У. Фекалиев-Гордяк
Дик У. Кафка-Одеялов (Нигер)
Д.К. Герундиев-Як (ОАО «Калиф»)
Д.Л. Гадкорукин (АО «Фея», Киев)
д. Лука Е. Книгоедов (Фракия)
д-р Ия У. Кнедликова (геофак)
д. У.Г. Кефилова-Лекок (Дания)
дурак Як.О. Гедике-Финалов
дура Ок.Еф. Голядкина (Киев)

Еф.Д. Уркин-Левик (АО «Ягодка»)
Иегуди Кр. Каналов-Кофеяд
калека Е. Дондуков (Фригия)
каудилио Р.К. Коган-Федяев
К. Голяк (АО «Фукидид», Ереван)
к.-д. Офелия Е. Куракина (Глов)
киевлянка Федора И. Гудок
Клея И. Куракина-Дефо (Глов)
кн. Евдокия Карудо-Галифе
К.Ф. Кедров-Калугин (АО «Идея»)
Лев И. Уродкин (кафе «Ягодка»)
Лидия Ден. Куркова (геофак)
лирик Я. Дедова-Геккон (Уфа)
оглоед Каифа Е. Кудрявкин
о. Илия Аф. Геккерн-Дудаков
О.Л. Кук-Доде (Гвинея, Африка)
Офелия Авк. Докукина-Герд
руков. Д.Еф. Едка-Иголкина
факир Як.Г. Недоук-Идеалов
Фарид И. Куколка-Негодяев
фея Ева К. Дугина-Крокодил
фигляр Ин.Е. Едоков-Какаду

Владимир Звегинцев

Авв. Зимин-Гиреев (ЦДЛ)
адмир. Винц.Г. Лезвиев
адмир. Е.Н. Визгливцев
Вад.Ц. Левин-Мизгирёв
Гв.И. Лидин-Мерзавцев
Ив.Им. Ларцев-Гвездин
изд. Вив.Ил. Германцев
изд. Гл.Им. Ревнивцева
легав. В.Рид-Мизинцев
ленивец Гвид.В. Мирза
цез. Вадим Вл. Веригин

Составил *А.Т. Жанров-Алилуев*

Адам Евгеньевич Супрун

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЖЕНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Автореферат на соискание ученой степени кандидата
филологических наук
по специальности 10.10.09 «Фольклористика»

Целью настоящей работы являются поиски актуального решения проблемы феминизации науки и школы в свете народно-мудростного освещения вопроса о роли женщины в истории путем применения названий лиц женского пола в фольклорных жанрах паремиологического характера.

Материалом работы послужили зафиксированные в наиболее академических изданиях пословицы и поговорки, содержащие феминативы, а также включающие имплицитные намеки на особей женского пола.

Испытанным методом данного исследования является глубокое изучение литературы и контрастно-сопоставительный анализ устно-народно-творческих фактов путем сравнения сравнимаемых системных отношений фемининных паремииом. Под паремииомой мы понимаем основной тип пословицы-поговорки женского содержания, а под паремииоидом — вариантное видоизменение вида данной пословичной единицы, подвергаемой тщательному научно-исследовательскому анализу.

Научная значимость данного труда определяется приближением дня восьмого марта, а также социальным заказом на развитие паремииоведения как самостоятельной отрасли науки.

Первая глава нашего капитального исследования посвящена выяснению проблемы равенства мужчины и женщины в пословице и поговорке восточнославянских народов. Наиболее ярко это равенство проявилось в следующих паремииоидах,

зафиксированных Михалом Федоровским под № 11 и 93: *Баба скача, а дзед плача* и равноправный вариант: *Дзед скача, а баба плача*. Таким образом, наши далекие предки хорошо понимали значение бабы и деда как равноправных членов современной семьи, предоставляя им по выбору *скакаць* или *плакаць*.

Вместе с тем безымянные создатели народного творчества отдавали себе отчет в превосходстве лучшей половины человечества; в украинской пословице не без основания отмечается: *Кума без ума, а в кума й того нема*. Впрочем, народ допускает и другую дистрибуцию умственных способностей между кумом и кумой, поскольку в белорусских пословицах указано: *Кума зьяла з вума і кума ад кума без вума*.

Во второй главе диссертации подчеркивается великое значение женщины в жизни общества. *Без дачкі сям'я, што печ без агня* — констатируется в белорусской пословице. Это же отражается в украинской пословице: *Така баба, що їй сам чорт на вилах у вікно чоботи подавав, бо підступитися боявся*. И действительно, восточнославянская женщина предстает в пословицах не как какая-то там замухрышка, а как человек огромной твердости духа и уверенности в истине: *Няхай з грэчкі будзе мак, калі баба хоча так**. Русский паремиологический шедевр подчеркивает домовитость Женщины с большой буквы: *Пусти бабу в рай, она и корову за собой приведет*.

Третья глава посвящается проблеме «Мужчина и женщина в УПТ (устном паремиологическом творчестве)» и состоит из двух разделов. Первый раздел показывает, как высока мораль восточнославянской женщины, что, например, ярко отра-

* Ради справедливости надо отметить, что и западная женщина отнюдь не лишена подобных качеств, и даже напротив — «твердость духа и уверенность в истине» свойственны ей, может быть, еще в большей степени. Вот одно из подтверждений. Проезжая через Ридж-Парк в Иллинойс, Билл и Хиллари Клинтон увидели испачканного механика, который менял колесо в машине. «Это был мой парень, когда я училась в средней школе, — сказала Хиллари. — Хотел на мне жениться...» — «Представь себе, — иронично заметил Билл, — что теперь твоим мужем был бы автомеханик». — «Если бы я вышла за него замуж, — возразила Хиллари, — он был бы теперь президентом» (прим. редактора. — А.К.).

жается в украинской пословице: *Несолоне їсти — як з немилим цілуватись*. Лишь в порядке исключения встречаются иные фактики, фиксируемые в другой украинской пословице: *Цілувала, а кого — і сама не знала*. Впрочем, в наше время девушки, конечно, знают, кого целуют: *Ласки в глазки, а поцілунок в губки*.

Во втором разделе раскрываются имплицитные отношения маскулинно-феминного типа в освещении УТП. Устное народное творчество учит нас, что *Муж бабьим «да» и «нет» не проденет иголки*, а потому рано или поздно мужчина, который *коли хоть немножко казистее черта — красавец*, женится. Он при этом учитывает, что *Умную взять — не даст слова сказати, а На молодой жениться — с молодцями не водиться*. Казалось бы, ясно, какую брать. Но устное народное творчество не упрощает решения, отмечая, что *Як волос сівее, баба шалее*. Не будем касаться проблемы того, что происходит в этом случае с мужиком. Но кроме того подчеркивается, что *У плохого мужа жена всегда дурра*. А кто же хочет быть плохим мужем?!

В приложении к третьей главе излагаются размышления о философском характере раздумий пословичного творчества. *Усе дзяўчаткі добрыя, —* говорится в пословице, *— але скульп бабы ліхія бяруцца?* Но, высоко ценя женщину как жену, пословица и поговорка утверждает: *Жена не сапог, с ноги не скинешь* или *Жонка не рукаў — не адпорыш*.

В четвертой главе автор и пытается дать нам ответ на вопрос, каковы в пословицах положительные свойства лиц женского пола? А вот каковы: *Жонка як мурашка, дзеўка як агонь, дзяўчына як таполя, жоначкі як перапёлчкі, баба як гром* (гром означает 'куст'), *дзеўка як вішня*. Украинское народное творчество дает детализированные требования к женщине: *Очі чорні, одна брова стоїть вола, другій і ціні нема*.

Но совершенно не к женщине относится такая деталь: *Морда як гречаник порепаний*: мужской род гречаника указывает, о котором идет речь. Мужчина вообще выступает в пословице в качестве существа, противоположного женщине. Это ярко показано в такой характеристике его физических свойств: *Черного кобеля не отмоешь добела*.

В пословицах показан и природный ум женского пола: *Сама баба злизала, а на kota сказала*. В этой украинской пословице метко подмечено то же, что в более четкой нумеративной форме указывается в русской пословице: *У бабы 72 увертки в день*. Так кому же не развивать паремиотику как науку, как не Женщине, которая в тяжелых условиях проклятого прошлого смогла встать над мужчиной, который был вынужден признать: *От нашего ребра не ждуть нам добра*.

Однако в за к л ю ч е н и и к диссертации ярко показано, что добра нам ждуть больше неоткуда, как только от женщины. Они — наши дочки и жены, наши сестры и подруги, наши бабушки и невесты, наши знакомые и врачихи, наши коллеги и аспирантки, наши учительницы и студентки, наши мамы и ученицы, наши девочки, наши девушки, наши женщины воплощают все то прекрасное, что только есть на свете. *Як у лузі калина. Як у небе зорка. Как гений чистой красоты*. А все плохое к ним не пристаёт, *як да бабулькі пудра*. Потому что они очень хорошие.

ТЕМА БЕСОВ В ПРАСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Я не буду подробно останавливаться на том, что язык тесно связан с культурой, цивилизацией и т.п. — *sapienti sat*. Известно, что первоначальная цивилизация получила свое отражение в мифологии. В этом плане представляет интерес выявление места б е с а в праславянской мифологии. Слово *бес* — одно из древнейших праславянских слов, уходящее корнями в праиндоевропейское единство. Анализ лексикографического материала открывает поразительное «многобесие» (ср. у Пушкина: *Закружились бесы розы. — Разрядка моя. — Ю.Л.*). Следует отметить некоторые особенности словопроизводства от корня *бес-*. Во-первых, это универбизация: результатом является не словосочетание, а цельнооформленное слово. Во-вторых, следует учесть влияние ассимиляции, в процессе которой конечный глухой согласный в ряде случаев превращается в звонкий. И, наконец, в-третьих, необычная для славянских языков модель словообразования: не AN, а NA. При этом следует отметить, что первоначально, в период, когда имя и глагол формально еще не различались, образование происходило по модели N_1N_2 : *бой-баба, жар-птица*. Позднее произошла замена второго существительного на прилагательное:

бес-властие → *бес властный*,
бес-злобие → *бес злобный*,
бес-правие → *бес правный*,
бес-путье → *бес путный*.

В словаре Вл. Даля, который и был основным источником исследуемого материала, очевидно существенное преобладание наименований второго типа. В качестве варианта встречаются и случаи употребления модели $N_{Nom}N_{Gen}$: *бес дна, бес мен*.

Анализ материала (всего проанализирована 441 словарная единица) показывает прежде всего, если можно так выразиться, демократичность праславянской мифологии: отсутствует какое-либо верховное существо — все бесы равны, и каждый «заведует» строго отведенным ему участком мироздания. Появление иерархии в мифологии славян относится, вероятно, к более позднему периоду развития их общества, с его расслоением. Знакомство с «бесологией» открывает нам необыкновенно высокий уровень древней цивилизации, ненамного уступающей современной, широкий круг знаний наших предков. Для удобства все бесы, как уже отмечалось отвечавшие за различные стороны жизни и деятельности, сведены в ряд тематических групп.

В первую группу входят бесы, связанные с органами и частями человеческого тела (всего 32). Приведенные примеры свидетельствуют о достаточно детальных сведениях в области человеческой анатомии. В целях сокращения во всех примерах общий корень *бес* опускается и остается только определительная часть: *бедный, бровый, бокий, бородый, волосый, глазый, головой, грубый, губый, жильный, зубый, икрый, костный, косий, лицый, мозглый, ногий, носый, окий, палый, печеночный, позвоночный, пяточный, сердечный, телесный, удый, усый, ухий, хребетный, челюстной, черепной, членный*.

Примечание. Слово *удый* позднее приобрело начальный смычный лабиальный сонантический коэффициент. В этом виде оно встречается у А.С. Пушкина в стихотворении «К кастрату раз пришел скрыпач». Интересно было бы проследить связь этого прилагательного с универбным существительным, появившимся в результате сокращения выражения *мудрый чудак*.

Во второй группе — бесы, отвечающие за функции и отправления человеческого организма — физиология (всего 16): *жизненный, смертный, сонный, засыпный, просыпный, пробудный, больный, болезненный, думный, памятный, голосый, дыханный, желчный, кровный, слезный, гнойный*.

Следующая группа — свойства и черты характера (всего 93): *бедный, вольный, вредный, вестный (= известный, зна-*

менитый), *возрастной, вычурный, гневный, гордостный, грубостный, дарный (= одаренный), действенный, дельный, должный (= обязательный), жалобный, жалостный, застенчивый, заботный, задорный, запасный (запасливый), затейный, защитный, злобный, избавный, коварный, казненный, корыстный, кручинный, леностный, лестный, молвный (= разговорчивый, красноречивый), мятежный, намеренный, натужный, нравственный, надежный, обидный (обидчивый), обманный, оглядный, оговорочный, опасный, оплошный, отрадный, памятный, представительный (предстатель = «заступник»), порядочный, пощадный, помощный, полезный, прекословный, препонный, препятственный, приличный, примерный, принципный, печальный, пристрастный, отлучный, притязательный, радостный, разборчивый, рассудный, ропотный, скорбный, сознательный, совестный, смысленный (смышленный), славный, сомненный, сильный, спорный, ссорный, страстный, страшный, талонный, толковый, тревожный, убогий, угомонный, удержный, укоризненный, умный, умолкный, упречный, утешный, успешный, участный (участливый), характерный, хитростный, хлопотный, честный, человеческий.*

Очевиден пристальный и детальный интерес ко всем проявлениям духовной жизни: у Толстого, Чехова и Достоевского было у кого что наследовать.

Следующая группа — *дом, одежда, обувь* (всего 29): *домный* (позднее — *домовой*; вариант — *хатный*), *дверный, косячный, притворный, кровельный, крышечный, лавочный, печный, дымный, потолочный, стенный, застойный, стычный, угольный, верхний, дворный, изгородный, оградный, воротный; армячный, каблучный, лапотный, ляпочный, наволочный, нарядный, обувной, порточный, рукавный.*

Согласно лексикографическим данным, штаны праславяне называли «портками». Что же касается появившегося позднее сочетания *бес штаны*, то оно, вероятно представляет собой кальку с французского *sans-culottes*, которое, несомненно восходит к омонимичному **saint-culottes*. Остается лишь выявить индоевропейские связи между *бес* и *saint*.

Группа *семейные (родственные) отношения* (всего 12): *семейный, супругий, фамильный, брачный, женный, не-*

вестный, батешный, отецкий, отцовский, матерный, детный, потомственный.

Хозяйственная деятельность (всего 10): *хозяйственный, товарный, работный, ремесленный, сезонный, плановый, перспективный, перебойный, престанный, кризисный.*

Домашнее хозяйство (всего 19): *амбарный, вотчинный, поместный, пахотный, пажитный, межный, почвенный, помольный, семянный, кормный; породный, издойный, конный, лошадный, сбруйный; молочный, сывороточный, квасный.*

Алкоголь, азартные игры (всего 8): *алкогольный, винный, выигрышный, гранный* (связано либо с игральными костями либо с гранеными стаканами), *козырный, переборочный, проигрышный, хмельный.*

Торговля, финансы (всего 23): *алтынный, барышный, вкладный, выгодный, денежный, доходный, заказный, лихвенный (= процентный), наличный, остатковый, отсрочный, отчетный, платный, посредственный (от посредник), прибыльный, приходный, процентный, расчетный, сметный, срочный, тратный, убыточный, ценный.*

Транспорт (всего 24): *дорожный, поворотный, уклонный, ухабный; билетный, плацкартный, посадочный, пересадочный, встречный, обратный, возвратный, останочный, челночный; оброчный, осный; весельный, колесный, лопастный, палубный, парусный, килевой, пилотный; версты, поверстный* (вероятно, речь идет об оплате за такси).

Вселенная, природа, растительный и животный мир (всего 41): *солнечный, лунный, звездный; атмосферный, воздушный, водный* (позднее — *водяной*), *земельный, пламенный, брежный, донный, бурный, дождный, влажный, волненный, пенный; лесной* (позднее — *леший*), *грибный, лепестной, листый, лубный, корый, сучковый, колосный, стебельный, травный; животный, ворсы, гнездный, горбы, гривы, зародышный, зобый, крылый, норый, плодный, рогий, рыбный, хвостый, чешуйчатый, шерстный.*

Мировоззрение (всего 19): *вещественный (= материальный), душный (= идеальный), временный, причинный, цельный (целевой), качественный, количественный, данный, единичный,*

личный, объектный, субъектный, относительный, плотный (телесный); *акафистный, южный, званый, поминочный, храмный*.

Наука (общее), техника, производство (всего 18): *научный, кислотный, щелочной, примесный; арматурный, каркасный, компрессорный, оправный, отбойный, патентный, полосный, проволочный, сменный, ступенчатый, угольный, центрошлифовальный, червячный, шкивный*.

Физико-математические (всего 13): *звучный, шумный, плотный, мерный, конечный, предельный, отрицательный, подобный, переменный, прерывный, программный, численный*.

Юриспруденция (всего 13): *законный, правный (= правовой), прецедентный, спорный, карный (от кара), наказанный, адвокатский, апелляционный, заветный (от завет, завещание), отводной, отсидный, условный, явочный*.

Лингвистика (всего 9): *грамотный, переводный, культурный, причастный, предложный, просветный (= просветительский), связный, словный, язычный*.

Очевидно, рассматриваемые слова возникали главным образом в эпоху, когда еще не было четкого формального различия между именем и глаголом, о чем свидетельствует отсутствие прилагательного *глагольный*. Наличие же слова *причастный*, говорит о том, что развитие системы частей речи шло таким образом: *существенно имя → имя-атрибут → прилагательное → причастие → глагол*.

Культура, образование (всего 9): *искусный, содержательный, образный, книжный, наборный, струнный, трубный, уютный, урочный*.

Государственное устройство, бюрократическая система (всего 30): *государный, племенный, властный, взяточный, волокитный, докладный, должностный, засидный, ответственный, отказный, отлучный, покровительственный, притязательный, доимочный, кабальный, мытный, оброчный, пошлинный, тарифный, таможенный, препятственный, указный, церемонный, чинный; адресный, паспортный, аттестатный, выездный, наградный, опросный*.

Политика, партии (всего 5): *классовый, компромиссный, конфликтный, партийный, союзный*.

Военное дело (всего 11): *амбразурный, амунический, бранный, воинственный, граничный, командный, крепостной, ложный (ложе — у ружья), оборонный, отступный, ствольный*.

Секретная служба (всего 4): *агентный, крамольный, охранный, следный*.

Наличие *беса очередного* свидетельствует о том, что очередь — это вовсе не приобретение капитализма или социализма: очереди известны еще и праславянам.

Наличие *беса пардонного* — одно из немногих галльских заимствований (ср. *штаны*). Вопрос о древних галло-праславянских культурных связях представляет большой интерес. Видимо, и модель NA — галльское влияние.

Все рассмотренные ранее слова оказываются семантически маркированными: каждое из них можно рассматривать как содержащее некий семантический дифференциальный признак. Однако известно, что система не может состоять только из маркированных членов. И в рассмотренной системе мы обнаруживаем наличие немаркированного компонента, уравнивающего систему. Он характеризует *беса*, лишенного каких-либо отличительных признаков и поэтому названного *полый* (= пустой).

Итак, анализ «бесологической» лексики позволяет судить о высоком уровне и широте знаний наших предков во многих областях науки, искусства, мироздания. Интересно было бы продолжить исследования в плане выявления связей праславян с другими народами, как индоевропейского, так и неиндоевропейского происхождения.

Виктор Владимирович Мартынов

КОМПЬЮТЕР И ОБЕЗЬЯЧА

Это было в 60-х, когда мы часто встречались в Москве и обсуждали наши лингвистические проблемы. Тогда нам нравилось переименовывать фамилии популярных лингвистов по образцу известного «Вечера композиторов». *Ахманова* у нас именовалась *Ах-мамова*, ученики *Пиотровского* — *пиотроцкистами*, а ученики *Ревзина* — *ревизионистами*. Представительницы «нового» языкования *Фрумкина* и *Лейкина* объединялись в некое единство и превращались в *Румки-налей-кину*. *Мельчук* разлагался на две составляющие: *Мель-и-Чук* и т.д.

Мы любили рассказывать «американские анекдоты». Вот некоторые из них.

Рассказ из ста слов, который получил первую премию в американской армии:

«В нашей роте есть туалет. Однажды один шутник перепилил доску на сидении. Это 12 слов. Остальные 88 слов произнес наш фельдфебель, вылезая из ямы».

«Джон в специализированном офисе обращается к клерку:

— Прошу доставить мне белую лошадь на 38-й этаж в ванную комнату.

Остолбеневший клерк:

— Зачем вам это?

— Сегодня ко мне придет Джим, мы выпьем, потом он пойдет в ванную и, выйдя из нее, скажет: «Джон, у тебя там белая лошадь!» А я ему отвечу: «Ну и что?»

В жизни же все было иначе. Они выпили, Джим зашел в ванную и, выйдя из нее, ничего не сказал. Тогда Джон заметил: «У меня в ванной белая лошадь!» В ответ прозвучало: «Ну и что?»

Таких анекдотов было превеликое множество. Отдельную категорию составляли лингвистические анекдоты. Вот некоторые из них.

Собрались родственники умирающего в ожидании телеграммы. Терпение их постепенно истощается, и они первыми посылают телеграмму: «Он уже умер?» В ответ приходит телеграмма: «Уже нет».

Языковеды хотят экспериментально определить род слова *кофе* в русском языке. В очереди в кафетерии экспериментатор постоянно слышит *одно кофе*. Наконец его ожидание сбывается: «Один кофе...» Но говорящий добавляет: «...и один булочка».

Английское выражение *Out of sight, out of mind*, соответствующее русскому *С глаз долой, из сердца вон*, переводится автоматически (с помощью компьютера) на русский язык, а затем осуществляется обратный перевод. В результате получаем: *Blind idiot — Слепой идиот*.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В ДОКТОРАНТУРЕ

Методическое пособие

1. Уйдя в докторантуру, прежде всего твердо заучите словосочетание: «Я в докторантуре». Оно будет вашим универсальным ответом на все обращенные к вам вопросы, просьбы, заявления, предложения, искушения и т.д. Научитесь пользоваться им во всех случаях жизни. Например:

- Завтра собрание! — Я в докторантуре.
- Обедать будешь? — Я в докторантуре.
- Как сыграл «Факел»? — Я в докторантуре.
- Поступила ли ваша дочь в институт? — Я в докторантуре.
- Не одолжите 3 рубля? — Я в докторантуре.
- Передайте, пожалуйста, закомпостировать абонемент. — Я в докторантуре.

2. Прежде всего решите, какие цели вы будете ставить перед собой — реальные или нереальные.

Нереальная цель: уложиться в срок.

Реальная цель: не уложиться в срок.

Обычно ставят нереальную цель, потом возвращаются к реальности.

3. Определяя тему диссертации, не спешите. Она начнет проясняться лишь к концу второго года. Тогда ее и сформулируете. А пока всем говорите: работаю, думаю, определяю проблему, ищу подходы.

4. Начинайте работать сразу же. Лучше всего сразу же взять командировку куда-нибудь подальше от дома — в какое-нибудь ведущее столичное учреждение на месяц-два. Там вы отдохнете от предшествующей педнагрузки и постепенно сможете оповестить знакомых в столице, что вы в докторантуре. Знакомые и незнакомые люди должны об этом знать, это повышает ваш престиж как ученого, даже если вы ничего в конце концов не напишете.

5. Вернувшись домой, уделите внимание семье, сходите в кино, побегайте трусцой и постепенно приучите себя к мысли, что вам не надо вставать к первой паре, что вы не куратор, что вам не надо ехать со студентами в колхоз.

6. Отдохнув дома, поезжайте на какую-нибудь конференцию. Сделайте доклад и также сообщите всем, что вы в докторантуре. Люди должны знать, что вы, согласно требованию ВАКа, приступаете к открытию нового перспективного научного направления.

7. Возвратившись с конференции, сходите в библиотеку и почитайте что-нибудь веселенькое. Заодно посмотрите по каталогу, не появилось ли что-нибудь по вашей теме.

По пути из библиотеки загляните на родную кафедру и сообщите, что очень напряженно работаете, очень устали и т.д. Пусть профком выделит вам с женой путевку на юг.

Ваше лицо должно быть усталым, но одухотворенным, на лбу — морщины, а на большом и указательном пальцах — мозоли от авторучки (такие же мозоли можно получить от игры в бадминтон или езды на велосипеде — важно, чтобы они были).

8. Съездив на юг, беритесь за ум, чтобы потом не схватиться за голову, ведь после первого года предстоит отчет на ученом совете.

Взявшись за ум, напишите как можно больше статей в жанре «К вопросу о...» Статьи можно никуда не посылать, так как все равно до защиты выйти они не успеют.

9. При отчете на ученом совете перечислите все написанные вами статьи и не забудьте упомянуть, что все они предназначены для центральной печати. Расскажите также о своих планах, не жалеите при этом красок, упоминайте, что все это вы уже начали делать и работа в самом разгаре. Вас отпустят с миром и, можете не сомневаться, даже пожелают успеха. Не забудьте сказать «спасибо».

10. После отчета отдохните два-три месяца, побегайте трусцой, восстановите накопившееся отставание в области художественной литературы. Все это необходимо для мобилизации умственных резервов, так что времени на это не жалейте.

Купите себе новый костюм и сделайте модную стрижку, неплохо бы сбросить два-три килограмма веса.

11. Когда до окончания докторантуры останется полгода, начинайте бурно писать текст диссертации. Для этого возьмите

все свои статьи, расположите их одну за другой и перепечатайте. На титульном листе не забудьте написать слова «Докторская диссертация» — это самое главное.

Поставьте свою фамилию.

12. Возьмите текст диссертации и зайдите на свою кафедру. Как бы невзначай покажите ее как можно большему числу коллег, мимоходом упомянув, что осталось кое-что доработать.

Слух о ваших успехах быстро распространится, вас еще больше зауважают, а некоторые испугаются.

13. При отчете на ученом совете напирайте на то, что диссертация в основном закончена, но кое-что надо доделать, подчистить, литературно отредактировать и дождаться выхода публикаций — именно из-за них у вас выходит задержка с защитой.

14. После выхода из докторантуры требуйте у завкафедрой стажировку на ФПК*, а затем — шестимесячный творческий отпуск — надо отдохнуть! После этого смело идите в свой очередной отпуск.

15. Если спустя годы дело дойдет до защиты, то ничего не бойтесь: требования к докторским вроде бы и строги, но все равно действует правило: докторская — это диссертация, которую защищает кандидат. Таким образом, если вы — кандидат, то диссертация, которую вы написали, — это наверняка докторская. Не сомневайтесь в этом и не допускайте сомнений у других.

Приведенные рекомендации вобрали в себя опыт предшествующих поколений докторантов. Однако помните: опыт как клюка — помогает ходить, но мешает летать.

Не повторяйте ошибок других — делайте свои собственные.

Приятной вам докторантуры!

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

(основные понятия современного языкознания)

Дистрибуция — совокупность окружений. Бывает двух видов — мужская и женская. Ср.: «У нее такая дистрибуция, что по-

* ФПК — факультет повышения квалификации (примеч. редактора).

завидуешь!» (из беседы двух женщин о подруге); «Ну и дистрибуция у тебя, брат!» (из мужского разговора). В редких случаях дистрибуция может быть комплексной. Женщины обычно предпочитают мужскую дистрибуцию, мужчины любят женскую. См. также «валентность». Одновалентность человека — явление редкое, обычно все предпочитают широкую валентность, особенно к 40—45 годам.

Валентность — свойство присоединять к себе то, чего у тебя нет, но очень хочется. Бывает правая, левая, двусторонняя. Наиболее ценится последняя.

Переходность — свойство чувствовать себя неуютно без добавки. Характерна для глаголов, собутыльников и рабочих, работающих по аккордно-премиальной системе.

Глубинная структура — что-либо, скрытое внутри чего-либо, очень интересное для некоторых. Существует сокращение: «Г-структура», — применять которое не рекомендуется, так как это вызывает ликование в стане противников структурных методов. Не следует углубляться в глубинные структуры, потому что никогда не известно, что может при этом всплыть.

Род — различие по чисто случайным, внешним признакам. Напрасно некоторые придают этому различию большое значение. К примеру, в традиционной лингвистике мужчины и женщины относятся к разным родам, хотя в нашей стране все равны. Род, таким образом, это чисто научная категория.

Фразеологизм — тесное взаимодействие между двумя объектами, в результате которого один из них изменяется до неузнаваемости (ср.: *было яблочко — остался огрызок*).

Совместная встречаемость — свойство двух единиц быть замеченными посторонними единицами в одинаковом положении. Высокая совместная встречаемость часто приводит к важным результатам — фразеологизации, браку и т.д. См. также «порождение».

Порождение — типичный результат совместной встречаемости.

Система — внешняя оболочка любого хаоса. Ср. «У нас система такая!» (из выступления слесаря домоуправления). Все объекты хаотичны, следовательно, они системны.

Синтагматический ряд — то же, что и живая очередь.

Парадигматический ряд — то же, что и «блат». Общеизвестно, что в любом синтагматическом ряду место человека всецело определяется его положением в парадигматическом ряду.

Синхрония — жизнь в ее многообразии.

Диакрония — то, что было и больше не будет. Ср.: «Ушел в диахронию».

Валентин Пизанский-Наклонов
(г. Касриловка)

**ЧУЖДЫ ЛИ НАМ ГЛУБИЧНЫЕ
СТРУКТУРЫ?**
(против всевозможных фальсификаций)

Как известно, наличие в языке глубинных структур открыл и навязал языкознанию некто Хомский. Этот Хомский назвал глубинными структурами результаты своих весьма поверхностных лингвистических наблюдений. В настоящее время некоторые лингвисты (тов. Кузовков, тов. Сукинсон и другие товарищи), проживающие в Коминтерновском районе города Воронежа, всячески пытаются подвергнуть лакировке теории Хомского о глубинных структурах, безответственно утверждая, что они «хорошие» и их надо «использовать» (цитирую буквально! — В.П.). «Ну и скажут же некоторые!» (акад. Виноградов). Ведь всем известно, что вышеуказанный Хомский родился и вырос в Соединенных Штатах Америки и, следовательно, с молоком матери он не мог впитать (всосать) правильного и глубокого понимания сущности языковых явлений.

Можно признать, что талант у Хомского есть. Однако талантливый самоучка Хомский лишь догадывается о сущности изучаемых им явлений, сам об этом ничего не подозревая. И в этом его ограниченность! Нам необходимо из его теорий выудить жемчужину мысли и плодотворно использовать ее для обогащения того, что у нас, слава богу, уже есть.

Как стоит вопрос о глубинных структурах в современном языкознании? Вот как.

Под глубинной структурой следует понимать все то, чего нам не видно, но о чем можно догадаться самому или узнать от других.

Например, у нас есть простое русское предложение: «Ну и стерва же баба!».

Данное предложение — поверхностное сообщение о некоторых свойствах определенного предмета речи. Рассмотрим его в глубину на всех уровнях абстракции, которые только можно выделить.

1 уровень: некоторый предмет характеризуется в некотором отношении;

2 уровень: некоторый человек характеризуется по своим человеческим качествам;

3 уровень: некоторая женщина характеризуется по своим женским качествам (ср.: о мужчине «стерва» сказать нельзя);

4 уровень: нехорошая женщина характеризуется по ее имманентным качествам, определяющим ее сущность;

5 уровень (уровень актуализированных знаков): Сергей Прохорович Пупенков характеризует свою жену Валентину Павловну как нехорошую женщину по ее имманентным качествам.

Таким образом, глубинные структуры могут дать лингвистам и просто людям массу полезной информации и их надо изучать путем постепенного вывода на поверхность.

Ы. Гипотенузов

**О РЕЛЕВАЧНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ
СВОЙСТВАХ ОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ПОДЯТИЧНОЙ КАТЕГОРИИ
И КОРРЕСПОНДИРУЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ
ПОДСИСТЕМЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ
ГЛУБИЧНЫХ СТРУКТУР**

Тезисы доклада на IV Международном конгрессе
лингвистов-дегенеративистов

Как справедливо указывает известный лингвист Х. Велосипедов (1968), «язык есть реальная данность, данная нам в наших ощущениях». Реалии, недетерминируемые концептуально, в логическом аспекте могут быть сведены к языковым поня-

тийным категориям (ЯПК), которые в системе языка получают эксплицитное выражение в виде подсистем, лексико-семантических групп и синонимико-антонимико-параноических рядов. Целью настоящего исследования является описание некоторых параметров ЯПК одушевленности в применении к одной языковой подсистеме, выделенной на основе выборки из БЖЭ («Большая животноводческая энциклопедия» — автор неизвестен).

Подвергая анализу язык вообще и реальное воплощение одушевленности, которая получает экспликацию в рамках исследуемой ЛСГ, нам удалось установить следующее. Язык как таковой распадается на: а) подязык, локализованный у конститuentов данной группы в точке X, координаты которой $e\mu Y$, что в терминах языка элементарных смыслов (Fillmore / Carcevsky 1935) означает «мокрое + мягкое + не каузировать + располагаться» (с присущим ему дейктическим моментом: релятивность относительно верхней и нижней челюсти); б) метаязык науки, что в аспекте актуально-синтаксического членения и в плане теории лексической абстракции, детерминированной его авто-синсемантическими потенциями, сигнализирует, что при отсутствии априорного подхода при абстрагировании от конкретных свойств языка (мокрость + бескостистость) в результате применения некоторых трансформаций, обозначаемых словами класса V подкласса переходных глаголов (жарить, варить, солить, коптить) язык (коровий, свиной, бычий, носорожий) элиминируется и превращается в метаязык (Книга... 1965).

Изложив методологические принципы, которыми мы руководствовались в нашем исследовании в аспекте некоторых языковых универсалий (ср. с неправильной в корне концепцией о так называемых «фреквенталиях», высказанной Б.А. Серебрянниковым на страницах журнала «Реникса», сокращенно — ВЯ 1972), приведем некоторые релевантные семантико-синтаксические параметры данной ЛСГ.

1. Имплицитное выражение идеи (глубинного концепта — ГК), связанной с проявлениями духовной деятельности, а также эмоциональных кондиций и импрессий антропонима (напр., *Ты — осел, Du bist Esel, You are an ass*). Наличие подобных ГК в

языках различных типов позволяет сделать вывод об имманентно присущих языку типологических корреляциях данного ГК с поверхностными реализациями.

2. В плане синтагматической активности конститuentов анализируемой ЛСГ рекуррентной является связь с компонентами поля каузальности (Корову гонят в стадо, *Zabodai tebya komar*).

На основе применения современных методов анализа (трансформационного и позиционного) нам удалось установить следующее.

1) При позиционной дискретности компонентов данной ЛСГ наблюдается дивергенция смыслов с последующей экстраполяцией на элементы ситуации (напр., Бойся козла спереди, осла сзади, а человека — со всех сторон), что обуславливается влиянием ассоциативных связей в подкорковых механизмах (Ингве).

2) В определенных условиях в ситуативно обусловленном контексте в соответствии с коммуникативным заданием высказывания при наличии темпоральных конкретизаторов существует определенная трансформационная потенция при сохранении инварианта смысла в глубинной структуре, что в символической нотации имеет вид: $A - T - B$, где

A — трансформанд (теленок);

T — трансформация (расширение, удлинение, утолщение);

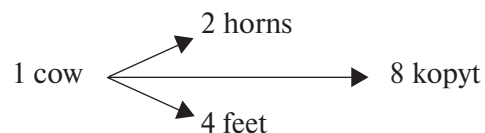
B — трансформ (корова).

Резюмируем все изложенное выше.

1. В системе языка существует определенная подсистема, сущностью денотатной соотнесенности которой является эксплицитное выражение участка концептуального зоонимического поля (парадигматический ряд субстантивных лексем: корова-лошадь-коза-мастодонт).

2. В линейном ряду получают вербальное выражение валентные потенции лексем при учете принципа семантической избирательности (корова предпочитает быка, а носорог — носорожицу).

3. Путем привлечения математического аппарата и составления алгоритма для языка-посредника удалось установить, что наблюдается отсутствие изоморфизма между планом выражения и планом содержания:

4. Проникновение в глубину глубинных структур при обязательной конвертируемости последних в поверхностные позволило установить наличие имплицитной логико-концептуальной общности конститuentов данной ЛСГ, что в конечном итоге свидетельствует о системности вокабуляра, распадающегося на ряд подсистем, аналогичных исследованной (напр., ЛСГ с релевантными признаками + Animate — Human, подкласс «сосущие насекомые» — пчелы, пиявки, клопы и т.д.).

В заключение позволим себе высказать уверенность в том, что применение современных методов исследования в свете теории глубинных структур и насущной потребности дальнейшей формализации языкознания ознаменует собой новый этап на пути дальнейшей дегенератизации этой науки.

Литература

- Велосипедов Х.* К вопросу о некоторых аспектах актуальных проблем и т.д. (перевод с древнехалдейского) // Тезисы доклада на соискание какой-нибудь ученой степени. Монте-Карло, 1968.
 Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1965.
 Fillmor Ch., Carcevsky S. De dualisme asyetric und ksagte ein einziges Wort. New Vasyuki, 1935.

В МИРЕ СЛОВ

Один глагол завел себе отделяемую приставку.

— Тут пахнет синтагматическими связями! — засудачили синонимичные глаголы и не без ехидства сообщили об этом его законной приставке.

Приставка заволновалась и потребовала объяснений. Глагол вел себя нагло.

— Ну и что? — сказал он, — я такой! У меня валентность такая. Я вообще поливалентен! С какой приставкой захочу вступить в синтагматическую связь, с такой и вступлю! Ну что с тебя взять? Ты же неотделяемая, старая, только связываешь меня!..

И ушел. Ушел с отделяемой приставкой на конец предложения.

Старая приставка плакала, а из подворотни жалобно тьякал их маленький суффикс.

ЕВГЕНИЙ ОЧЕТИЧ

Давно, еще в царской России,
 жил Пушкин, любимец всех дам.
 Писал он стишки неплохие,
 А раз написал он роман.

В романе герой был Евгений,
 красивый и модный мужик,
 имел он достаточно денег,
 чтобы припеваючи жить.

Крутил он с княжнами романы,
 шампанское ведрами пил,
 и девочке скромной Татьяне
 нечаянно душу смутил.

Татьяна с сестрой своей Ольгой
 в глуши коротала свой век,
 ведь жили девчонки в колхозе
 и жизни не знали совсем.

Онегин явил благородство.
 Жениться, однако, не стал.
 А Тане в саду под кусточком
 он все про любовь рассказал.

Ей все рассказал и уехал,
поездить хотелось ему,
в загранке предаться утехам
и просто побыть одному.

Изъездил он всю за границу
и быт буржуев изучил,
но Таня ему стала сниться,
что нету ни мочи, ни сил.

Тогда он примчался в Россию
и встретил ее на балу,
Она была очень красива,
и вот что сказала ему:

«Поверь мне, товарищ Евгений,
люблю я тебя все еще!
Но муж у меня в положеньи,
не брошу его, вот и все!»

Тут Пушкин чего-то смутился,
и взял да закончил роман,
а что могло дальше случиться,
никто не поведает нам.

ВОЙНА И МИР

На рубеже двадцатого столетья
жил человек, ходил всегда босой,
ел вегетарианские котлетки,
его в народе звали Лев Толстой.

Он землю всю за так отдал крестьянам
и никогда телесно их не бил.
А был он граф, и он писал романы.
Один из них и есть «Война и мир».

Андрей Болконский главным был героем.
Красив, умен, богат и все при нем.
Он раз на танцах пригласил Ростову
и поселил любовь в душе ее.

Но хоть и князь, а был он честный малый.
(Таких немного было при царе).
Из благородства год Наташе дал он —
ведь у нее и паспорта-то нет.

Но согрешить ведь можно и невольно,
к тому же мал Наташин опыт был —
она ведь даже не училась в школе,
ее легко подлец Курагин соблазнил.

Конечно, он поволочил и бросил.
Но тут как раз и началась война,
и на войне ему пробили ногу,
и справедливость осуществлена.

Но князь Андрей был тоже неудачник,
все в пекло лез и тоже ранен был,
и лежа перед смертью на кровати,
Наташу он увидел и простил.

Простив ее, он, к сожаленью, умер.
Казалось, ее замуж не возьмут.
Но был еще там парень Пьер Безухов,
который сразу оказался тут как тут.

Безухов был хоть толстый, но хороший,
очки носил, не пил и не курил,
был прогрессивным он, носил галоши
и взял Наташу после двух мужчин.

Ну, а теперь, признаем мы, наверно,
каким великим граф-писатель был —
хоть сам Толстой не был в революционерах,
однако он им зеркалом служил.

Лев Ефремович Кройчик

ДАМСКИЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТЕКСТА*

Обогадив свою память знанием всех тех богатств, что выработало человечество, Ученая Дама садится за письменный стол, сработанный еще рабами Рима.

За этим письменным столом, уходящим своими ножками в тысячелетнюю историю всего человечества (как прогрессивного, так и не очень), Ученая Дама пишет научный труд с простым и ясным заголовком, соответствующим простоте и ясности задачи, стоящей перед Дамой — внести свой вклад.

Взнос в науку выглядит монографией «Геометральность орального пространства в виртуальной реальности художественного произведения (на примере поэмы экстаза А. Барто «Наша Таня»)».

«Наша Таня громко плачет», — цитирует Ученая Дама Агнию Львовну. — Посмотрите, как эпически дерзко и размашисто разрушает поэтесса ходячий, (а возможно, и бродячий, и лежачий) миф о гармонии «имагинативной логики» (Я. Голосовкер) и логики реального мира, в котором даже падежные контрацептивы оказываются бессильны в критических ситуациях.

Притяжательное местоимение «наша» — важный смысловой ингредиент: оно служит сигналом — повествователь дистанционно близок Тане, с которой произошло большое несчастье. Какое? Мы еще узнаем об этом. А пока обратим внимание на подразумеваемую оппозицию: «Хороша Маша, да не ваша».

«Наша» — «не ваша»... Сколь велика дистанция между этими местоимениями! Как между буквами Н (Нил) и В (Волга). Но если разница между Онегою и Печорою (по наблюдению В. Бе-

* Впервые опубликовано в сборнике: *Инютин В.В., Кулиничев В.Г., Стернин И.А.* (ред.). Мужской взгляд: Сборник филологических эссе. Воронеж, 1997. С. 39—43.

линского) укладывается в одно геополитическое пространство, то путь от Нила к Волге заставляет вспомнить о Синайской пустыне, по которой Моисей водил евреев столько лет (уж не по этому ли поводу наша Таня громко плачет? — подчеркнуто мною. — У.Д.), а также о Волге, на утесистых берегах которой живет, судя по всему, Маша («Выдь на Волгу — чей стон раздастся?» — выделено мною. — У.Д.). На Ниле «громко плачет» наша Таня, на Волге стонает Маша.

Вот разгадка первой загадки. «Наша Таня» и «ваша Маша» идеологически близки, как сказал бы В.П. Скобелев (хотя, как известно, он ничего подобного в своей жизни никогда не говорил).

Агния Барто не скрывает мощности Таниных легких — «Наша Таня громко плачет». Оральное пространство стиха (под оральностью мы подразумеваем совсем не то, что думают охальники-мужчины — оральность — это степень ора (крика) героини, указывающего на гармоническое развитие личности крикуна) выглядит необычайно масштабно. В отечественной лирике громкость всегда была определяющим качеством, свидетельствующим о многом. Например:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, грозный росс!

Громкий плач Тани превращает ее маленькую трагедию во всеобщее бедствие человечества, перебрасывая эмоциональный мостик во вселенную и космос.

«Наша Таня громко плачет», подчеркивает поэтесса. Невольно вспоминается аналогичное: «В Путивле плачет Ярославна, одна на городской стене». Там понятно, отчего девушка льет слезы: забралась, по всей видимости, на высокую крепостную стену, а слезть не может. И некому ей помочь — «о д н а на городской стене» (выделено мною. — У.Д.). Там трагедия неисполнимости простейшего физического действия. А здесь что? Ответ на этот вопрос еще впереди. А пока обратим внимание, что наша девушка не рыдает, не вопит, а равномерно проливает слезы — чувство ее спокойно, выверенно, я бы даже сказала — равноус-

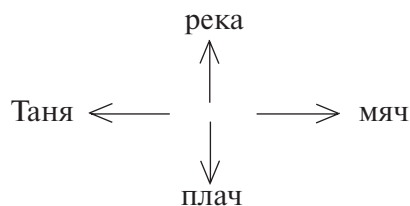
коренно. Таня плачет, ибо сохраняет веру в преодоление душевного кризиса.

Между тем Агния Барто нагнетает напряженность: оказывается, наша Таня плачет достаточно громко потому, что «уронила в речку мячик».

Так возникает один из центральных мотивов поэмы экстаза — мотив потери. Помните, у Твардовского: «потерял солдат кiset»?

Таня теряет мяч, но сохраняет самообладание. Но нас интересует не только это обстоятельство. Где происходит действие? Все там же — на берегах Нила.

Дамская африканская земля становится родной и близкой нашей соотечественнице, мыслящей планетарными категориями: какая разница, где ты играешь в мяч — на Ниле, на Иртыше или на Миссисипи-Миссури? Наша Таня принадлежит всему миру, это сама трансцендентная невинность мировой геометральности осваиваемого человеком пространства по осям:

где точка пересечения осей (координат) есть нравственное болото, то есть место с семантическим пучком негативных ассоциаций.

Но нашу Таню в болото духа не затянешь!

Трагедия потери легко преодолима, и поэтесса хорошо подчеркивает это уменьшительными суффиксами -К и -ИК — Таня роняет не мяч, но мячик. И — мяч-ик роняется не в реку, а в реч-ку.

Предметный мир в поэме Агнии Барто не просто умаляется — он осмысливается как милый, маленький, несерьезный, шуточный. Снимается трагический флер глубокой психологической драмы одинокой мировой души, утратившей самое необходимое в этом жестоком мире. Реальность превращается в

виртуальность. Все мнимо, как бы говорит автор, и этот Нил, и эта Таня, и этот мяч, и этот громкий плач. Все это не более чем игра нашего воображения. Вот почему естественно выглядят заключительные строки поэмы:

Тише, Танечка, не плачь,
Не утонет в речке мяч!

Старая как мир сентенция: «Москва слезам не верит». Даже если эти слезы несутся с берегов Нила, где неизвестно как оказалась наша Таня (sic! Как вариант — Танин папа строил высотную Асуанскую плотину. А пока отец оказывал безвозмездную помощь братскому египетскому народу, Таня безмятежно играла в мячик — размышление автора. — У.Д.).

Эмоциональная нагрузка падает, таким образом, не на плач, а на Воскресение Таниной души. Антитеза «громко» — «тише» переводит все повествование в иной эмоциональный план: нет повода для слез в этой игре воображения. И если Шекспир утверждал в свое время, что жизнь — театр, то мы вместе с Агнией Львовной можем прямо и смело заявить: «Жизнь — игра». Все миражно, непрочно, неосновательно в этом мире: сегодня мячик упадет в воду, а завтра придет водолаз и достанет его. Сегодня — слезы невосполнимой утраты (мячик оказывается в бурных водах Нила), а завтра смех очищения, восстановление души человеческой («не утонет в речке мяч»).

И то, что Нил — самая многоводная река мира — воспринимается как речка, речечка, речонка, речушка, тоже говорит о многом.

До сих пор мы говорили о тексте поэмы экстаза — но, как известно, в каждом произведении есть не только текст, но и подтекст, и контекст. Почему наша Таня оказалась в далекой Африке? Почему она гуляет у речки одна? Кто вложил в хрупкие детские ручки эту тяжелую ношу — мяч? Я мысленно обращаюсь к знаменитому полотну Пабло Пикассо «Девочка на шаре». Не та ли грубая сила, что изображена художником с такой реалистической откровенностью, бросила нашу Таню на пески Сахары? Не дает ответа великая мастерица психологической драмы

А. Барто. Да и кто ответит за эти и другие злодеяния, если сегодня в мире ежеминутно совершается двести изнасилований, пятьсот пятнадцать квартирных краж и восемьсот двадцать семь угонов автомашин?

Важно другое: наша Таня живет, несмотря на эти угоны, кражи и изнасилования. Живет и верит в свое будущее. Об этом, кстати, прямо говорит и сама поэтесса. Ибо ее поэма экстаза представляет собой стих-анаграмму:

Наша Таня громко плачет —
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь —
Не утонет в речке мяч!

Нельзя унывать Тане нашей — вот центральная мысль поэмы, пронизывающая все произведение. Можно взять и последние буквы — Тот, кто чахнет, чудак. И уж совсем оптимистично выглядит идея поэмы, если взять каждую десятую букву: Россиянам есть кому радоваться!

Будем же любить эту жизнь так, как любит ее наша Таня, нечаянно (ненарочно, случайно) обронившая в речку обыкновенный отечественный мячик!

Вот так пишет Ученая Дама. Можете лучше — рискните.

Александр Константинович Жолковский

МЕМУАРНЫЕ ВИНЬЕТКИ И ДРУГИЕ NON-FICTIONS*

Comrades Petzov and Smiznov

В английской группе романо-германского отделения филологического факультета МГУ (где я учился в 1954—59 гг.) лекции по английской грамматике читала О.С. Ахманова. Практические занятия по языку вели рядовые преподаватели, но в научные дебри они не пускались. Это была прерогатива Ахмановой, вдовы самого «Александра Иваныча» — А.И. Смирницкого. Анна Константиновна Старкова, которая вела нашу группу, говорила:

— What I teach you is how to speak English. And then Olga Sergeevna will come and give you all kinds of theories.

Ахманова прекрасно говорила по-английски, на изысканном литературном языке с большим количеством слов латинского происхождения. Лекции она читала с закрытыми глазами. В ее случае эта провербиальная демонстрация владения материалом имела, как я узнал несколько позже, особую подоплеку: считается, что при опущенных веках не так быстро образуются морщины в уголках глаз. Для нас же это означало возможность безнаказанно заниматься посторонними делами.

Однажды по ходу лекции она сказала что-то остроумное и открыла глаза, чтобы насладиться реакцией. Но оказалось, что ее не слушают: одни спят, другие делают домашние задания. Ее острота упала в совершеннейшую вату.

— Now, comrades, — сказала Ахманова, — when I am trying to be witty, I expect you to laugh.

* «Мемуарные виньетки» публиковались ранее в сборнике «Эросипед и другие виньетки» (М., 2003) и «НРЗБ Allegro mafioso» (М., 2005), а также в журналах «Звезда» и «Toronto Slavic Quarterly».

Таково было первое на моем жизненном пути явление английского юмора.

Как-то раз Ахманова раздавала курсовые работы по языку Шекспира. Юра Щеглов был рад случаю заново перечитать все пьесы в поисках какого-то там предлога или типа сложных слов. Володя Л., напротив, был готов к научным изысканиям лишь в пределах «Отелло». Оценив ситуацию, Ахманова сказала:

— All right then, comrades. Comrade L. shall concentrate on «Othello». As for comrade Shcheglov, I feel I am under the necessity to ask him kindly to confine himself to «non-Othello».

Настойчивое *comrades* здесь не случайно. Я до сих пор помню (и иногда рассказываю своим американским студентам), что одной из первых прочитанных мной в Университете английских фраз было: «Comrades Petrov and Smirnov went to the dining-room». При этом, под *dining room*, что по-английски означает столовую комнату в частном доме, то есть столовую в смысле профессора Преображенского, по-шариковски имелась в виду столовая общественная.

Так или иначе, мы научились прилично читать, писать и говорить по-английски, чем впечатляли своих сокурсников с русского отделения. («Ты как — читаешь и сразу переводишь?» — спрашивали они.) Что хромало, так это произношение, вопреки усилиям нашей фонетички. На ее требования упражняться в тонкостях английской артикуляции я отвечал:

— Ирина Федоровна, ну зачем мне это? Ведь мне же никогда не придется притворяться американцем?!

Пусть оно меня и моет

Когда после 2-го, кажется, курса, мы были посланы в колхоз, Юра Щеглов поражал всех полным уходом от цивилизации: не брился, не заботился о мытье, ходил в пиджаке, заправленном в брюки (острили, что получается визитка). На советы, как устроиться с мытьем и проч., он отвечал:

— Меня это совершенно не интересует. Я приехал не по собственной воле. Государство меня сюда привезло, пусть оно меня и моет.

Однажды, много позднее, он в очередной раз стал обвинять государство во всех своих бедах, включая долги знакомым. Я спросил его, каким образом одолжившая ему три рубля сотрудница — государство. Он ответил:

— Почему Нина — государство?! Потому что... потому что государство — это не я!

Другое оригинальное определение он дал в письме из колхоза домой: «...Мы живем хорошо, много сачкуем. Сачкование же есть отдых без отрыва от работы».

Иногда на него нападала экзистенциальная тревога.

— Все так бессмысленно, что неясно, зачем жить.

— Ну как же, вот ты занимаешься поэтикой. У тебя к этому явно талант.

— Ну и что, кому это нужно? Никто моих работ не понимает.

— Почему? Умные люди понимают. Вот даже NN тебя похвалил. Тебя прочтут, оценят.

— Ну, и кому от этого польза, кроме окружающих?

Общая теория дешифровки

Летом 1959 года мне случилось присутствовать при передаче Ю.В. Кнорозовым новосибирскому кибернетику Устинову фотоконий текстов на языке майя. В дальнейшем последовала сенсационная «машинная расшифровка» этого языка Устиновым и его коллегами, недолгая шумная их слава, затем публичное разоблачение их халтуры Кнорозовым и, наконец, забвение. Но тогда ни о чем этом нельзя было догадываться. Был медовый месяц кибернетики, и мой учитель, Вяч. Вс. Иванов, осуществлял историческую стыковку великого Кнорозова, уже прославившегося своими открытиями в области дешифровки письменности майя, с представителями грядущей электронной цивилизации...

В кабинете у В.В. были Кнорозов, Устинов и я, зашедший по другому делу и приглашенный остаться, чтобы стать свидетелем эпохального события.

Легким манием руки передвинув к Устинову толстую кипу фотографий с иероглифами майя, Кнорозов сказал:

— Собссьно говоря, сама по себе эта филькина грамота меня мало интересуеет. Меня интересуеет, что ли, ообщая теория дешифровки. Если угодно, я бы, тек скезеть, сказал пару слов...

— Конечно, конечно, Юрий Валентинович, это очень интересно, — поддержал В.В.

— Имеются, тек скезеть, знак и референт, что ли. Ну, тут возможны четыре случая, — он набросал излюбленную структуралистами табличку с плюсами и минусами. — Если знак известен и референт известен, то это случай обычной, тек скезеть, лингвистики. Если референт известен, а знак неизвестен, то здесь, тек скезеть, мы имеем дело со всекого рода, что ли, разработкой терминологии и искусственными языками. Этт как, не вызывает пока возражений?

— Нет, нет, очень интересно!..

— В таком случае я, с вашего разрешения, буду продолжать?

— Да, да, просим!..

— Тек вот, третий случай — это когда знак известен, а референт неизвестен. Здесь я полагаю поместить дешифровку.

Определив место собственной дисциплины, он выдержал небольшую паузу. Слушатели затаили дыхание.

— Ну, а четвертый случай... тек скезеть, чего уж тут?

Глядя на два минуса, Кнорозов развел руками.

Зоосемиотика-68

На Международной конференции по семиотике в Варшаве (август 1968 г.) участники иногда до смешного плохо понимали доклады друг друга. Вершиной этой неразберихи был доклад Пемброка (ГДР) по зоолингвистике.

Доклад ожидался с большим интересом. Еще перед приездом Пемброка говорили, что он просил встретить его на вокзале, так как он собирается привезти с собой живые экспонаты. В середине сцены, на доске докладчик развесил таблицы, которые потом часто менял. В левом углу стоял магнитофон с записями. Никаких животных видно не было.

Полагая, что ообщие положения публике и так хорошо известны, Пемброк начал прямо с какой-то очень конкретной схемы, чуть ли не с модели синтеза речи у животных. Поэтому непонимание началось сразу же, причем оно усугублялось тем, что оратор то и дело забывал английские слова, и тогда аудитория разражалась разнообразным подказкам.

Говорил он по-английски плохо, но ничуть не смущался ни этим, ни тем, что никто не понимает и сути доклада. Он говорил с воодушевлением и детской улыбкой чудака-ученого, который погружен в свое дело и уверен, что все интересуются тем же. Он включил магнитофон, и оттуда понеслось какое-то урчанье. Лицо докладчика осветилось улыбкой понимания, и он побежал к схемам со словами: «Это львица, вот, видите эти линии на осциллограмме?» Но тут с магнитофонной ленты стали доноситься уже другие звуки. Пемброк на секунду задумался, потом нежно улыбнулся, показал что-то на схеме, сказал: «Это детеныш крокодила...»

Из магнитофона раздавались все новые и новые рыки, свисты, пiski и скрипы — до самого конца доклада. Пемброк перебежал от схем к магнитофону, потом опять к диаграммам, менял их, вслушивался, расцветал от понимания, что-то пояснял, говоря уже наполовину по-немецки и совершенно не глядя в зал. В ообщем, его доклад сочетал поразительное проникновение исследователя в язык животных и его полнейшую неспособность найти ообщий язык с собравшимися. Впрочем, последнего он, по-видимому, не замечал. Аудитория же откровенно веселилась.

Между тем, насколько можно было понять из напечатанных тезисов, речь шла о вещи очень правдоподобной, хотя и смелой. А именно — что все животные и даже человек в первые месяцы жизни в сходных ситуациях пользуются сходными типами речевых сигналов.

Жалтурологические заметки

Свою научную карьеру я начал в должности старшего инженера с мизерным окладом 100 рублей в месяц. Но я был убежден, что ученый должен работать, а не зарабатывать. Проблема же не-

хватки денег, считал я, решается просто — путем ограничения потребностей. Противясь покупке финского гарнитура ценой в десяток моих зарплат, я говорил жене, что не хочу жить среди мебели, которая дороже меня самого. Не будучи знаком с «Этикой нигилизма» Франка, я не понимал, до какой степени мои установки смыкались с большевистскими, хотя радостно хохотал над анекдотом о том, как при коммунизме на дверях магазинов будут вывешиваться объявления типа: «Сегодня на масло потребностей нет».

Перед глазами у меня был пример соседки по лестничной площадке, назову ее Саррой Яковлевной. Отношения у нас были хорошие, она еще помнила мою маму. Иногда она звонила в дверь, чтобы предложить блузку, туфельки или иной предмет дамского туалета, приобретенный ее дочкой Эммочкой, но почему-либо не подошедший. Моим женам, насколько помню, ничто из этих товаров тоже не подходило.

Если же звонок Сарры Яковлевны раздавался в двадцатых числах, я знал, что речь пойдет о другом.

— Алик, не могли бы вы одолжить мне пять рублей до начала месяца? Если это вас не слишком обескровит?

Сумма неизменно называлась ничтожная, я без разговоров давал, Сарра Яковлевна неукоснительно возвращала. Но словечко «обескровит» запомнилось намертво — в контрапункт к элементарной мысли, что отказ от ровно одной блузки раз навсегда снял бы душераздирающую проблему денежного кровообращения. (О сакральных обертонах «крови» в иудейской культуре я тогда тоже еще не слышал.)

Конец моему ригоризму положил развод. На квартиру для жены деньги пришлось занимать, а занятые отдавать. Часть я взял у папы, часть — у состоятельного коллеги. Помню, как мы пошли в его сберкассу, где он снял со счета гигантскую по моим тогдашним понятиям сумму в 2000 рублей и половину протянул мне, со словами:

— Ну, что ж — поделим по-братски. Только пообещай, что не станешь плохо ко мне относиться.

Берешь, как известно, чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Чтобы расплатиться с долгами, пришлось искать хал-

туру. В какой именно сфере халтурить, вопроса не составляло. На работе я занимался новаторской теорией автоматического перевода, зарабатывать же стал переводами, выполняемыми по-старинке, вручную. Среди моих знакомых было много мастеров этого дела. Настоящие асы работали на «синхроне», но я асом не был, да мне и не подошла бы работа по чужому расписанию. Нужны были письменные переводы.

Один приятель, ныне покойный, вырастил на них девять детей (последнюю дочку уже в Нью-Йорке). Как-то у него работал плотник, что-то чинил или строил. Костя сидел за машинкой, но по-толстовски этого стыдился и все порывался что-нибудь поднести, пока плотник не припечатал:

— Ты не дергайся. Ты делай свое еврейское дело, а я буду делать свое.

Первым моим еврейским — но далеко не толстовским — делом стали переводы на английский, по чьей-то наводке полученные в «Воениздате». Полковник Баканов, высокий красавец кавказского вида, вручил мне секретную инструкцию по обслуживанию советского танка (Т-54?), и я сделал пробный перевод. Баканов признал его удовлетворительным, но посоветовал писать проще, без лингвистических изысков, непонятных, как он выразился, «нашим черножопым братьям».

Военными деньгами я пробавлялся около года, пока не нашел более мирных вариантов. Для престижного ежегодника «Наука и человечество» я вскоре перевел с французского статью бразильского демографа Жозуэ де Кастро, борца за мир и большого друга Советского Союза. Статька была пустенькая, зато расценки далеко превосходили воениздатовские; думаю, что и автору, специалисту по проблеме голода, перепало на хлеб с маслом.

Мое экономическое положение стало укрепляться, причем в соответствии со своими убеждениями я стал прилично получать если не за саму научную деятельность, то за околонучную халтуру. Во-первых — за переводы статей по лингвистике. Во-вторых — за переводческую и дикторскую работу на Московском Радио с языком сомали, о котором писал диссертацию. В-третьих, по договору с Госпланом — за то, что мы, собственно, и так делали в Лаборатории, так что дополнительная работа сводилась

к подаче отчетов. (Однажды выплата задерживалась, очередной отчет составлять выпало мне, и я написал его акростихом — предложениями, начинавшимися с жирных букв: ПЛАТИ-ЗАЭТУЛИПУСКОРЕЕИБЕЗСКРИПУ.)

Расквитавшись с долгами и утвердившись в селф-имидже благополучного ученого, я начал забывать о былых халтурах. Поэтому, когда как-то накануне майских праздников из «Науки и человечества» меня попросили срочно перевести статью «моего» де Кастро, я стал отказываться. Помимо нежелания, у меня были уважительные причины: я был болен, машинка сломана, библиотеки закрыты. Но редакторша, явно попавшая в прорыв, настояла на своем, взявшись прислать оригинал с курьером, принять рукописный перевод, самолично выверить терминологию, заплатить по высшей ставке и навеки остаться у меня в долгу.

Через час в мою почтовую щель упал тяжелый конверт, но я был так слаб, что открыл его только на следующий день. А открыв, пришел в ужас. Я предусмотрел все, кроме одной мелочи. Текст был на неизвестном мне языке; судя по обилию тильд и учитывая национальность автора, — португальском. Прошлый раз я переводил де Кастро с французского и полагал, что так же будет и теперь, в редакции же я, видимо, значился как «его» переводчик, а уж с какого языка, их не волновало.

Что было делать? Статья оказалась не так уж длинна — страниц десять, напечатанных очень четко, со щедрыми интервалами, на языке, не то чтобы совершенно экзотическом, а как-никак романском; не страшил меня текст советского, в сущности, халтурщика и с содержательной стороны. И я решил, что если я с ходу разберусь в синтаксисе предложений, то задача сведется к добыванию португальско-русского словаря, вполне осуществимому и в праздники. Так и вышло, тем более что д-р де Кастро не подвел, опять предложив вниманию советских друзей вполне предсказуемую муру.

Вскоре та же редакторша позвонила узнать, не порекомендую ли я ей кого-нибудь с итальянским языком. Осведомившись о характере работы и оплаты, я предложил себя.

— А вы и итальянский знаете?

— Итальянский-то я как раз знаю.

— Что вы имеете в виду?

Я не стал уточнять, новую халтуру взял, сделал, сдал и, сдавая, спросил, как дела с предыдущей. Оказалось, что ежегодник вот-вот выходит.

— И там написано: «Перевод с португальского Жолковского?», — не удержался я.

— Почему с португальского? С испанского.

— Да-да, конечно, с испанского.

Том вскоре вышел. В нем действительно значится: «Пер. с исп. А. Жолковского». А что? Так даже интереснее.

...На работе мне уже давно платят столько, что никакой халтурой меня не заманишь. В один из приездов в Россию, совпавший, как обычно, с очередным экономическим кризисом, у меня зашел разговор с коллегой об общем знакомом, к которому я имел деловые претензии. Собеседница горячо за него вступилась:

— Ты не понимаешь! Он вкалывает на пяти работах!!

Я ответил, что я как раз понимаю — и как лексикограф, и как бывший совок. Что вкалывать можно на одной, ну, на полутора работах, а на пяти можно только халтурить.

Сказав это, я почувствовал, что повел себя в точности, как Мэдлен Олбрайт. Когда в качестве свежееиспеченного госсекретаря она приехала разбираться с сербами и те стали втирать ей очки, она перебила: «Не надо. Я здешняя». Сказано отлично, а толку? С другой стороны, разве плохо звучит: халтура, халтурщик(-щица), халтурить, подхалтуривать, схалтурить, исхалтуриться, это же халтура, отличная халтурка обломилась?.. Приятно вспомнить.

Южный акцент

В начале 1980-х годов я несколько лет подряд ездил на конференции Американского Семиотического Общества, где, в частности, познакомился с очень занимавшим меня тогда Майклом Риффатерром. Одна из этих конференций проходила под Солт-Лейк-Сити, на территории пустовавшего не в сезон лыжного курорта.

Мормонский штат Юта известен, среди прочего, своим сухим законом. Практически это значит, что при входе в ресторан, тут же рядом с вешалкой, предлагается вступить в клуб любителей вина, каковым позволено купить в окошечке этого мифического клуба желаемую бутылку, поставить ее себе на стол и, заплатив официантке несколько долларов за corkage (извлечение пробки), распить ее себе на здоровье, как и не в штате Юта.

Все это мы (я и несколько коллег, среди которых помню покойного Франтишка Галана) проделали с должным семиотическим интересом, а когда вино стало оказывать действие, простерли этот интерес и далее, пригласив танцевать местных девушек.

Танцуем, разговариваем.

— You talk different («Вы говорите иначе»), — отмечает моя партнерша.

— I do («Да»).

— You are not from here («Вы не здешний»).

— No («Нет»).

— You must be from Southern Utah («Вы, должно быть, из Южной Юты»).

Это был первый и последний раз, что в Америке меня приняли меня за американца.

Пригов и авокадо

Когда в конце 80-х годов рухнул железный занавес и бывшие подпольные литераторы стали ездить на Запад, на нашем горизонте появился Пригов. В Лос-Анджелесе он остановился у нас, и в первое же утро мы решили поразить его одним из чудес американской природы. На стол, среди прочего, мы подали авокадо.

— Дмитрий Александрович, вы наверно не знаете, что это?

— Вот это... такое... генитальное?..

— Если вам угодно так выразиться. Это плод авокадо.

— Авокадо? Какое интересное название! Откуда оно?

— Честно говоря, сам не знаю. Посмотрим в словарь.

Я открыл недавно вышедший огромный «Random House Dictionary», в котором было даже слово glasnost, и прочел там примерно следующее:

Avocado — от испанского abogado «адвокат», искаженного контаминацией с мексиканско-испанским aguacate, в свою очередь, восходящим к ahuacatl, что на языке индейцев Nahuatl означает «авокадо», а также «тестикулюм».

Почти матерное crescendo: абогадо — агуакате — ахуакатль — нахуатль, разрешившееся мужским яйцом, неоспоримо свидетельствовало, что холодный концептуалист Дмитрий Александрович Пригов отнюдь не чужд «живейшему принятию впечатлений и быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных», как Пушкин определял вдохновение.

Малон на место у колонн

Папа рассказывал, что Шостакович имел обыкновение приехать на вокзал сильно заранее, чтобы, как только подадут состав, войти в вагон, занять свое место, постелить постель, раздеться и лечь под одеяло.

— Зачем?

— Затем, что если окажется, что на это место продали два билета, и придет другой пассажир, то место останется за Шостаковичем как за уже лежащим.

На недоумения типа: он же Шостакович, лауреат, депутат и т.п., так что место ему уж как-нибудь обеспечено, папа отвечал другой историей про Шостаковича и билеты.

В 30-е годы его даме вдруг захотелось пойти в театр, мимо которого они проходили. В кассе билетов не оказалось. Шостакович готов был ретироваться, но дамочка продолжала напирать: он знаменитость, его все знают, стоит ему назвать себя, как билеты найдутся. Он долго отнекивался, но в конце концов сдался и обратился в окошечко администратора с сообщением, что он Шостакович. В ответ он услышал:

— Ви себе Шостакович, я себе Рабинович, ви меня не знаете, я вас не знаю...

Местный колорит

Считается, что если остроту или анекдот надо объяснять, то все пропало. Но иногда без комментариев не обойтись. Да и вообще, комментарии — дело хорошее, талмудическое.

Старый советский анекдот из жанра грузинских.

Московский водитель проезжает в Тбилиси на красный свет. Его останавливает милиционер:

— Па-кажи права, дарагой!

Водитель подает свое удостоверение, вложив в него купюру.

— Прав лишать будэм, — говорит милиционер. — Дал-танизмом страдаешь, дарагой. Едишь на красный, кладошь — зеленый?!

Справка: зеленого цвета была трешка, красного — десятка.

Смысл: грузины богаче, коррупция сильнее, взятки, во всяком случае с москвича, крупнее.

На конференции аспирантов-славистов нескольких калифорнийских университетов утреннее заседание проводит профессор из Беркли, знаток русской литературы, специалист по Мандельштаму, полиглот, умница. Закрывая заседание, он описывает его шикарным словом латинского происхождения — *pregrandial* «предобеденный». После ланча председательствую я. Я пытаюсь как-то обыграть и оспорить его словоупотребление, но он с места парирует мои потуги, и у меня остается чувство полемической неудовлетворенности. Я жду, к чему бы придраться, но случай все не представляется.

Вечером на парти царит атмосфера доброжелательной скуки. Берклийский коллега говорит мне дежурный комплимент — и я обнаруживаю в нем искомый лексикографический зазор.

Он (любезно): *You look tanned* («Вы выглядите загорелым»).

Я (въедливо): *No, I am tanned. It's you who look tanned* («Нет, я действительно загорел. Это вы выглядите загорелым»).

Он (великодушно): *Well, I sometimes add a shade or two* («Ну, я иногда принимаю немного более темный оттенок»).

Справка: Коллега — индийского происхождения, очень темнокожий.

Смысл: Плевать я хотел на политкорректные табу.

Я договариваюсь с коллегой из соседнего университета, UCLA (Калифорнийского университета Лос-Анджелеса), нашего постоянного соперника, о проведении совместного семинара. Мы во всем согласны, планируем на одно и то же время, но при этом я говорю о «весне», а он — о «зиме».

— Как это так?! — не выдерживаю я. — У нас весна, а у вас еще зима?

— *You are south of us* («Вы южнее нас»), — следует ответ.

Справка: Я работаю в USC (Университете Южной Калифорнии); у нас три семестра — два основных (осенний, с сентября по декабрь, и весенний, с января по май) и один каникулярный (летний), а в UCLA — четыре четверти (*quarters*), по временам года; топографически наш университет, действительно, расположен южнее (и восточнее); в Лос-Анджелесе район чем севернее и западнее, тем лучше — престижнее, богаче, безопаснее.

Смысл: UCLA лучше, чем USC!

— А где же лейтмотивная цветовая гамма? — спросит проницательный читатель. Разъясняю: южнее — еще и чернее, но это уж в самом глубоком подтексте.

Из России с любовью

Это было в начале 70-х годов, в эпоху застоя, в период его расцвета. Мой ученик (назову его кафкианским инициалом К.), вдвоем с которым мы практически контролировали рынок переводов на язык сомали, сообщил мне, что наклеивается новый источник халтуры: Агенство Печати Новости открывает серию переводов классиков марксизма-ленинизма на ранее не охваченные восточные языки. Заведует этим делом некто Козлов, бывший резидент в Китае.

Я ответил, что идея хорошая, лишние деньги не помешают, но времени на дополнительную халтуру у меня нет. К. меня успокоил. От меня требовалось только сходить к Козлову, напустив важности, выговорить оптимальные условия и, по занятости, поручить переводческую роль К., так и быть, согласившись на редакторскую.

Козлов оказался невзрачным (подслеповатым? рыжеватым? лысоватым?) человеком, на которого с первого же взгляда естественно было свалить китайские промахи Кремля. Я взял уверенный тон. Одобрив планы приобщения сомалийцев к трудам Ленина и заверив Козлова в высоте квалификации К., я перешел к центральной теме — ставке за лист.

Козлов проявил знакомство с вопросом и выразил готовность платить двадцатипятипроцентную надбавку за «редкость» — категорию, под которую подходили все восточные, в том числе африканские, языки. Я, однако, метил выше.

Я указал на особый статус языка сомали, лишь недавно обретшего письменность. Ставя задачу перевода на него сочинений Ленина, следовало учитывать, что само слово «перевод» получает в этом случае качественно иной смысл. Если при работе с китайским, японским, хинди и т.п. дело сводится к переводу на языки, давно абсорбировавшие марксизм, то на сомали предстоит начинать с нуля. Речь идет не о переводе в готовые языковые формы, а о создании всей необходимой фразеологии. На переводчика — К. — ложится гигантская историческая ответственность: от него зависит, как на сомали будет впредь звучать голос Ленина.

Эту импровизацию в стиле О. Бендера я заключил требованием удвоить надбавку. Козлов выслушал меня с пониманием, но сослался на отсутствие соответствующих разнарядок. Так что, 25% — si, 50% — no, хотите берите, хотите нет. Мое красноречие разбилось о бюрократическую стену. Программа-максимум не сработала. Можно было, конечно, гордо удалиться, но мы утерлись и согласились на программу-минимум.

...Передо мной лежат три красных книжечки на сомали, две ленинских и одна брежневская. Никаких других фамилий там

не значится — ни Козлова, ни К., ни тем более моей. Не помню и получил ли я что-либо за «редактуру». Боюсь, что да. Сохранилось вложенное в Брежнева уклончивое письмо на бланке АПН от 6 февраля 1974 г.:

тов. Жолковскому А.К.

Направляем Вам, как переводчику на язык сомали, брошюру Л.И. Брежнева «Наш курс — мир и социализм», выпущенную Издательством АПН.

П. Козлов,

Заведующий Редакцией изданий на восточных яз.

Козлова я больше не видел, но свою оценку его агентурных качеств пересмотрел. Не исключаю даже, что, развернув мои аргументы перед начальством, он добился-таки изменений в разнарядках. И, как говорят в таких случаях американцы, laughed all the way to the bank («смеялся всю дорогу в банк»).

Работа — не волк

Домашние и школьные строгости, еврейский комплекс вины и пример уважаемых коллег приучили меня к трудовой дисциплине. Получился даже некоторый сальеристский перекокс, требовавший моцартианских поправок.

Давным-давно, разговорившись с коллегой, муж которой, А., был лингвистической звездой первой величины, я между прочим спросил, над чем он работает. Оказалось, что он недавно кончил статью и теперь отдыхает — живет на даче, играет в футбол, выпивает с друзьями и ничего такого научного не делает. Этот ответ произвел на меня, совсем еще юного дебютанта, сильное впечатление. Выходило, что можно быть настоящим ученым, автором не только оригинальных, но и тщательно проработанных исследований (А. славился полным исчерпанием материала — принципиальным отказом от каких-либо «и т.д.»), и отнюдь не каждую минуту посвящать работе. И это на фоне того структурного бума, когда в лингвистику валом валили технари, и один из них (Г.М.) на вопрос, куда он едет в отпуск, отвечал, что у

лингвиста не бывает отпуска, так что они с женой едут в диалектологическую экспедицию.

В дальнейшем я многие годы порознь соавторствовал с двумя коллегами — И. и Ю. Я восхищался обоими и старался подражать им, но в разном. И. являл образец мощного планомерного напора; это было понятно, и приходилось не отставать. Ю. был причудлив. Его очевидный талант, эрудиция и ранние успехи делали тем более загадочными его методы работы. Продолжительное совместное сидение над рукописью его тяготило. Отчасти — именно ввиду ненавистной ему совместности, но не только. Однажды он поделился со мной своими рабочими навыками.

— Если я позанимался некоторое время и что-то написал, значит, дело идет хорошо и можно предаться заслуженному отдыху, погулять, съесть что-нибудь вкусное. Если же я сижу и ничего не получается, то нет смысла упорствовать: надо сделать перерыв, перекусить, пойти проветриться...

Меня это поразило, и я стал сознательно прививать себе такую гигиену труда. Особенно удавалась она с И.: на себя я брал амплуа по-детски беззаботного творца, зная, что И. охотно потянет ту лямку ответственности, которая с Ю. приходилась на мою долю.

Как-то раз, в ответ на мой очередной призыв форсировать работу, Ю. запротестовал:

— Нет, Алик, извини, но это невозможно. Ты чего-то недопонимаешь. Ты, по-видимому, забываешь, что я, как бы это сказать, я все-таки... русский.

Я постарался больше не забывать. Впрочем, русские бывают разные. А бывают и евреи, подобные Ю. Так, где-то у Гейне есть забавный пассаж о том, как он работает. Приблизительно такой:

«После завтрака я сел за письменный стол, чтобы отделать стихотворение, написанное накануне. В целом я остался им доволен, но решил, что в одном месте нехватает запятой. Поставив запятую, я с чистой совестью отправился на прогулку, а затем плотно пообедал. Вечером я перечитал текст и пришел к выводу,

что запятая там ни к чему. Я убрал ее и с чувством хорошо поработавшего человека лег спать».

Любопытно было бы, конечно, узнать, как он работал накануне, но об этом пустяке Гейне умалчивает...

Когда я стал собираться в эмиграцию, И. звонил из Канады, убеждал и торопил, я же тревожился, выдержу ли капиталистическую конкуренцию, ее агрессивный нахрап, — помнится, я употребил слово *drive*.

— Какой, к черту, *drive*? — ответил И. — Сонное царство...

Разумеется, канадцы — не американцы, да и американцы бывают разные, но в английском языке недаром есть поговорка: *All work and no play makes Jack a dull boy* («От одной работы без развлечений Джек становится скучным / тупым парнем»). Это, конечно, не то же самое, что «Работа — не Алитет, в горы не уйдет». Дело делается, но в основном от 9-ти до 5-ти. Собственно, в этом вся идея. Нет авралов, сдаванки, трудового героизма.

И действительно, зачем из работы делать волка? К тому же с годами рабочий энтузиазм спадает. Сказывается и торжество постмодерна, деконструировавшего железную хватку структурализма.

...Пишу это в первых числах января, перед началом семестра, к которому не готов и готовиться неохота.

Peers

Один из лучших каламбуров рассказал мне мой корнелльский коллега L.B. Он утверждал, что присутствовал при его рождении, скажем так, из пены морской.

В мужскую уборную зашел профессор и, увидев, что все писсуары заняты, принял позу ожидания. Один из студентов узнал профессора и предложил уступить ему место.

Please, — ответил тот, — *we are all peers here*. («Что вы, мы все здесь равные / мочащиеся».)

Типичное для юмора совмещение высокого и низкого играет здесь на словесном обнажении так наз. материально-телесного

низа, на иерархичности отношений «студент — профессор» и на аристократических коннотациях слова peer (peer — I. 1. равный; 2. пэр; II. имя деятеля по глаголу to peer). Но не менее важно, хотя и не так заметно, думаю, то, что в фокус поставлено слово, не только воплощающее, но и прямо называющее принцип приравнивания крайностей. Гротескно выисканная ситуация оказывается оболочкой для универсальной истины о жизни и об искусстве: «Высокое и низкое равны».

Уроки английского

Есть фразы, которые запоминаются не благодаря тому, семантически ЧТО в них сказано, а тому, грамматически КАК. Они свидетельствуют, что и прозе не чужда поэзия грамматики. Как правило, они непереводаемы — по известному определению Роберта Фроста, поэзия это то, что пропадает в переводе.

Давным-давно, еще в России, я прочел о Генри Джеймсе примерно следующее:

Henry James is always quite clear but only so after one has gone to considerable trouble trying to figure out what it is he is being clear about. То есть: «Генри Джеймс всегда пишет ясно, но эта ясность наступает только после того, как затратишь значительные усилия, чтобы понять, о чем именно он так ясно пишет».

Перевод приблизительный — тонкости пропадают. С некоторыми из потерь можно примириться. Так, в оригинале Джеймс не «пишет ясно», а просто «ясен», но если так и перевести, то возникнут трудности с only so («таков только») и clear about («ясен о»). Кроме того, «пишет» хотя бы отчасти компенсирует непереводаемое is being clear («является ясным [в настоящем продолженном времени]»).

Но утрачивается и главный грамматический фокус — оттянутое до самого конца явление предлога about, «о». В буквальном переводе конец фразы звучал бы так: «что это такое, которым он является ясным о». Вынос предлога в конец — одна из формальных причуд английского синтаксиса, но здесь она по-

ставлена на службу смыслу: трудности уяснения синтаксиса фразы аккомпанируют трудностям уяснения джеймсовского письма, и развязка — в обоих планах — наступает лишь по предъявлении последнего слова. Затягиванию процесса способствует также грамматическая форма is being clear, «продолженная» во всех отношениях — и по смыслу, и по числу слов.

Неожиданный русский аналог этой грамматической игры со временем — концовка одного приговского стихотворения.

Шостакович наш Максим
Убежал в страну Германию
Господи, ну что за мания
Убегать не к нам, а к ним
Да к тому же и в Германию
И подумать если правильно
То симфония отца
Ленинградская направлена
Против сына-подлеца
Теперь
Выходит
Что

Переключка здесь не только по формальной линии — ретроспективности последних слов (теперь выходит что; «котором...ясен о»), но и по содержательной: Седьмая симфония Шостаковича окончательно осмысливается задним числом. Разумеется, Пригов доводит оба эффекта до гротеска, но это те же самые эффекты.

Под рукой мастера игра с отделяемыми предлогами может развернуться и на очень ограниченном пространстве.

В одном романе Кингсли Эмиса очередная жена дирижера спрашивает предыдущую, как ей удалось так долго прожить с ним. Та отвечает:

— I was very good at being talked to about music, «Я очень хорошо умела слушать, когда он говорил о музыке» (букв. «Я была

очень хороша в том [способна к тому], чтобы быть говоримой с о музыке»).

В гладком литературном переводе пропадает целая драма предлогов, лиц, залогов и времен, вторящая описываемому сюжету; некоторое представление о ней дает буквальный подстрочник. Недлинное — всего в десять слов — английское предложение содержит три предложных конструкции, из которых в переводе остается только одна, третья («о музыке»). Второй предлог (to, «о»), ввиду пассивности конструкции, как бы повисает в воздухе — подразумеваемым дополнением к нему является I («я»), расположенное в самом начале предложения. Вдобавок к этой ретроспективной петле (ср. выше ситуацию с clear about), образуется еще и стык двух предлогов: ... to about... («...с о...»).

Ни подобного пассива, ни подобного «повисания» предлогов, ни подобных стыков («быть говоримой с о») не бывает в русском. Отсюда появление в переводе глагола «слушать», отсутствующего в английском тексте и грубо смазывающего его тончайшую словесную вязь. По-русски получается, что героиня действительно слушала мужа, тогда как в оригинале дается понять, что она лишь умело делала вид. Получается это из-за замены подчеркнуто пассивного состояния being talked to (т.е. «пребывания в роли адресата говорения») вполне активным действием «слушания». Заодно пропадает парадоксальное столкновение активного, чуть ли не профессионального «умения» с бездейственным, хотя и длительным (грамматически продолженным), состоянием «пребывания адресатом». Наконец, употребление глагольной формы (слушать) лишает описываемое состояние («адресатность») той «безличной, объективной, квази-профессиональной» ауры, которую ему в оригинале придает использование именной конструкции (being...).

Вся эта языковая минидрама имеет, как того требовал Аристотель, начало, середину и конец. Предложение начинается с конкретного субъекта (I, «я»), простой глагольной формы (was, «была») и простого, хотя и предложного, выражения (good at, «способная к, на»). Далее предлог слегка зависает, когда оказы-

вается, что ему предстоит управлять не простым существительным, а целой конструкцией — составной, пассивной, безличной (в ней не названа ни одна из сторон — ни жена, ни муж). Образована эта конструкция с помощью все того же простого глагола (to be, «быть»), но на этот раз взятого в более абстрактной форме (being). Достигнув далее кульминации на стыке двух предлогов («с о»), грамматическое напряжение спадает: фраза заканчивается нормальной предложной группой about music («о музыке»), называющей вполне реальный предмет отвлеченных разговоров и изысканных конструкций.

Отделяемые предлоги — одна из болевых точек английской грамматики. Учебники хорошего стиля советуют избегать повисающих (dangling) предлогов. На эту тему существуют даже анекдоты.

Таксист спрашивает прохожего:

— Can you tell me, sir, where Harvard Yard is at? («Не скажете ли, сэр, где здесь Гарвард Ярд?»); предлог at [букв. «в»] зависает, да и самим своим употреблением выдает неграмотность говорящего — как если бы вместо: «где здесь» он сказал: «ихде здесь»).

— At Harvard we do not end a sentence with a preposition («В Гарварде мы не кончаем предложений предлогами»).

— O. K., can you tell me where Harvard Yard is at, asshole? («О-кэй, не скажешь ли, где здесь Гарвард Ярд, мудила?»); вместо того чтобы убрать дурацкий предлог, таксист заключает вопрос прямым оскорблением.)

Избавиться от повисания предлогов не так-то просто. Хрестоматийной стала издевка одного знаменитого стилиста над неуклюжими попытками в этом направлении:

This is the kind of syntax up with which I will not put, букв. «Это такой синтаксис, при- с которым я не могу -мириться», т.е.: «...с которым я не примирюсь».

Здесь Черчилль (а это он) приближается к Пригову. Вообще, с отделяемыми предлогами чаще всего, как ни кинь, все клин. В умелом хождении по грани дозволенного — кольриджевском «примирении крайностей» — и состоит изысканность двух рассмотренных примеров.

К *** (Я пью за французских болгарок...)

Я пью за французских болгарок,
которых мне здесь дефицит,
за летние узы байдарок,
за скошенных глаз антрацит.
Я пью за армянскую розу,
за луковый суп и порей,
за лени восточную позу,
за двадцатибалльный лицей.

Я пью за закрытые фильмы,
за тот дилижанский эдем,
за сказку на озере Ильмень,
за очерк падежных систем.

Я пью за парижских чувашек,
за детство на улице Saïxe,
за кружево нижних рубашек,
за скулы, за ноздри, за секс.

Я пью, но еще не придумал,
а выбор известно каков:
4, 17 или 20 —
источники Эссентуков.

Комментарий

Написано в 1970 г. в Железноводске, где я лечился от желудочно-кишечных заболеваний. На службу влюбленности (вспыхнувшей годом раньше во время Летней школы по модели «Смысл-Текст» в Дилижане) в юную лингвистку смешанного русско-болгарско-чувашско-армянского происхождения, с отличными оценками (20 баллов) окончившую парижский лицей и иногда подрабатывавшую синхронным переводом французских фильмов в привилегированных клубах, поставлен парафраз мандельштамовского стихотворения, которым я в то время занимался. Энтероколит, любовь и филология образовали мощную стихогенную смесь.

* * *

Пусть рой юнцов Вам строит куры,
И Фима курит фимиам,
Нарумов пусть плетет амуры,
Арон пусть с верой никнет к Вам;
Пусть Вас рифмует Реформатский
С Жорж Санд и с Марион Делорм,
Морфемам расточая ласки
На фоне Ваших мегаформ;

Дыша на вас душевным смрадом,
Пусть льет рекой Колшанский «Двин»,
Стихами сыплет Виноградов,
Пусть градом бьет стихия вин;

Но я хочу, чтоб Вы сказали:
Салона сладок ритуал,
Доколе в мозженском Версале
Острит интелектуал.

Комментарий

Написано во время Зимней школы по структурной и прикладной лингвистике, организованной Институтами русского языка (ИРЯ) и Языкознания (ИЯ) АН СССР и Лабораторией машинного перевода (ЛМП) И МГПИИЯ (1970? 1971? 1972?) в Доме отдыха АН СССР «Мозженка» (на Николиной горе под Москвой).

Обращено к Веронике Николаевне Телия, в комнате которой на втором этаже по вечерам собирался «салон» с питьем чая, и сочинено за 15 минут на пари, что стихи будут готовы к началу чаепития.

В.Н. Телия — сотрудница ИЯ, красавица.

Фима — Ефим Лазаревич Гинзбург, сотрудник ИРЯ.

Нарумов — сотрудник (аспирант?) ИЯ.

Арон — Арон Борисович Долгопольский, сотрудник ИЯ, впоследствии профессор лингвистики в университете Хайфы (Израиль).

Реформатский — Александр Александрович Реформатский, зав. сектором теоретической лингвистики ИЯ.

Мегаформы — каламбур на понятии мегаморфы.

Колшанский — Георгий Владимирович Колшанский, проректор по научной работе I МГПИИЯ, по совместительству сотрудник ИЯ.

Виноградов — Виктор Алексеевич Виноградов, сотрудник (ныне — 2005 — директор) ИЯ.

Ин-телие-ктуал — сигнатура сочинителя, Александра Константиновича Жолковского, сотрудника ЛМП I МГПИИЯ (подчиненной Колшанскому).

ХАМПАДА

Мысль изреченная — не ложь.

Ф.И. Тютчев

1

О если бы, хотя отчасти
Я с темой справиться бы мог,
Семейную картину счастья
Я набросал бы в сотне строк.

Нет, я б не сделался поэтом,
Но, данью обложив их всех,
Крадя у Лермонтова лето,
У Пушкина гусей и снег,

Я б брал налево и направо,
И, одолев вину и страх
(Ведь мы — свои, сочтемся славой),
На их писал черновиках.

Тогда, свершений и соитий
Повсюду схватывая нить,
Я о Наташе и Хаите
И Анне мог бы сочинить.

2

Я не услышу Оссиана,
Нет, я не Байрон, я другой.
Я в даль семейного романа
С подзорной устремлюсь трубой.

Люблю военные бинокли
И вижу, бесом обуян,
Хаит, чьи страсти не поблекли,
Льет поцелуй в рожденье Анн.

Люблю в Дубне ядра творенье,
Где дум великих полон он,
Чтоб мыслей управлять теченьем,
Включает синхрофазотрон.

Люблю тебя, рожденье ткани,
Когда вдруг, после двух иль трех,
А то и больше задыханий
Приходит выпрямленья вздох.

И проскользнув неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Себя ценить заставил Дима
(Не может быть огня без дыма)
И лучше выдумать не мог.

Люблю тебя, моя певица,
За Диме выданный патент,
Что может от него родиться
И, значит, он не импотент.

Во глубине телесных груд
Таилось редкое терпенье,
Вознагражден ваш сладкий труд
И муд высокое стремленье.

(Люблю, и думаю, и знаю —
Слегка смудив веселость их —
Что сущность Ани — ткань сквозная,
Как предсказал мой тетраптих.)

Я смок до нитки от наитий,
И рифмы ливмя вкось летят.
Их не могу остановить я,
Хочу Наташе посвятить я,
Навзрыд пишу я о Хаите
И стайке нежных хаитят...

3

Держу пари, что я не умер.
Так просто ж! Дни рожденья есть.
Давно пора набедокурить —
Иначе прошлого не снести.

Пари, что восемьдесят первый
(Наш здесь — второй) окончен год.
Не кукушусь — знаю, суть не в нервах,
Москва без Алика цветет.

Но все же я б сказал, опомнясь,
(Вас это не тревожит пусть):
«Не хочется домой, в огромность
Системы, наводящей грусть», —

Когда б, отъехав за Ижоры,
О Натали, души кристалл,
Я мог бы не вспомнить взоры,
Что я со шкафа посылал.

Увы! Твои душа и тело
Хаиту были отданы...
Я бросил тесные пределы,
Увидел дальния страны.

Свою окончив Одиссею
В Итаке, на краю земли,
Страдаю, мучаюсь и млею
Вдали прелестной Натали.

4

...Но нет, не весь: в заветной лире
Мой гений тленья убежит,
Доколе в том иль в этом мире
Жив будет хоть один Хаит.

28.11.1981, Итака, штат Нью-Йорк

Комментарий

Сочинено в Итаке, где в 1980—1982 гг. я заведовал кафедрой Русской литературы в Корнелльском университете, по случаю рождения дочки у наших московских друзей Димы Хаита, физика, и его жены Наташи Тютченковой, эксперта патентного бюро, а в свободное время — певицы. Последние полтора десятка лет они живут в Штатах.

Муд высокое стремление — намек на Димино любимое выражение *мудовы аки* (в смысле *адовы муки*).

Центон содержит около 40 цитат из Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Пастернака, Мандельштама, Маяковского и Ахматовой.

* * *

Суровый Дант не презирал Толстого.
Я нынче славным бесом обуян.
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Втерев в него пылинку дальних стран.

Пусть снова бард чужую песню сложит:
Графиня изменившимся лицом

Живет еще, но уж дышать не может
В чужой ночи и в городе не том.

Открыть окно — что жилам отвориться.
Графиня с изменившимся лицом
Горит опять, как белая страница,
И не жалеет больше ни о чем.

Родился шопот прежде губ, быть может,
Мне нравится, что Вы не мной больны.
Стакан не допит, век еще не дожит,
Друг другу мы ни капли не нужны.

О, быть покинувшей — такое счастье,
Как дай Вам Бог любимой быть другим.
Пусть воли нет, но есть простор для страсти...
Москва, Итака, Иерусалим.

Комментарий

Стихи были изготовлены привычным центонным методом в июне (?) 1987 г. в Иерусалиме (где я оказался в связи с бахтинским симпозиумом) ко дню рождения моей коллеги и доброй знакомой еще с московских времен Лены (Елены Дмитриевны) Толстой, внучки А.Н. Толстого, замечательной платоноведки (платоноведки Палестины, ср. прозвище Эммы Герштейн), а в дальнейшем чеховедки, волынсковедки и дедоведки. В ее жизни и жизни ее мужа, а моего тоже давнего друга и коллеги Димы (Дмитрия Михайловича) Сегала это был драматический период — она как раз уходила от него к своему будущему мужу Мише (Михаилу Вайскопфу). Оpozнание цитат из Пушкина, Мандельштама, Исаковского, Блока, Ильфа и Петрова, Тютчева, Пастернака, Цветаевой, Есенина, Кузмина и Коржавина предоставляю читателю.

Александр Михайлович Калюта

СОВРЕМЕННЫЕ ЯПОЧСКИЕ ХОККУ

(перевод с японского)

Трое японцев в подъезде
Ели сырок,
Сакэ запивая.

О, дорогая,
Сними кимоно.
Хватку приема ослабь.

Около ГУМа барыга
Сакуру мне предлагал, йены прося.
Где взять?

Друг на татами
Супругу мою обнимал.
Очень старался.

Мне передали:
«Декан вызывает тебя».
Видно, скучает.

Гейша во сне разметалась
И стонет.
Трудный был день.

Дочь председателя сватал
Ямомото раскосый,
Сын вертикальщика.

Ласковый сын в разговоре
Мать поминает японскую,
Блин.

Что-то на клев плоховато
Реагирует мой поплавок.
Видно, цунами мешают.

Палочки мне подарили
Для риса японцы.
Рису для палочек кто б...

Сакура есть на моем
Огороде.
В Токио дядька.

*ИЗ ЦИКЛА «ПОЭТИЧЕСКИЕ КЛОЧЬ»
РУБАИ ОМАРА ХАЙАМА
(в переводах с новоперсидского)*

1

Если низменной похоти станешь рабом,
То, представ пред Аллахом, пожалеешь о том.
Чтоб Всевышний тебя, мудака, не отринул,
Стань возвышенной похоти верным рабом.

2

Трудно мудрость Аллаха постичь, старина,
Нет у этого неба ни верха, ни дна,
Сядь в углу, ешь и пей, развлекайся с друзьями,
Все равно в смысле жизни не поймешь ни хрена.

3

С детства я прививал себе вкус к языкам,
Я объездил полмира, побывал тут и там,
Я английский знавал, суахили и хинди,
Но говязьему лишь говорю я «салам»!

4

Если девушка станом хрупка и нежна,
Если ликом бледна, как ночная луна,
Не спеши распахнуть ей навстречу объятья —
Может быть, от болезней зачахла она.

5

Если гурии пламенной выпячен бюст,
Но под плотной чадрой скрыт чернеющий ус,
Не спеши распахнуть ей крутые объятья —
Может, вместо красотки соблазнил тебя хлюст?

6

Мой халат и чалма обветшали давно,
А в кувшине из глины не плещет вино,
Только глупо винить в этих бедах Аллаха,
Если цены растут, а зарплата говно.

7

«Чтоб чего-то достичь в жизни суетной сей,
Обучайся наукам, ступай в медресе», —
Так мне дервиш сказал. Помолился Аллаху
И уехал, огнями мигнув «Мерседе».

8

Если с другом-дервишем ушел ты в запой,
В харабате сидя, песню громче запой,
Не забудь накормить ишака у дороги,
А придя из запоя, убери за собой.

9

Ошибается ищущий правду в вине,
Правды в нем не найти, ни внутри, ни извне,
Наш султан — да продлится правленье султана! —
Правду спрятал в его непомерной цене.

10

Наш усатый султан молвит слаще халвы
О безмерных богатствах народной казны.
Только что-то мой плов без баранины ныне,
Без приправы и лука, и без риса — увы!

11

Объявил нам эмир, что родной эмират
К султанату восточному страстью объят.
Только, кажется, мы оказались в гареме,
Где используют всех, как и сколько хотят.

12

Наш калиф молодой, тот, что правит сейчас,
Клятву дал, что до смерти будет с каждым из нас.
Только кем же потом управлять он собрался,
Когда вымрет последний из тающих масс?

17

Говорил нам султан, сжав в ладонях Коран:
«Низведу нищету, уничтожу обман...».
Шли года чередою. Коран поменяли,
А султана, наверно, попутал шайтан.

18

Что Аллах нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Если ж это в умелых руках прирастает,
Значит, страстная вас захватила стезя.

ЧТО В ИМЕЧКЕ ТЕБЕ ЕГО?

Жители Туркмении советского времени:
Кадык Шайтанович Худойведроев;
Кудыбредяй Кишлакненашевич Растудыев;
Мудытуды Абыкудыевич Бесывреброев;
Сюдытуды Ышакташшыевич Аулбаулов;
Нехудобы Кишмишурюкович Базарторгуев.

Подданные Великобритании немецких корней:
философ Ганс-Уильям Шоппингауэр;
массажист Карл-Кларе Петтингмахен;
девица легкого поведения Гангрентхен фон Кауфен;
вожжист-татуировщик Пол-Полли Пирсингдетке;
дегустатор вин Густав Вродерислинг.

Английская порнозвезда Неодетта Перси Снова.

Члены французского правительства:
Жаль Враньё;
Жэк-Жэс Совмин.

Югослав Радибога Заспасибович; актер Койко Шизич.

Хан Кончак со своей Кончаковной и хан Стульчак со своей
Стульчаковной.

Греки Приматоподопулос и Христарадиподаки, Катя Хизис
и Папакакайоанну.

Литовки Можули Раздевайте и Данутя Кедренефене.

Древнерусский князь Тщеславъ Тщеславовичъ.

Африканец Мбаб Намб Мбы.

Китаец Лень Встао.

Норвежцы Коле-Оле Хрендал и Битте-Дритте Тарусдал.

Египетская девица Нехертити.

Кавказцы Резо Люция и Ашот Грубиян.

Голландцы Ван дёр Моо и Крис де Билл.

Французы Пьер-Вер Мишель и Жан-Поль То.

Норвежцы Оле Гофрен и Оле Тетрин. Норвежец испанского происхождения Оле Гархия и знаменитый путешественник, норвежец корейского происхождения Тур Хер Ей Дал.

Ирландцы Джек О'Крошка и Джон О'Хаян.

Финны Ниихеранта и Матюкайнен.

Вьетнамец Нгуен Вряд Ли.

Папа Римский-Корсаков.

Оргазм Ротмистр-Дамский.

Чехи пан Выкакал и пани Взбздичкова.

Испанец Хулио Себоррея и белоруска Ганна Перхоць.

Корейская сборная по футболу: вратарь Вот Вам Фиг (запасной Хер Вам Дам); защитники: Я Сам Хам, Ка Дык Вон, Вры Ло

Хрясь, Хук Им Вбок; полузащитники Не До Сук, Шас Как Пну, Ху Из Ю; нападающие: Нам Бы Гол, Чхи На Их, Фак И Чмо; тренер по идеологической подготовке Под Кол Пак; главный тренер Взят Ку Им; запасные Юн Е Щё, Чмок И Шпок, Ку Киш Им, Гну Пук Вонь; тренер по физической подготовке Дык Ён Гад.

ИЗ СБОРНИКА «СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИГРУШКА» (1970–2005)

Так поступают спортсмены

В этом году на различные факультеты Паскудомойниковского университета культуры было принято тридцать шесть мастеров спорта, сорок кандидатов в мастера и восемьдесят перворазрядников. Специальным решением министра университет культуры преобразован в Академию физического воспитания.

Дипломы нового образца

введены на юридическом факультете университета в г. Замухрыжске. Теперь вместе с обычными свидетельствами об окончании вуза каждому выпускнику юрфака наносится татуировка с надписью «Не забуду пяти лет в Замухрыжском универе, в натуре».

Опять академзадолженность

Академик Бляхомухин взял в долг у академика Хотьбыгвоздева 3 рубля и не отдает уже полгода.

Повышенные обязательства

принял коллектив кафедры постсоветской литературы Раскладушкинского педуниверситета им. М.Д. Сада. Теперь экзаменационные оценки выставляются всем студентам после первого предъявления зачетной книжки.

Разрешено свободное посещение

студентам-отличникам в г. Красноклопске. Предъявив зачетную книжку, они теперь могут вне очереди посетить любой ресторан, бар или дансинг-клуб города.

Решительно ведут борьбу

по ликвидации академзадолженностей в Козаностринском университете на о. Сицилия. Там по итогам каждой сессии сразу ликвидируют не только академзадолженности, но и самих академзадолженников.

Успешно сдала русскую литературу

студентка 5 курса Наталья Побарабанюк. Теперь в обмен за полученный за нее талон в 20 кг она сможет приобрести 2-томник «Граф Монте-Кристо».

Объявления

Нижнесрачинской средней школе требуются филологи-русисты для преподавания иностранных языков, анатомии и гигиены, пения, физического воспитания, математики и истории общества.

ПТУ аптекарских работников г. Брынцаловска приглашает на учебу девушек до 50 лет. Срок обучения — по договоренности. Одиноким предоставляются семьи.

Лишилась чести

В среду в Эннской части сержант сверхсрочной службы Пилоткина отдала честь майору Кобелюку.

Своеобразно шутят

в день смеха 1 апреля чернокожие граждане многих африканских стран. «У вас вся спина белая», — любят они разыгрывать друг друга.

Открытие палеографов

Не известный ранее науке рукописный текст, приписываемый создателю первой славянской азбуки Кириллу, открыт палеографами в Крыму. На отвесной гранитной скале древним зубилом выбито: «Здесь былъ Кирюша».

Любит английские романы

гид-переводчик Сосискин. Работая в «Интуристе», он не раз заводил романы с туристками из Англии.

Все знают,

как трудно сдать экзамен по стародревнему языку проф. Щитомордникову. Но девушки поколения, выбравшего «Пепси», не из слаонервных. «Мы костями перед ним ляжем, а экзамен сдадим!» — поклялись они. Как нам сообщили, первую часть своего обещания девушки уже выполнили.

Не однажды приходил на вырубку

работникам крупных столичных универсамов некто Сисяев. Но всякий раз милиционеры задерживали рецидивиста, а выручку возвращали государству.

Еще один шаг

на пути к выполнению продовольственной программы сделала наша наука. Учеными сволочанского института биоорганической химии синтезирован сахар из крови и мочи больных сахарным диабетом. Как утверждает руководитель разработок старший научный сотрудник А. Пращурко, по вкусовым свойствам синтезированный продукт не уступает обычному сахару. Теперь не придется засеивать свеклой огромные земельные угодья, потом собирать урожай и заботиться о его переработке. Необходимо лишь организовать ежедневный сбор и доставку исходного сырья от диабетиков, и страна будет завалена дешевым сахаром.

Чемного статистики

Согласно данным статистического управления, средняя продолжительность жизни граждан Беларуси составляет 56 лет и 5 месяцев, а по отдельным социальным группам руководителей до 81 года. Это выше, чем во всех странах бывшего СССР вместе взятых на 7 месяцев, 4 дня, 13 часов и 1 минуту. Указом президента страны средняя продолжительность жизни белорусских граждан к предстоящим выборам должна быть доведена до 100 лет, а студентов, учащихся ПТУ и школьников до 50.

В связи с предстоящим демографическим взрывом в Кабинете министров запланировано увеличение роста рождаемости в стране в среднем до 2,6 ребёнка на семью из двух человек за счёт привлечения иностранных вложений, особенно за счёт вложений граждан с африканского континента и из стран индокитайского региона.

Не известная ранее

скульптурная группа «Рабочий Давид и Колхозница Венера М.», создание которой приписывается древнегреческому ваятелю Мухопулосу, обнаружена в запасниках красноклопского Дома культуры. Особенностью композиции стали две детали: наличие у Венеры обеих рук, в которых она сжимает серп, и отсутствие у Давида репродуцирующего органа. Последнее красноклопские искусствоведы объясняют возбужденным состоянием, в котором, по всей видимости, находился держащий молот Давид, и неосторожным обращением с серпом колхозницы Венеры М.

Сообщение пресс-службы МВД

Небывалое в мировой практике количество контрабандного груза изъято таможенной службой аэропорта «Шереметьево-2» у ряда граждан иностранных государств, прибывших в Россию за последний месяц. У гражданина Колумбии естественным путем вышло более 300 доз кокаина; у гражданки Франции 30 флаконов французских духов; у подданного Великобритании 500 пакетиков чая «Lipton»; у гражданки Польши 500 пар колготок

«Омса» подпольного производства; у граждан Китая и Турции партия кожаных курток и кроссовок; у граждан Швейцарии несколько килограммов сыра «Эмменталь»; у подданных Германии несколько декалитров баварского пива с сосисками; у жителей одной из арабских стран несколько сот баррелей нефти в специальных ёмкостях; у обладателя австрийского паспорта аккумулятор «Varen» и амортизаторы «Voge», а у гражданина Беларуси шина производства Бобруйского шинного завода и тираж газеты «Советская Белоруссия» с речью президента.

И только у прибывшего на конгресс геронтологов столетнего индийского йога ничего не обнаружено, так как йог последние 70 лет жизни ничего не ест, пребывая в нирване.

К сорока годам

известный в городе повеса г-н Куролесов решил наконец-то покончить с холостяцким образом жизни: он повесился.

На обложке

журнала мод стильные девушки в ажурных вязаных кофточках. Надпись: «Описание вязки этих моделей будет дано в следующем номере».

Что подумают кинологи?!

ЯЗЫКОВЫЕ РАСКЛАДУШКИ

У каждого сантехника бывает свой Ватерлооклозет.

Печальная реалья политической жизни России в начале XXI века: Железный Феликс идет на смену демократической лощадке.

Комментарий тренера к результатам жеребьевки: «Эта команда, с которой мы встретимся, нам по зубам. Даст».

Гай Юлий Цезарь, увидь он выбрыки женской моды начала XXI века, наверное, сказал бы: «Махi, midі, minі».

Единица измерения психического состояния: 1 бзик.

Клонировали клоуна, да не выклонировали.

Лоббировали короля, да не вылоббировали.

Карл Либкнехт украл у Клары Цеткин цент, а Клара Цеткин украла у Карла Либкнехта кнехт.

Все, что ни делается, не делается к лучшему.

Билл у Сциллы стащил бациллы, а Сцилла у Билла стащила бахилл.

Фирма «Тех и этих инвест».

Трихолимонадный Джо.

Из песни: «И в запой отправился парень молодой».

Камерный оркестр Бутырской тюрьмы.

Фонд Зорроса.

Согласно законов беспредела.

Может ли совершенно глухой человек услышать зов предков?

Стиль в искусстве и поведении: раннее порокко.

Скажи мне, кто я, а я скажу тебе, кто ты.

Какая нелегкая превращает девушек в девиц легкого поведения?

Мэр города спрашивает у президента чрезвычайных полномочий. Президент ирразрешает их.

Правила хорошего моветона.

Неприходящая ценность.

Дом нетерпимости.

Дисплейбой.

Поэтическая строка: «Мой углый член...»

Из текстов средних веков: «Мы, недостойные рабы, шлем тебе, государь ты наш батюшка, членобитную».

Породы собак: доберман ваучер и ризеншницель.

Театральный трипертуар.

Покупатель: «У вас нет в наличии яиц и творога»? Продавец: «У нас есть в отсутствии и то и другое».

Музыканты! Не позволяйте детям играть на проезжей части!

Реалии нынешней жизни: за слово серебром, за молчание — золотом.

Век учись, век живись.

КЛОНИРОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЛОБОРКИ

Баба с возу — гуляй смело!

Милые бранятся — только щепки летят.

Сделал дело — кобыле легче.
Куй железо, пока баба с возу.
Почти по Далю: одна голова хорошо, а шире жопы не перднешь.
Око за око, да руки коротки.
Кто другому яму роет, тому глаз вон.
Баба с возу, коли рожа крива!
Не плюй в колодец: вылетит — не поймашь.
Слово не воробей, в мешке не утаишь.
Лучше синица в руках, чем бес в ребро.
Вариант: Лучше бес в руках, чем журавль в ребро.
И волки сыты, и кобыле легче.
Близок локоть, да рожа крива.

ИЗ ЦИКЛА «РИМЕЙКИ»

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИЖА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Написали: Лев Н. Толстой и А. Михайлович Калюта в 1872 и 1999 гг.

Бутылочка (быль)

Купила мать вина и хотела дать его детям после обеда. Оно стояло на столе. Ваня никогда не пил вина и все нюхал его. И очень оно ему нравилось. Очень хотелось выпить. Он все ходил мимо вина. Когда никого не было в горнице, он не удержался,

схватил одну бутылку и выпил. Перед обедом мать сочла бутылки и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не выпил ли кто-нибудь одну бутылку?». Все сказали: «Нет». Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже: «Нет, я не пил».

Тогда отец сказал: «Что выпил кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в вине есть алкоголь, и если кто не умеет его пить и проглотит алкоголь, то через день опьянеет. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я алкоголь выплюнул за окошко».

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Хозяин и курица (басня)

У одного хозяина курица несла яйца. Ему захотелось побольше, он и говорит: «Снеси мне яйцо». Курица разбежалась и снесла ему два.

Хозяин увидел это и заплакал.

Ученый Ваня (быль)

Ваня приехал из города к отцу в деревню. Отец сказал: «Today is summer. Take the grablee, please, and help me now». А сыну не хотелось работать, он и говорит: «Я учился наукам, а все мужицкие слова забыл; что такое grablee?»

Только он пошел по двору, наступил на грабли; они его ударили в лоб. Тогда он и вспомнил, что такое grablee, хватился за лоб и говорит: «What a fucking hell has parked the грабли here!»

И все в деревне засмеялись, а Ванятка заплакал.

Старый дед и внучек (басня)

Стал дед стар. Ноги у него не ходили, руки не носили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него

текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой. Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел ее подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала его бранить пуще прежнего и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул, и у него опять потекло изо рта.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил: «Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорит: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда у вас с матушкой изо рта течь будет, чтобы вас из этой лоханки кормить».

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно, что они бросили одного старика за печкой — и они посадили туда Мишу.

Мужичишка (быль)

Жила вдова Марья со своею матерью и шестью детьми. Жили они бедно. Мать давала детям молоко, а на последние деньги купила лысенького мужичишку, чтобы давал сено. Старшие дети кормили мужичишку в поле и давали ему помой дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за поллитрою молока на полку, уронил бутылку и разбил. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стекла от поллитры, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стеклышки все подобрал и бросил в лоханку. Мать хватилась поллитры, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать мужичишке помой из лоханки, видит, мужичишка скучен и не ест корма. Стали лечить мужичишку, позвали бабку. Бабка сказала: «Мужичишка жив не будет, надо его убить на мясо». Стали бить мужичишку. Дети слышали, как на дворе заревел мужичишка. Собрались все на печку и стали плакать. Когда убили мужичишку, сняли шкуру и разрезали на части, у его в горле нашли стекло.

И узнали, что он издох оттого, что ему попало стекло в помоях. Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о бутылке. Мать ничего не сказала и сама заплакала, что у нее пропало молоко. Она сказала: «Убили мы своего мужичишку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без сена?» Миша еще пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели ступень из мужичишковой головы.

Случилось старушке пойти к барыне той деревни нянчить барчука. Прошел год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей. Ну, дочка! Говорит, теперь купим мужичишку. Собрались Марья с старухой на базар покупать мужичишку. Помолвились богу, поехали в город. Дети пообедали и вышли на улицу смотреть: не ведут ли мужичишку. Стали дети судить: какой будет мужичишка — лысенький или хроменький. Стали они говорить, как его кормить будут. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса трусит привязанный мужичишка, и идет сзади мать, хворостиной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть мужичишку, набрали хлеба, травы, стали кормить. Мать вышла на двор с полотенцем и подойником, обтерла вымя, стала доить, а дети сели кругом и смотрели, как брызнуло из вымя в край подойника. Надоила мать половину подойника, снесла в погреб и отлила детям горшочек к ужину. А мужичишку отвели в поле, и он стал давать сено.

Филипок (быль)

Был мальчик. Звали его Филипп. Отправились раз все ребята в тюрьму, а в избе остался Филипп да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула. Филипок украл у бабушки алтын и пропил, а бабушку на печке побил. «Ты что?» — закричала она на Филипка. Филипок молчал. «Да ты кто?» — Филипок ухватился за старую отцовскую шапку и ничего не говорил. «Или ты немой?». А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от пропитого пересохло. Он посмотрел на бабушку на печке и заплакал. Тогда бабушке стало его жалко на печке. Она погладила его по голове и спросила у вернувшихся из тюрь-

мы ребят, кто этот мальчик. «Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в тюрьму, да мать его не пускает, вот он украдкой и крадет». «Молодец — сказала бабушка на печке. — Кто ж тебя учил красть?». Филипок осмелился и сказал: «Костюшка. Я бедовый. Я страсть какой ловкий!». Бабушка на печке засмеялась и сказала: «А «Мурку» ты знаешь?». Филипок сказал: «Знаю», — и начал было петь «Мурку», но всякую ноту говорил не так. Бабушка на печке остановила его и сказала: «Ты погоди хвалиться, а поучись».

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в тюрьму.

Пугливая нищенка (басня)

Одна нищенка несла две полные горсти бисеру. Навстречу ей случилось стадо свиней. Нищенка подумала, что это городовые и испугалась. Выскочила одна бисеринка; нищенка хотела поднять и просыпала двадцать бисеринок. Она бросилась поднимать и просыпала все. Тогда она рассердилась, разметала весь бисер перед свиньями и сказала: «Вперед не рассмотревши, не буду пугаться».

ПОПУЛЯРНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Философы-идеалисты XIX века Эрнст Мах и Рихард Авенариус в свободное от изложения своих эмпириокритических взглядов время любили проводить уик-энд в Амстердаме, на улицах красных фонарей, в компании легкомысленных девиц. Они так часто туда ездили, что все их там хорошо знали и по-своему любили. В лексиконе местных девиц в то время даже появилось выражение «дать Маху и Авенариусу». Потом Авенариус умер, а старина Мах еще много лет посещал знакомые с юности улочки старого Амстердама, грустя о друге-философе. Беспечные же девицы быстро забыли об Авенариусе, а Маха по-прежнему при-

вечали. Видимо, поэтому в языке сохранилась лишь первая часть той фразы, ставшая впоследствии устойчивым выражением: «дать маху».

Министр иностранных дел Советского Союза А.А. Громыко нередко выступал на заседаниях Совета Безопасности ООН с мирными инициативами. Однако борьба за мир, видно, не входила в планы американских империалистов, и представитель США постоянно говорил, что на советские предложения он «наложил вето». Андрей Андреевич поначалу недоуменно оглядывался, не понимая, в какое «это» наложил американец и почему именно на Совете Безопасности. Фраза запомнилась, и Андрей Андреевич потом частенько ее использовал, так как у него подрастал сынок.

«Жена, а наш-то сорванец, как американец, опять наложил вето», — говаривал он, поднимая указательный палец правой руки и многозначительно оглядывая помещение.

Былинный русский богатырь Илья Муромец, будучи парализованным, до 30 лет провел на печи, качая силу рук гантелями и эспандером. Еду ему подавали туда же, а вот с мытьем было плохо, и от него исходил сильный, неприятный запах.

Соседи, проходившие мимо избушки Ильи, зажимали от вони носы и говорили вполголоса: «Фу-ты, нечистая сила!» Потом Илья встал на ноги, отмылся в бане, но выражение осталось.

Знаменитый русский юрист Анатолий Федорович Кони очень любил смешные розыгрыши. Однажды жарким летним днем он пришел на заседание Петербургской коллегии юристов, одевшись по-зимнему. Его сперва не узнали, спросив: «А вы кто?», на что член Госсовета ответил: «Кто, кто — Кони в пальто!» — и довольно рассмеялся удачной шутке.

Петр Константинович Корнаков

«МОМАТЬ! У ВАС ЧТО – ДАР РЕЧИ?!» или К вопросу о лингвостилистической классификации «армейского фольклора» курсантских сборов и о переводимости «непереводимой игры слов»

Научный подход к языку подразумевает анализ и синтез тех явлений, которые рассматриваются учеными-лингвистами. Фонология занимается классификациями фонем, лексикология — лексем, фразеология — фразеологизмов, и т.д. В данной статье мы хотим предложить для читателя анализ особого пласта так называемого «армейского фольклора», примеры которого были собраны автором в течение нескольких доперестроечных и перестроечных лет. Несколько слов необходимо сказать о том, когда и где этот «армейский фольклор» был порожден и чем он отличается от фольклора традиционного.

Студенты гражданских вузов, у которых, кроме обычных предметов, была еще и военная кафедра, должны были проходить военные сборы, чтобы вместе с дипломом о высшем образовании получить военный билет офицера запаса. (На сборах нам говорили: «**ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ ВМЕСТЕ С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ В ЛЕВОЙ ГРУДИ, В ПРАВОЙ БУДЕТЕ НОСИТЬ ВОЕННЫЙ БИЛЕТ**».) Студенты — гражданские люди во время летних лагерей получали некоторое представление о жизни военных и, как правило, впервые сталкивались со стилистическими особенностями языка профессиональных военнослужащих, языка уставов и команд, распоряжений и документов.

Курсанты-филологи на сборах значительно пополняли свой словарный запас, «обогащали свою память знаниями всех тех богатств, которые выработала военная кафедра» и долго ещё использовали особенно запомнившиеся им выражения в своей последующей гражданской жизни. Благодаря своей специальности филологи не могли пройти мимо такого языкового явления,

как «армейский фольклор»: списки новых выражений и анекдотичных ситуаций росли как снежный ком, однако попытка лингвостилистической классификации данного материала предпринимается, насколько нам известно, впервые.

Весь «армейский фольклор» условно можно разделить на две большие группы: в первую входят чисто ситуативные анекдоты, вся соль которых содержится в несурязицах самого военно-армейского быта. Такого рода продукция не представляет особого профессионального интереса для филологов, зато вторая группа всегда пользовалась особой популярностью у лингвистов, заставляя их смеяться до колик. В эту группу входит такой армейский материал, который даже по форме отличается от анекдота и несравненно ближе к традиционным пословицам, поговоркам и крылатым выражениям. Больше того, зачастую именно широко и давно известные пословицы, поговорки, крылатые выражения, штампы и устойчивые сочетания служат основой новому «фольклору», пройдя определенные трансформации и перефразировки: **ВЫ МЕНЯ БЕЗ НОЖА РАЗДЕВАЕТЕ**. В данном случае в основе новой поговорки лежит старая, прошедшая «мутации»: вы меня без ножа режете... Или еще один пример: **ЭТО БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ ЛОЖКА ДЕГТЯ, КОТОРАЯ ПЕРЕПОЛНИЛА БОЧКУ С ПОРОХОМ МОЕГО ТЕРПЕНИЯ**, где под одной крышей оказались и ложка дегтя (обычно выступающая в паре с бочкой меда) и пороховая **БОЧКА** как символ накаленной, почти непредсказуемой ситуации. Сведенные воедино (здесь можно говорить о своеобразном «сращении»), они составили новый контекст с иными, неожиданными мотивами и коннотациями.

В данной статье мы предложим читателю вариант лингвистической классификации «армейского фольклора» с точки зрения его внутренней «филологической» ценности, а также некоторые соображения о возможной его переводимости на иностранные языки.

Лингвостилистическая классификация

Весь «армейский фольклор» для начала мы разделили на три большие пласта:

I. БАЙКИ, начинающиеся обычно с присказки «а вот однажды мы приехали (или прибыли) в один полк/город/гарнизон (в одну часть, на одну заставу и т.д.)». И далее идет фольклоризированный (т.е. одобренный соответствующей лексикой и идиомами) рассказ о жизни военных, который может и не содержать в себе ничего особенно анекдотического. Отличительной чертой «БАЕК» является их насыщенность фразеологизмами и иными образными средствами, стилизующими рассказ под «байку» в том значении, как понимал ее Владимир Даль.

На иностранные языки байки переводить достаточно трудно (потому что они изобилуют фразеологизмами и жаргоном, понятным в первую очередь специалистам), но это не значит, что практически невозможно. Переводчик должен хорошо владеть не только литературным иностранным языком и тонко разбираться в вопросах стилистики, но и знать сказки, басни, песни, анекдоты на двух (или более) языках.

II. АРМЕЙСКИЕ АНЕКДОТЫ строятся по всем законам «жанра»: их отличает краткость формы и завершенность сюжета. Как правило, соль анекдотов содержится не столько в игре слов, сколько в неожиданности описываемой или обыгрываемой ситуации:

— *Сын пишет письмо домой перед дембелем: «Мать! Купи коша, назови его “Прапор”. Приеду — убью!..»*

— *Солдат — солдату: — Полковникам бегать нельзя: в мирное время это вызывает смех, а в военное — панику.*

— *Один генерал пришел в Эрмитаж на экскурсию, после которой он сделал следующую запись в книге почетных посетителей: «Эрмитаж осмотрен. Замечаний нет».*

В отличие от «армейских» БАЕК в анекдотах обычно используется меньше «фольклорных» языковых средств, зато в их устной форме (как правило) доминирует просторечие, которое при «литературной» обработке изымается, что не меняет анекдотического смысла самих анекдотов. В большинстве случаев анекдоты (как армейские, так и любые другие) можно пересказывать, ис-

пользуя иные, но близкие по значению слова и выражения, что практически не меняет их смысла, затрагивая лишь уровень эмоциональности и экспрессивности.

Произведения данного «жанра» вполне поддаются адекватному переводу на иностранные языки, при этом сложностью для переводчика является подбор эквивалентной по уровню экспрессивности и «разрешенности» в языковом обществе лексики и идиом.

III. «ПЕРЛЫ». Третий пласт представляет собой иного рода «творчество», в основе которого могут лежать или ПЕРИФРАЗЫ

— крылатых выражений:

Молчать! У вас что, дар речи?!

Палки — и те раз в год стреляют!

— пословиц:

Двадцать раз попробуйте, на семьдесят первый получится.

— поговорок и фразеологизмов:

Дневальный должен крутиться как пчелка в колесе.

Каждый сеет и пашет со своей колокольни.

В течение каких-нибудь 10–15 секунд их как ветром смыло.

Прибыть на построение как штык из носа.

— штампов:

Несколько дней тому назад этот Рейган, не успевший истоптать и пару штиблет вокруг Белого Дома, под хрустальными люстрами Овального кабинета подписал сатанинскую программу гонки вооружений, которую мы наблюдаем усиленно и неимоверно. Вы, товарищи курсанты, уподобляйтесь африканской птице страусу, которая с высоты своего полета не видит генеральной линии партии. Каждая складка на вашем одеяле — лазейка для мирового империализма.

— устойчивых сочетаний:

Не мешайте мою мысль!

или «ПЕРЛЫ», получившиеся в результате разного рода нарушений:

— грамматического строя языка:

а) падежной системы:

Первый ряд занимают сержанты. Вторая и третья стула занимаются курсантами.

У вас из туалета вонища такое!

А он прибыл на полтора сутки позже, извините, на полторы сутки. Будем считать, что я неправильно оговорился.

Ну-ка подать мне сюда черпак и еще курсанта Маркарян!

Меня радует, что общественная работа бьет в ключе.

б) глагольного управления и глагольных форм:

Товарищи курсанты! Прошу! Обращаюсь! Требуюсь!

Кто вчера купался запрещено?!

То, что мы раньше отсрачивали, в дело теперь пошло.

Перевод на иностранные языки «перлов» групп (а) и (б), в которых имеются нарушения падежной системы и глагольного управления, возможен, на наш взгляд, только на те языки, в которых имеется аналогичная, сходная или даже более разветвленная, чем в русском языке, предложно-падежная система (например, славянские, финно-угорские языки).

в) ненормативного использования суффиксов и префиксов:

Надписи у вас немноженько паршивенькие.

Их не интересует мнение международнойности.

Я буду беспределно жесток в качестве последствий.

г) нарушения согласования по роду, числу:

Нам нужны товарищи с английским, французским, а именно с персидским и арабскими языками.

Надо писать черной чернилой.

д) опущения значимых частей речи:

Было, выступал перед женами и детьми гарнизона о блоках НАТО. Дети плакали...

В данном примере (как и во многих других) имеется несколько «нарушений»: после «перед женами и детьми» опущено слово «военнослужащих» <гарнизона> и, кроме того, использована неправильная форма числа: «... о блоках НАТО».

Или еще примеры:

Наши спортивные отношения приводят к последствиям.

Товарищ курсант! Сегодня — ладно, а в следующий раз вы будете наказаны за.

Я сегодня говорил с командиром, исполняющим обязанности полка.

Не смотрите на меня из-под.

Ну-ка, какая у вас здесь, можно, давайте, на вашей карте, чтобы.

е) избыточного использования служебных и значимых частей речи:

Товарищ Сидоров! Команда «смирно!», а вы имеете поворот головы внаправо.

Товарищи курсанты! Вы сориентированы о том, что несколько дней совсем назад состоялся приказ?

США и их члены блока НАТО перешли во внезапный момент и принялись на территорию Советского Союза.

ж) ненормативного моделирования по аналогии:

Повара исполняют свои обязанности беспределно халатно преступно.

Мне видно, заметно и хорошо.

Или уже приводившийся выше пример: «*Прошу! Обращаюсь! Требуюсь!*», который можно отнести и к этой группе.

з) нарушения актуального членения:

Прошли метров, и у многих комсомольцев начали болеть мочевые пузыри, и они расплозились.

Кроме того, к этой группе, видимо, можно отнести и, образно говоря, НЕСУРАЗИЦЫ:

— контекстуально-лингвистические, например:

Встать всем для фотографирования вокруг начальника кафедры типа круга неравномерного, то есть яйцеобразно.

Трупы, уснувшие в траве, к утру намотались на гусеницы <танков>.

Я запрещаю всем купаться и даже мыслить в оставшиеся пять дней!

— «научно»-лингвистические, например:

Эллипс — это круг, вписанный в квадрат со сторонами 3×4.

Куст есть совокупность палок, торчащих из одной точки на местности.

Решетка — это металлический лист с прорубленными в нем отверстиями.

А там наверху имеется треугольное отверстие диаметром 5 см.

Вы почему квадрат такой неровный чертите? Вы что, дальтоник?!

Из этих двух групп следует особо отметить контекстуально-лингвистическую, так как именно к ней относится особенно много «авторских» перлов, построенных на нарушениях законов семантико-синтаксической сочетаемости, что придает им особую филологическую прелесть и ценность:

Товарищ курсант! Не делайте умное лицо! Не забываете: вы — будущий офицер!

Я же ведь команду не для того, чтобы дурасть свою показать, а для того, чтобы был там офицер — образец команды.

Товарищи курсанты! Прекратите чесать ногти!

Я чувствую себя, но плохо.

Ударить из пулемета огнем и словом.

Я сегодня ни грамм не спал.

Мне не нравится, товарищ курсант, улыбка, которую вы провели на своем лице.

И когда все должны были молчать крепким сном...

В эту же группу войдут и многочисленные примеры перифраз пословиц, поговорок и штампов, в которых имеется, кроме собственно перифраз, еще и большое количество несуразиц:

Мы все с вами, товарищи, ходим по краю острой пороховой бочки, которая грозит взорваться.

В данном случае произошло сращение острого края <пропасти> и взрывоопасной пороховой бочки, наделенной одушевленной способностью грозить. Или еще примеры:

Как барабан ни труби, все равно толку не будет.

Это вам чревато боком!

Что касается переводимости «несуразиц» и «перлов» из групп (г), (д), (е), (ж) и (з) то, на наш взгляд, такого рода «армейский фольклор» в большинстве случаев вполне поддается адекватной передаче на иностранных языках.

В особую группу входят инструкции и формулировки команд и заданий:

Согнуть носок в колене, а пальцы в локтях!

Автомат ставить на колено левой руки!

Услышав лай караульной собаки, часовой обязан продублировать сигнал!

Всем снять перчатки, раз их ни у кого нет!

Рота! Отбой! По моей команде глаза закрыть! Отставить! Щелчка не слышу!

Барабанщик! Играй гимн Советского Союза!

С этого часа Ленкомната — святое место!

Дисциплинарные уставы — кладезь знаний!

В примерах этого «инструктивного» жанра встречаются и «вкрапления» несуразиц как научных, так и лингвистических, нарушения семантической сочетаемости, согласования и т.д.:

Атаку начинаем по команде три зелёных свистка вверх!

Танки наступают шеренгами по три человека.

По команде «отбой» наступает тёмное время суток!

В увольнение пойдут только образцовые тумбочки!

Сапоги надо чистить с вечера, чтобы утром их одеть на свежую (чистую) голову!

Работа определенная проводится: мы к отстрелу готовы!

Рота! Для помойки в баню становись!

В Ленкомнате должно быть всегда постоянно порядок! (яркий пример рассогласования по роду).

Эй, вы, трое, идите сюда оба! Я тебе говорю!

«Армейский фольклор инструктивного жанра» вполне, на наш взгляд, переводим на иностранные языки (если в структуре неологизмов не заложены разного рода нарушения грамматических законов).

Кроме того, встречаются «ПЕРЛЫ», которые являются таковыми не за счет нарушений разного рода законов языка, а за счет дополнительной экспрессивности, неожиданной образно-

сти, проявляющейся как следствие дополнительной коннотации:

Вижу в вашей небритости проявление собственной беззубости. У меня на лице тоже есть раздражение, но вы когда-нибудь видели меня безобразным?!

Автомат не кусается, он тоже дисциплину любит.

Я не угрожаю, а информирую.

— Товарищ капитан! Я не могу!..

— Прежде всего вы — боец, а потом уже импотент!..

Как видно из вышеприведенной классификации, «армейский фольклор» (в первую очередь «перлы» и «несуразицы») основывается на разного рода нарушениях языковых норм (как грамматических, так и семантико-синтаксической сочетаемости, а зачастую и смешанного типа), что не мешает, однако, их понимание как целостных единиц: новых и необычных для нашего «гражданского» восприятия. И именно в этой новизне и кроется их семантическая «свежесть» и своеобразие.

Наиболее удачные из всех вышеперечисленных групп и подгруппок такого рода выражений давно сами стали «крылатыми» среди бывших студентов-курсантов и прочно вошли в их речевой обиход наравне с классическими примерами из художественной литературы.

Р. С. Проанализированный выше материал при всей его оригинальности и неповторимости не является уникальным. Очень близкими к «армейскому фольклору» по стилю и духу являются так называемые «школьные сочинения» — то есть «перлы», взятые из письменных творческих работ школьников (обычно на литературные темы). В них также имеется большое количество «крылатых выражений», основанных на тех же нарушениях законов языка, как и в случае с «фольклором армейским»: перифразы фразеологизмов, штампов, поговорок с нарушением семантической сочетаемости и так далее. Например: *Анна Каренина бросилась под поезд, и он долго ещё влачил её жалкое существование... Здесь имеется «сращение» устойчивого сочетания влачить <жалкое> существование с глаголом волочить (в значении «тащить»).*

Но это уже тема для отдельной классификации.

Примечания и комментарии

Дембель (жарг.) — демобилизация, увольнение из армии.

Прапор (жарг.) — прапорщик (воинское звание).

Палки — и те раз в год стреляют. Вероятны следующие «этимологии»:

а) из А.П. Чехова: *Если на сцене висит ружье, то оно должно хоть раз выстрелить...*

б) из армейского же фольклора: *незаряженное ружье тоже хоть раз, да выстрелит...*

Двадцать раз попробуйте — на семьдесят первый получится.

Вероятны следующие варианты «происхождения»:

а) *семь раз отмерь, один раз отрежь* или, что более вероятно,

б) *пять раз не получится, на шестой — выйдет (получится).*

Как пчёлка в колесе — сращение двух фразеологизмов: *трудиться как пчёлка* и *кружиться/вертеться как белка в колесе*.

Каждый сеет и пашет со своей колокольни — перифраза фразеологизма: *смотреть со своей колокольни*.

Как ветром смыло — сращение фразеологизма: *как ветром сдуло* с просторечием *смыться* (незаметно покинуть какое-либо место).

Как штык из носа — сращение двух фразеологизмов:

а) *прибыть <куда-либо> как штык* (в значении «вовремя» и «обязательно») и

б) *как кровь из носу/носа* (в значении «обязательно»).

Не мешайте мою мысль! — сращение двух выражений:

а) *не мешайте мне* и

б) *не сбивайте меня с мысли*.

Бьет в ключе — искаженный вариант «бьет ключом».

США и их члены блока НАТО перешли во внезапный момент... Данный пример можно отнести и к группе ИЗБЫТОЧНОГО употребления служебных и значимых слов (в этом случае избыточным является местоимение ИХ), и к группе ОПУЩЕНИЯ значимых частей речи (в этом случае «недостает» слова «союзники»: *США и их союзники — члены блока НАТО...*)

Как барабан ни труби — образовано по продуктивной модели фразеологизмов типа КАК НИ вертись/НИ говори/НИ поверни с замечной логического элемента «труба» на «барабан».

Это вам чревато боком — сращение фразеологизма *Это вам выидет боком* с устойчивым сочетанием *Это чревато последствиями*.

Литература, словари

- Крылатые слова. По толкованию С. Максимова. М., 1955.
Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1955.
Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.
Словарь московского арго / Сост. В.С. Елистратов. М., 1994.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
Устойчивые сочетания русского языка / Сост. К.В. Регина, Г.П. Тюрина, Л.И. Широкова. М., 1980.
Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.

Приложение

«Армейский фольклор», не вошедший в основной текст статьи, но представляющий «лингвистический» интерес.

Артеллирийский снаряд сначала летит по параболе, а потом по инерции.

Генерал служит, пока ноги носят. Прапор служит, пока носят руки.

— *Товарищ курсант, вы чего себе ногти на ногах отрастили, как у орла? По деревьям лазать, что ли?*

Выступаем завтра вечером на рассвете.

Взвод вышел на опушку деревьев.

— *Студент, чего ты ржешь, когда перед тобой целый майор стоит?!*

— *Когда вызывают его имя, студент должен встать и покраснеть.*

— *Товарищ студент, пора постричься! Посмотрите на себя: на ушах висит!*

— *Товарищи курсанты! Вы же живете как свиньи в берлоге!*

— *Если вам не нравятся эти сборы, устроим вам более другие.*

— *Командир батальона пешком не ходит: он берет с собой ГАЗ-69 или зампотеха.*

— *Сурка образ ведете жизни, товарищи курсанты!*

— *Доложить о наличии людей! Кто не все, того накажем.*

— *Или вы прекратите курить, или одно из двух.*

— *Ты у меня смотри: я где нормальный, а где и беспощаден.*

— *Как вы строитесь! Бежите один по одному.*

— *Молчать! Или я сейчас буду зверствовать!*

— *Голова у солдата — чтобы думать, а мозги — чтобы соображать.*

— *Хвойный лес горит лучше, чем лесистый.*

— *Возьмите уставы и перепишите все наизусть.*

— *Не тяните резину в долгий ящик.*

— *В армии все однообразно, все пострижено, покрашено и посеяно песком.*

— Товарищ курсант, если вы хотите что-нибудь сказать, то лучше молчите.

— Вот вы сейчас ругаетесь матом, а потом будете есть теми же руками.

— Страшно летом заработать эпидемию, которая граничит с дезинтерией.

— Вот вы все по самоволкам ходите! А вдруг война или еще какое-нибудь мероприятие!

— Одна голова лучше, а два сапога — пара.

— Сегодня у тебя пуговица не застегнута, завтра ты Родину продашь, а послезавтра через правое плечо повернешься!

— Товарищ студент! Пишите громче, ни черта не видно!

— Что вы стоите, показывая мне место, где спина теряет свое название!

— Спецпропагандисты — это узкий круг ограниченных людей...

Валерий Михайлович Мокиенко

ПЕСНЯ О ЮСАХ

Открыл для нас Востоков
Звук носовой (2 раза).
Открыл он «юс малый»
И «юс большой».

Все праславяне
Их область вся (2 раза)
Имели каждый
По два юса.

Но праславянский
Распался строй (2 раза).
Исчез «юс малый»
И «юс большой».

В одном лишь польском,
Как жизнь живой (2 раза),
Остался «юс малый»
И «юс большой».

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ

Мы на семинаре
Фразеологичном
Все в одном угаре
Идиоматичном.

Идиоматично
Вышли мы из формы:

Нету жизни личной —
Все одни трансформы!

Новые трансформы,
Новые фраземы.
Попирая нормы,
Одурели все мы!

Одурели все мы,
Словно от проказы —
Все фразеосхемы
Или перифразы.

Ох, уж эти фразы,
Идиоматизмы,
Фразы — перифразы,
Фразеологизмы!

Фразеологизмы
Или идиомы!..
Ждут нас катаклизмы
Или клизмы дома.

Или дома клизмы...
Что за вульгаризмы?!
Но и вульгаризмы —
Фразеологизмы.

Не боимся клизмов
И ни оппонентов:
В фразеологизмах
Много компонентов!

Много компонентов,
Много коннотатов.
Значит, будет много
Новых кандидатов!

Мы не ткачи, не гинекологи,
Но сожалений горьких нет, как нет —
А мы простые фразеологи,
И шлем вам фразеопривет — привет! привет!

У нас тут теплая компания
И шеф веселый Водолей (налей! налей!).
Мы все больны фразеоманией
И тем опасны для людей.

Ах, как устойчивы сравнения!
Как переменен компонент!
Красоты эти, без сомнения,
Вас привлекут в один момент!

И вы решитесь в восхищении
Вступить на фразеотропу —
И только с горьким сожалением, да! —
Взирать на прочую толпу!

СЕМИЦАРСКАЯ

Ни бить баклуши, ни считать ворон
Я ничего теперь не успеваю:
Не пью, не ем, пропал покой и сон —
я целый день фраземы изучаю.

Вся жизнь моя легла в одну модель,
Замкнулся в семантической структуре.
Фразеологии штурмуем цитадель,
Готовы испытать ее в натуре.

Припев:

Но идио — матичность не нарушим,
За идио — мы свой бокал осушим.

Мы все под колпаком у семинара —
И не прийти в себя нам от удара,
Фраземы, перифразы, коннотаты
Нам не дают покоя, супостаты!

Пусть говорят: «Не все, конечно, дома,
У тех, кто изучает идиомы...»
Но все же с идиомами дойдем мы
До самым кандидатских до дипломов!

Припев:

Но идио — матичность не нарушим,
За идио — мы свой бокал осушим.

Держу пари, вы в жизни не встречали
Цыпленка желтого в Колумбовом яйце.
А вспомните кота в мешке — вначале
И диссертацию готовую — в конце!

Хоть аспирантов случай свел на семинаре,
Но сильный он объединил и слабый пол,
Нам шеф по праздникам играет на гитаре,
А по субботам мы играем с ним в футбол!

Припев:

Но идио — матичность не нарушим,
За идио — мы свой бокал осушим.

Мы будем бесконечно бить баклуши,
Мужей своих и жен трясти, как груши,

Но идио — матичность не нарушим,
За идио — мы свой бокал осушим!

ПЕРЕВОСЧИТАВШИЙСЯ

Я много спал, я ел солидно,
Я пивом — переполнен был.
Но вот — себя мне стало стыдно
И я — исправиться решил.

«Вставать и делать!» — вот мой принцип.
И я с зарей теперь встаю,
Внимаю сладкозвучным птицам
И песнь ответную пою.

Как к жизни я пришел красивой? —
Ответ мой прост, хотя и крут:
В ларьке у нас, как прежде, пива
С утра уже не продают.

ПЕСНЯ ОБ ЭКСТРАСЕНСАХ

Сказал однажды Лех Валенса,
(Он «Солидарность» основал),
Что смогут только экстрасенсы
Пресечь Империи развал.

Я тут же внял его совету,
Мечтая Родину спасти,
И — начал с Ветхого Завета
Об экстрасенсике читать.

Нашел с десятков экстрасенсов,
Себя позволил им раздеть

И заплатил немало пенсов,
Чтоб их наукой овладеть.

А результат — судите сами:
Совсем не пью и не курю,
И даже с лютыми врагами
Спокойным тоном говорю.

И никого не презираю,
Ни от кого не жду похвал
И экстрасенсорно взираю
На катаклизмы и развал.

Так и живу индиференсом
В реальной жизни — как во сне...
Но что теперь мне делать с сенсом
Чрезмерно экстренным во мне?!

ТИМЧ ЛИЦЕМЕРИЮ

Многие-многое наши слова
Искажены суеверьем.
Несправедливо, к примеру, молва
Слово клеймит лицемерье.

От лицемерья я ложь отделию,
Чтоб избежать недоверья,
А лицемерие не похую,
Но — воспою Лицемерье.

Вот вам, к примеру, простейший пример:
Едешь в трамвае набитом.
Если, к несчастью, ты не лицемер —
Быть тебе больно побитым.

А лицемеря, ты стерпишь тычки,
Зубы сожмешь молчаливо,
Стиснешь в карманах свои кулаки...
Ну, — и доедешь счастливо.

Или — начальник твой: хам и нахал,
Драит тебя постоянно.
Не лицемеря, по морде б ты дал,
Ты же молчишь покаянно.

От лицемерья такого одна
Выгода лишь в результате:
Хоть и ругает начальник сполна,
Но — повышает в зарплате.

Или в семье — необстиранный ты
И ненакормлен, товарищ.
Сам, лицемеря, стоишь у плиты
И лицемерно стираешь.

А в результате — синица в руках:
Дружно живешь ты с женою,
Тих и уютен семейный очаг,
Дети вас любят обоих.

Если, дружище, и грянет война,
То потому лишь, — поверь мне,
Что не сумеют державы сполна
Мир заключить лицемерный.

Только не бойся — войне не бывать,
Можешь ты в это поверить:
Будем мы в мир во всем мире играть,
То есть всю Лицемерить!

ИГРУШКИ

Ослик

Я — ослик. Я — маленький ослик.
Хоть мал я — никто не щадит,
И каждый мой маленький мослик
От тяжкой поклажи дрожит.

Мне трудно: я — маленький ослик,
Но все же мечтаю о том,
Что вырасту, стану я взрослым,
И буду как папа. Ослом!

Юла

Я — юла, вертявая юла.
Ничего бы мне и не хотелось,
Да другого я б и не могла —
Только бы вертелась да вертелась...

Говорят мне: «Не юли, постой, —
Ты ведь все еще не отдыхала!..»
Да, увы — но не крутись юлой,
Я б остановилась. И упала.

Мячик

Я — мячик, резиновый мячик —
Скачу и всегда, и везде.
Напрасно ты, Танечка, плачешь,
Увидев меня на воде.

Не к месту ревешь ты, бедняжка —
В воде меня не утопить —

А вот от какой-то стекляшки
Могу я свой дух испустить.

Игрушка-плюшка

Я — игрушка, старая игрушка,
Что еще твой дедушка купил —
Плюшевая лысая зверюшка:
Тигр иль мишка — сам уже забыл.

У тебя — все новые обновки,
И игрушек разных — не сочтешь.
Но такой плюшивенькой головки,
Как моя — ты больше не найдешь.

ДЕРВИШ

Меня вчера угощали яблоком вкуса дыни.
А зачем мне яблоко со вкусом дыни?

Б. Норман

Мне предложили мебель из Кашмира.
Подумал я — и не купил затем:
Кашмир — кошмар. Раз нет своей квартиры
У дервиша, то и Кашмир — зачем?

Хотел купить японскую палатку,
Чтоб провести в ней несколько ночей.
Но — не купил. Раз в шалаше мне сладко,
То мне палатка новая — зачем?

В кашмирах и в палатках — нет печали.
Но слушайте простого дервиша:
Их ставьте так, чтобы из них торчали
Всегда куски простого шалаша.

СЛУЧАЙНОЕ

Конечно же, случайна наша жизнь.
Зависим мы все от того, что случится.
И даже дети наши родились
Лишь от того, что удалось нам случиться.

ЭПИТАФИЯ УМЕЧНОМУ

Вооруженный мудростью веков,
Как был он, так и умер — дураком.

ГОРОХОВАЯ КАША (зимняя-походная)

Когда я за Шефом в походы ходил,
Мне лес становился дворцом и парашей,
И щедро дежурный туристов кормил
Гороховой кашей, гороховой кашей,

Когда на костре замокает горох
Просты, но значительны действия наши:
Мы пилим дрова, Шеф возводит чертог
Для верных адептов гороховой каши.

И вот уже в миске желанный продукт,
Растет и растет возбуждение наше.
Великие истины найдены тут
В гороховой каше, в гороховой каше.

В палатке витает гороховый дух
Достигло небес ликование наше,
И эхом разносится благостный звук
Гороховой каши, гороховой каши.

Куда бы и где б меня Бог ни носил,
Мне нету судьбы ни милее, ни краше,
Лишь только бы Шеф нас в палатке кормил
Гороховой кашей, гороховой кашей.

Куда бы судьбою нас ни занесло:
В леса Амазонки иль грязи Сиваша
— Нас Шефского взгляда согреет тепло
И дух благовонный гороховой каши.

Когда меня девы любили
За молодость, силу и статью,
Натуру мою они чтили,
А книг — не хотели читать.

Теперь же (как годы меняют
И чтенья, и жизни статут!)
Мои они книги читают,
А силы и стати — не чтут.

КЛЕШНЯ (из наблюдений над языком Галины Алексеевны Лилич)*

«Где бы клешни-то вымыть» (реакция Г.А. на то, что в Новгороде собака ей облизала руки; октябрь 1975 г.).

«Чавой-то я схватила обеими клешнями» (март 1969).

* Галина Алексеевна Лилич — профессор Ленинградского университета, доктор филологических наук, известный специалист в области чешской и славянской лексикологии.

«Все Вам шлют приветы, а я крепко жму клешни и целую бабу Галю и Сережу» (письмо от 22 октября 1973).

«Валя будет моей правой клешней на вечере» (март 1976).

«Пусть он (Валерий) возьмет протокол, который еще нельзя сдать, но пусть у него будет на клешнях» (декабрь 1966).

«В Киеве его на клешнях носили» (октябрь 1972).

«— Вербеса не будет?! — А кто же будет наших слависток на клешнях носить?» (январь 1976).

«У тебя нет под клешней примеров на *dostat?*» (апрель 1966).

«Она попала под горячую клешню» (февраль 1975).

«Приехала я в Прагу, хотела сразу в посольство зайти, да далеко — не с клешни» (ноябрь 1973).

«На партсобрашу мне сегодня идти не с клешни — соврите что-нибудь» (май 1976).

Николай Павлович Колесников

ПОХОРОЧЫ МИКРОБА

Однажды в солнечной Сицилии
Из-за любви к простой Бацилле
И к Инфузории одной
Погиб Микроб немолодой.
За гробом я видал не в меру
Великолепный коллектив:
Проказу, сап, колтун, холеру,
Чуму, красивых полек, тиф...
За ними шла с тоской во взоре
Одна из добрых Инфузорий,
И хоть ей было не под силу,
Она вела с собой Бациллу...
Покинув шумный кафетерий,
Умножив стоны, плач и вой,
Трильона три ночных бактерий
Плелись, поникнув головой...
Кончая Палочками Коха,
Колонна плакала навзрыд,
И лишь один микроб-пройдоха
Молчал в гробу, доской накрыт.

СЕНТЕЦЦИИ

Сказка — значит небылица,
Всюду первый — пионер.
Страус есть большая птица,
Генри Форд — миллионер.
В октябре бывает осень,
А весне к апрелю быть,
Шестью восемь — сорок восемь,

Помнить — значит не забыть.
Пушкин есть поэт известный,
Лед — застывшая вода,
Кто без чести, тот бесчестный,
Лень — противница труда.
Поцелуй — прикосновенье
Пары губ к другим губам.
Воровство есть похищение.
Ток идет по проводам.
Под луной ничто не вечно,
Водород — горящий газ.
Кто не с нами, тот, конечно,
Вероятно, против нас.
Взятка (иначе — халтура)
Называется презент,
Обстановка — конъюнктура,
Балалайка — инструмент.
У червонца сотня гривен
Или двести пятаков.
Кто умен, тот не наивен.
Ум не любит дураков.
Выйти замуж и жениться
Означает сделать брак.
На полях растет пшеница.
Коль не друг ты, значит — враг.
Молоко — продукт коровы,
Из бокалов чай не пьют.
Кто не болен — тот здоровый,
А лежачего не бьют.
Кончить кляузное дело
Значит — подвести черту.
У людей (считайте смело!)
Есть один язык во рту.
Солнце всходит на востоке,
Прокурор — не адвокат,
Кто не мягкий, тот жестокий,
Нищий бедностью богат.

Плетка — средство воспитания.
Для катанья есть каток,
Витамин продукт питания,
Демон значит дух изгнания,
Мак есть зло, а не цветок!

*ВОСПОМИНАНИЯ О Ч.Я. МАРРЕ**

Один шотландец (был он стар)
С грузинкой юной подружился,
И в результате Нико Марр
В далекой Гурии родился.
Ни дней не зная, ни ночей,
Ребенок рос и так, и эдак
Под наблюдением врачей
И добродетельных соседок...
Когда прошло немало лет,
Он под влиянием момента
Решил украсить белый свет,
Создав четыре элемента.
Его охватывала дрожь,
Когда в статьях языковедных
Про sal и beq, про uon и gosh
Писал он для студентов бедных.
Один из нас в вечерний час,
Забыв про звание студента,
Спросил: «А почему у Вас
Всего четыре элемента?»
Спокойно выслушав слова,
Марр отвечал, паря в эфире:
«А потому, что дважды два

* Н.Я. Марр (1864—1934) — известный археолог и лингвист, создатель «нового учения о языке», которое в 50-е годы было раскритиковано как вульгаризация марксизма.

Дает не пять, а лишь четыре,
И потому что мой Я-ф-е-т
Имел четыре буквы — точно!
И потому, что А.А. Фет
Всегда писал четырехстрочно,
И потому что, потому
(Себя за лоб схватил невольно),
Я сам не знаю, почему..
Надеюсь, этого довольно?»
Так жизнь его, как злой ручей,
Текла у нас и за границей,
Пока консилиум врачей
Не приказал: «Остановиться!»
Н. Я. — большая голова-с!
Велик его неясный метод!..
Но почему никто сейчас
Не применяет метод этот?

БЫЛЬ

Послушай, друг чудесный,
Рассказ из старины;
Скакал казак безвестный
Из дальней стороны.
Под месяцем двурогим
В вечерней тишине
Летел он по дороге
На боевом коне.
Летел казак, ликуя
И зная наперед,
Жена его тоскует
И у обрыва ждет..
За шелковую гриву
Казак коня держал,
А конь летел к обрыву
И тихо-тихо ржал.

В ночной тиши кобыла
Услышала коня..
О том, что дальше было,
Не спрашивай меня.

КРИТИК

Однажды, слушая творенье
На незнакомом языке,
Серьезный критик без движенья
Заснул на правом кулаке.
Когда ж закончил автор чтение
Романа ль, драмы ли, стихов,
Отбросил критик сновиденья
И пробудился — жив-здоров.
Вслед за другими критик некий,
Словечко взяв, повысил тон
И начал так: «Не у Сенеки ль,
Не у минувших ли времен
Любезный автор взял идею
И перешил на новый лад?
А мы, подобно Фарадею,
Его считаем за талант!
Позвольте ж мне сейчас, вначале
Сказать, что автор должен сметь, —
Как верно высказал Молчалин, —
Свое суждение иметь.
Конечно, надо знать и меру, —
Как Чехов правильно сказал, —
Но, коль судить по Робеспьеру,
То мы должны покинуть зал,
Поскольку ж мы расселись в зале,
Не покидая этих стен,
То я хочу, чтоб вы узнали,
Кем был Крылову Лафонтен.
Был Лафонтен Крылову тем же,

Чем был Фадееву Толстой.
Толстой Фадееву был тем же,
Чем для пчелы медок густой!
Итак, когда романы ткете,
Не забывайте про Руссо,
Гольдони, Байрона и Гёте
И современника — Д'Юссо.
Они, как правильно заметил
Кузен супруги Чан-Кайши,
Не ткут романов в лунном свете,
А ткут при солнечном, в тиши.
Я верю: автору об этом
Известно с самых первых дней,
Не зря же он себя поэтом
Зовет, как некий Маколей.
Но мы в его произведенье —
Будь то роман ли, драма ль, стих —
Не видим личного сужденья,
А видим мнения других.
Тут и доказывать не надо,
Что все прочитанное им
Уж было сказано когда-то
Наполеоном, Митридатом,
Иисусом, Пушкиным, Сократом,
Твардовским, Гегелем, Пилатом,
Дидро, Золя и мной самим!
Любезный автор без сомненья
Анализ ценный мой учтет
И, переткав свое творенье,
Его нам заново прочтет».

На рынке пьяный делибаш
Просил продать ему лаваш.
Но продавщицей-персиянкой
Был заменен лаваш портянкой.
Придя домой, вгрызаясь в лаваш,

Вскричал веселый делибаш:
«Впервые вижу, хоть я стар,
Чтоб хлеб пекли из шаровар!»

ЧА ГРАНИЦЕ

В кустах беззаботные птицы
Щебечут весь день про весну...
Стоит Иванов на границе,
Храня от шпионов страну.
Глядит: на соседний пригорок
Заполз иностранный шпион...
Солдат Иванов дальноточек —
К шпиону направился он.
Шпион пробирается рядом,
С пригорка сползает, как кот,
Чтоб финкою, пулей и ядом
Уменьшить общественный скот.
Но, зная шпионов уловки,
Всегда Иванов начеку:
Он быстро, умело и ловко
Подходит с винтовкой к врагу.
Заставив врага — по уставу —
Спустить до коленок штаны,
Он быстро привел на заставу
Шпиона соседней страны!
Комбат Иванова поздравил
И тут же отблагодарил:
К награде за храбрость представил,
За сметку часы подарил.
Послав пограничника снова
Хранить пограничный район,
Он знал, что от глаз Иванова
Не скроется вражий шпион!
Опять беззаботные птицы
Поют без конца про весну,

Опять Иванов на границе
Хранит от шпионов страну!

*ВТОРАЯ РЕМИНСЦЕНЦИЯ
(А.С. ПУШКИН)*

Весна... Философ, торжествуя,
Домой с бутылкою спешит.
Его жена, вино почуя,
— Ин вино веритас! — кричит.
Поцеловав супруге пальчик,
За стол он сядет не спеша
И скажет ей: «Моя душа,
Налей-ка мне один бокальчик,
Быть может, выпивши до дна,
Пойму я истинность вина!»

*РЕМИНСЦЕНЦИЯ
(М.Ю. ЛЕРМОНОВ)*

На севере диком в берлоге холодной
Медведица злая живет
И вьюжною ночью с гримасой голодной
Мохнатую лапу сосет.
Ей снится, что в Африке, зноем покрытой,
Когда разливается Нил,
Под ласковым солнцем, с улыбкою сытой
Плывет молодой крокодил.

*РЕМИНСЦЕНЦИЯ
(Ч.А. ЧЕКРАСОВ)*

Однажды в студеную зимнюю пору
Я вышел к шоссе. Начинался мороз.

Гляжу: поднимается медленно в гору
Машина, везущая золота воз.
Шофер утомленный, ефрейтор по чину,
Сидел за рулем и дорогу ругал:
Буксуют колеса, и ветер в кабину
Мохнатые пригоршни снега кидал.
«Здорово, приятель!» — «Ступай себе мимо!»
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!»
«Откуда добришко?» — «От немцев, вестимо.
Наш Маршалл их грабит, а я отвожу..
Уже совершили четыре набега...»
«А что, у бандита большая семья?»
«Семья невеликая — два человека:
Сам Маршалл да Трумэн — вот вся и семья».
«Святая семейка!.. Как звать тебя?» — «Томом».
«А кой тебе годик?» — «Тридцатый пробил...
Поехали!» — крикнул шофер баритоном,
Нажал на педаль, в Вашингтон покати!..

*ДЕВУШКА С КУВИНОМ
(литературные пародии)*

Мотив стихотворения А.С. Пушкина «Царскосельская статуя» связан со статуей Перетты (персонаж басни Лафонтена «Молочница») работы П.П. Соколова, поставленной в Царскосельском парке в 1820 году.

*А.С. Пушкин
Царскосельская статуя*

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

1830 г.

А вот так эту тему могли бы отразить другие поэты*.

Симеон Полоцкий
Еклога

Дщерь согбенна у воды с черепком стояша
И со слезами в очесах на канаву зряша.
Пошто плачеша вотще? Несть тебе кувшина —
Оный поглотила бо водная пучина.

Боян, Велесов внук
Слово о чаше Обидиной

Не лепо ли начати песню сию о чаше,
из коей растекашется вода по земли?..
Что ми звенить, что ми шумить далече
рано пред зорями? Се дева Обида изрони
зеньчюжну чашу на реце Каяле, се дева Обида
кычет зегзицею незнаемой, у водомета аркучи:
О ветрило! О Каяле! О солнце! Пошто есте
наказали мя? Бо течет вода и ныне, и присно,
и во веки веков. Аминь.

М.Т. Шевченко
Дивчина

Я видал, как ты стояла
Вчера у криницы
И в кувшине подавала
Москалю водицы.
А сегодня плачут очи,
Слезы горько льются.

Злые люди над тобою,
Дивчина, смеются.
...Москалей не допускайте
К хуторским дивчинам —
Поиграют и оставят
С разбитым кувшином.

В. Маяковский
Мое отношение

Слушайте, девушка,
Ведь вы не в лесу:
Тут ходят поэты
и прочие.
Нечего хныкать, роняя слезу
На наши успехи рабочие.
Разбитая урна —
событие личное.
Незачем рвать волоса!
Вы слышите,
как
гудки фабричные
Зовут вас
во все голоса?!
Девушка!
Плюньте!
Черт с нею,
с урною
И с результатом биения!
Если хотите
прослыть культурною —
Читайте
мои
сочинения!

* Здесь приводится только часть литературных пародий из цикла «Девушка с кувшином». В полном объеме они представлены в сборнике: *Коля Колесников. Домашние стихотворения. Ростов-на-Дону, 1997.*

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ

У церкви стояла карета...

Я леди Макбет Мценского уезда.
Мой суженый махновец и кулак.
Карета у церковного подъезда
была, чтоб отвезти его в ГУЛАГ.
Он вздумал меня гладить против шерстки,
но жизнь не пощадила дурака:
он прятал хлеб во время продрозверстки,
а я возьми и ляпни в губчека.
Его забрали сразу после свадьбы,
но мне не жалко — Боже упаси!
Так им и надо, гадам! Эх, узнать бы,
кому еще вольготно на Руси!
Есть у меня и телефакс, и телекс,
есть офис с белокаменным крыльцом...
Я родилась железная, как Феликс, —
благодаренье матери с отцом!
Мой папа был советский бронепоезд,
а дедушка буржуйский паровоз:
он ананасы до сих пор в депо ест,
а я в них подсыпаю дихлофос.
Я родилась в шотландском теплом плеле,
среди цистерн с бензином и канистр;
а мама, металлическая леди,
в те времена была премьер-министр.
Но мне плевать, ведь я уже не Тэтчер,
и сытого голодный не поймет...
Я уезжаю. Барышня! Диспетчер!
Пришлите на тачанке пулемет!
Что день грядущий мне еще готовит?
Чего случится на моем веку?
Кого с моей подачи переловят
ребята в пыльных шлемах из Баку?

Увези меня, дева, в Японию,
ей поэты ужасно нужны:
буду честно трудиться как пони я
ради блага японской страны.
Повстречаю прекрасную гейшу я
с черным поясом на кимоне,
воспылаю к ней страстью сильнейшею,
и она воспылает ко мне.
Я там стану почти небожителем
и природный талант воплощу:
с Кобой Абэ, великим учителем,
много танков я там настрочу.
А обретши гармонию большую,
я с японской натурой сольюсь,
стану рикшею, гейшею, мойшею,
впрочем, нет — харакири боюсь!
Славлю гейшу: она не обманщица,
утешает мужчин и котов;
но стократ мне милей экибанщица,
поэтесса камней и цветов.
Молодому, красивому, смелому,
мне по силам лирический бзик:
пусть твоя экибанька по-белому
мой японский развяжет язык!

ЛИМЕРИКИ

Опрометчивый джентльмен на Фиджи
неудачлив был в робберном бридже:
унося на себе
лишь кальсоны х/б,
выдавал их за новые бриджи.
Эротический монстр из Бремена
много дел успевал одновременно:
места два или три

посещал до зари,
а наутро — супруга беременна.
Знойной женщине с острова Кубы
как-то ночью приснились инкубы,
но, не сбившись с пути,
она в силах пройти
пламя, воду и медные трубы.
Мафиози с Каспийского озера
выпадало в рулетку одно «зеро»,
он же ставил на «нуль»!..
С горя приняв семь пуль,
он упал под колеса бульдозера.
Просвещенный могильщик с Кальварии
лучшим пивом считал «аливарию».
Пил с полудня, но к трем
с мочевым пузырем
неизменно случалась авария.
Осторожный политик из Бреста
говорит, что боится ареста,
но, по-моему, лжет,
ибо лишь за решет-
кой довольно престижное место.
Безработный филолог из Гродно
подаянья просил благородно:
нес две шляпы в руках
и на двух языках
надпись: «Киньте в какую угодно!»
Рифмоплет, хоть и жил не в Америке,
но от этого не был в истерике,
и порою по пьянке
про загадочных янки
сочинял неплохие лимерики.

Не читай мне Коран, не читай!
Лучше смерть или даже маца:
обижает меня Гюльчатай,
открывать не желает лица.

Ты ответь, Гюльчатай, ты ответь:
для чего на тебе паранджа?!
Я по крови своей — не медведь,
я по крови своей — не ханжа!
Ты не дай мне погибнуть, не дай!
Ты зарежешь меня без ножа!
Гюльчатай ты моя, Гюльчатай!
Паранджа ты моя, паранджа!
Но ответа она не дала,
затворилась в соседнем дворце.
Так и ходит моя Абдула
с паранджою на милом лице.
Так томлюсь третий год, почитай,
в позабытой Аллахом стране.
Гюльчатай ты моя, Гюльчатай!
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

ЧУВОВАЯ ОРНИТОЛОГИЯ

Есть много разных птиц...

С. Кекова

сорока — птица болтливая
гриф — птица терпеливая
пеликан — птица запасливая
страус — птица опасливая
голубь — птица мирная
пингвин — птица жирная
цапля — птица болотная
аист — червяка ест — птица голодная
буревестник — птица отважная
журавлик — птица бумажная
филин — птица мудреная
индюк — птица вареная
овсянка — птица злая
цыпленок — птица табачная

петух — птица пожарищ
гусь — свинье не товарищ
королек — птица певучая
Феникс — птица живучая
канарейка — птица мещанская
мушка — птица шпанская
ворон — птица черная
волк — птица позорная
грач — птица сельская
капуста — птица брюссельская
павлин — птица зеленая
огурец — птица соленая
фламинго — птица розовая
каша — птица березовая
Икар — птица отличная
курица — птица публичная
дятел — птица древесная
еврей — птица известная
шмель — птица мохнатая
птица — птица пернатая

НОВАЯ КИНОЛОГИЯ

Рассказывают, что в лунные ночи
иерусалимские собаки лают и воют, как бешеные волки...

Ф. Карни, Л. Малерба

Разбойники, воры, уроды!
Старик, ты не знаешь природы!

С.Маршак, Э. Асадов

У Лукоморья кобели цепные,
хвост помелом и лапы костяные.
Трехглавый Цербер, пес сторожевой,
таится под дубовую листвою.
Тут русский дух. А враг сюда пожалуй,
так встретит волкодав по кличке Альф,
что с Карацупой, словно Вечный Жид,
столетьями границу сторожит.

Тут Черный пес приходит и уходит,
вертит хвостом, с вороны глаз не сводит,
идет направо — песнь заводит,
налево — сказку говорит:
живой великорусский колорит!
Тут пегий пес, бегущий краем моря,
наделал лужу прямо в коридоре:
собака удивительной породы
не ходит во сады ли — в огороды!
Тут Лэсси на буранном полустанке,
тут трое в танке (не считать Каштанки!)
по недоразумению задавили
бродячую собаку Баскервилей.
Тут у попа на службе был Джульбарс
и пожирал тайком батончик «марс»,
за что и умер с Белкою и Стрелкой,
раздавленный летающей тарелкой.
Тут жил зулус со старою зулуской,
но съеден был собакой андалузской.
Тут у высоких берегов Амура
пес Тамерлан пал жертвою Тимура,
а верный пограничный пес Мухтар
пал от руки монголов и татар.
Твои собаки неустанным лаем
приветствуют тебя, Ерушалаим!
Но мы тебя в обиду не дадим,
не беспокойся, город-побратим:
мы чутко сторожим твой сон, тем паче,
что сами можем лаять по-собачьи!

НОВАЯ ФИЛОЛОГИЯ

гомер всем ребятам пример
данте люди мира на минуту встаньте
шекспир во время чумы будоражит людские умы
свифт берегите лифт в случае неисправности нажмите «Shift»
теккерей читатель ждет уж рифмы диккенс на вот возьми ее
скорей

расин ай да федра ай да сукин сын
все мольеры и корнели тоже вышли из шинели
неужели всех тяжеле перси как бишь его шелли
толстой если б был хаджи-мурат был бы холостой
горький от корки до корки
тютчев блажен кто посетил сей мир во время путчев
камю на руси жить хорошолохову еще лучше
блок кому милок кому хоть шерсти клок
сологуб зуб за зуб
такубоку око за око
басё халасё халасё
ли бо а вам слабо
рембо какое небо голубо
шодерло де лакло из грязи да в опасные связи
эко ищу человека
дюма от большого ума
малларме себе на уме
золя куда ругон-маккары не гоняли теля
бальзак томов полный рюкзак
арагон томов целый вагон
и маленькая тележка ожешко
прилег вздремнуть я у лафета и перед сном читаю фета
я вам скажу как на духу что рильке у меня в пуху
про гессе сочиняю дисер со свиньями играю в бисер
ирландец бойся улыбки джойса
а вот улыбки йитса ирландец не боится
россия во мгле мечтатель в кремле
фауст на крыше мир на земле
фрёкен на брокен фрау в пролете
здравствуйте я ваша гёте

*ЛИНГВОЛУЧАТИК
(ПАЛИНДРОМЫ)*

Клоп — в арбуз, зубра — в полк.
Клеш нежен, как нежен шелк,

гроту хорош, как шороху торг.
Гром в киборга — гробик в морг!
Дарен мир — Рим не рад:
дай ад!
Да, а нам «боинг» — гни обмана ад!
Ни дра-гуннам — манну гардин,
ни дну моря — ром ундин!
Лимфа-то не кефир, а на рифе кенотаф мил.
Лингволунатик — кит, ан улов гнил!

*МАКАРОНАЦИЯ,
ИЛИ ПЕСНЯ ПИЧЕЙДЖЕРОВ*

Светлой памяти Дж. Р. Р. Толкина

Гилтониэль! О Ланселот!
Ж'абит ан виль де Камелот,
ай хэв на име Бармаглот!
Их либе вени-види-вици,
что подтвердят все очевидцы,
леч хчалбым лавровый венок,
ай вонт сто восемнадцать ног!
Не осуждай меня, о падре,
за страсть к прекрасной Клеопатре —
тон фис оси трез эм лё секс!
Что делать — дура лекс, сед лекс!
Дум спиро, легам только порно,
жё вё вуар ля тэт де Борна!
О донья, наши корасон
сегодня бьются в унисон!
Проклятье! Миа белла стелла
в разлуке сильно потолстела!
Я в гневе зол, как снежный барс!..
Аудитур и другая парс!
Мы связаны единой нитью,

ай лав, май далин, и ай нид ю,
но не согласны мэ паран!..
Вив ля Патри! Но пасаран!
Примите весточку на пейджер:
«Пиплы! Подросток — не тинейджер!
А Ланселот Гилтониэль
селиврэн пенна спаниель!
Да утвердится наша раса
от Гондора до Гондураса!»

Михаил Яковлевич Дымарский

*ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ МОЛОДОЖЕНЦАМ
ОТ СТАРОЖЕНЦОВ*

Подражание Григорию Остеру

1

Никогда не приглашайте
К себе в гости тестя с тещей,
И свекровь со свекром тоже
Лучше дома пусть сидят.
Пусть они сильнее скучают,
Прикупая разносолы,
И, когда накопят много, —
Сами в гости позовут.
Вот тогда-то вы придете
И расскажете подробно,
Как вы любите их сильно,
Как скучаете без них.
Но при этом не забудьте
Захватить баулы, банки:
Не бросать же разносолы
Так, на произвол судьбы!

2

Если вы втроем с бутылкой
Вечерком присесть решили,
А в дверях уже трезвонит
Надоедливый сосед —
Не пускайте его в кухню:
В кухне — полный холодильник.

Пусть он топчется в прихожей:
Там он точно меньше съест.

3

Никогда ни в чем друг другу
Ни на шаг не уступайте,
Потому что хищный спутник
Вмиг раскусит слабину.
Он тогда на вашу шею
Взгромоздится без оглядки
И на ней поедет нагло
Всю оставшуюся жизнь!
Нет, пусть будет трижды прав он —
С ним ни в чем не соглашайтесь,
Колотите чем попало,
В волоса ему вгрызайтесь,
Пусть он жалобно завоет
И к родителям помчится —
Вот тогда-то вы поймете:
Вот она — большая жизнь!

4

Если муж поехал с другом
В баню, в бар и на рыбалку,
А тебя оставил дома
С сыном маленьким сидеть —
Плюнь скорее на ребенка:
Он пожить еще успеет, —
А сама беги с подругой
В бар, на танцы и в кино.

5

Никому не говорите,
Что довольны вы супругом,

И не вздумайте об этом
Проболтаться и ему.
Лучше клясть его повсюду
И ругать его ночами:
И тогда ты сможешь лично —
И притом одинолично —
Позавидовать себе.

6

Никогда не убирайте
Пыль и грязь в своей квартире,
Так как это все равно, что
Мыть на улице полы.
Поступайте так, как дворник:
Все, что ветер к нам приносит,
Он же сам потом уносит —
Надо только подождать.

7

Эти вредные советы
Вы на стенку прикрепите
И, читая ежедневно,
Выполняйте их всегда.
Ну, а если вдруг случится,
Что не так чего-то в жизни,
То советы эти можно
Вверх ногами повернуть...

Александр Константинович Киклевич

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛОЖИСТИКА

— Чувствуешь себя последним дураком, —
медленно выговорил философ.
— Знаю, согласился его собеседник, —
но нам часто приходится выбирать: или чувствовать
себя последним дураком, или уж быть им на самом деле.
Г.К. Честертон

Все знают, как нам мешают «ложные друзья переводчика» — слова, которые в разных языках похожи по звучанию, но не похожи по смыслу. Особенно много таких слов у близкородственных языков. Например, в болгарском языке слово *булка* означает... ‘невеста’. Поэтому нетрудно догадаться, что о вас подумают в болгарском гастрономе, если вы попросите там булку, тем более две, а уж тем более — полбулки... На подобных совпадениях основаны многие шутки, каламбуры, анекдоты.

Начинающему полонисту весьма полезно знать о тех опасностях, которые могут создать перед ним «ложные друзья переводчика». Вот несколько таких правдивых и полуправдивых, но всегда — поучительных историй.

Майки с рукавами

Было это в советские годы. Одна женщина приехала из России в Польшу и хотела купить майки, но не простые — а с рукавами. Женщина слышала в устной речи поляков похожее слово — *majtki*, но даже не догадывалась, что в польском языке оно означает — *трусы*. Приходит эта женщина в польский магазин и просит:

— Дайте мне *majtki z rękawami* (т.е. *трусы с рукавами*)...

Сначала надо раздеться!

Русский студент учился в Польше. На одном из занятий он получил двойку.

— Прежде чем ставить двойку, Вам следовало бы *разобраться*, — сказал он преподавательнице (так и прозвучало: *rozebrać się*).

Вся штука (и шутка!) в том, что *rozebrać się* по-польски означает «раздеться».

Сиськи Шопена

Группа советских студентов проходила лингвострановедческую практику в Польше. Руководитель группы доцент Р. получила сигнал о том, что студентка Л. С. закупает в Польше нижнее белье.

— Люба, как Вы могли?! Ведь Вы — наша лучшая студентка!.. Никогда не думала, что Вы... и нижнее белье... — возмущалась и воспитывала руководитель группы.

— Помилуйте, какое нижнее белье в магазине сувениров?.. Ведь я только попросила у продавщицы бюстик Шопена...

Справедливость, как говорится, была восстановлена, но надо иметь в виду, что слово *biust* в польском языке значит «женская грудь»; значение же «бюст» считается устаревшим и практически утраченным.

А теперь поставьте себя на место продавщицы-польки, у которой хотят купить «*сиськи Шопена*»...

Сорок пять дуп

Во время пограничного контроля польский таможенник, мешая польские и русские слова, обратился к руководителю советской туристической группы:

— На сколько *дуп*?

Польский таможенник знал, что русские любят все измерять не в днях, а в сутках, поэтому и использовал это слово *doba* — *сутки* в родительном падеже множественного числа — *dób*. Эта форма *dób* по звучанию совпадает с формой того же родительного падежа слова *dura* — *dup* = «задница».

Слово *dura* как раз входило в лексический минимум руководителя русской туристической группы, поэтому вопрос «На

сколько дуп?» его слегка ошарашил — он никак не ожидал, что количество человек в группе поляки определяют в задницах... Однако, быстро придя в себя и пересчитав по...головно всех туристов, включая себя и водителей, руководитель уверенно отпартовал:

— Группа состоит из сорока пяти дуп!

«Зблядзее твар...»

Эта история, рассказанная мне моими студентами в когда-то существовавшем молодежном туристическом бюро «Спутник», навеивает строки из стихотворения Янки Купалы, в котором описывается тяжелая дореволюционная судьба белорусской женщины. Выйдя замуж, она практически должна была стать рабыней в доме мужа, что приводило к болезням и раннему увяданию, которое проявлялось в бледности ее лица. «Зблядзее твар...» — так и писал классик белорусской литературы.

Наша история из дня сегодняшнего. Стоит русская женщина-челнок на польском базаре. Холодно, сыро, товар не идет. Женщина курит, курит, курит, настроение никакое. Тут подходит к ней старушка, душевная такая, католическая, видит бледную русскую женщину и в сердцах восклицает:

— *Moј Boże, Pani jest taka blada!* (Боже мой, Вы так бледны!)

Русская женщина никогда не читала Янку Купалу, поэтому на слово *blada* она оскаливает зубы и кричит сердобольной старушке:

— Сама ты кур**!

Пустыня

В Средней Азии возникают проблемы с переводом на польский язык экзотических реалий. Но и с обычными, казалось бы, вещами иногда происходят трансляторические чудеса. Вот, к примеру, пустыня и в пустыне — пески. Но это необычные пески — они двигаются. Собственно, они не сами двигаются, их (собранные в барханы) движет ветер. И вот переводчик переводит вслед за местным гидом с русского на польский:

— *To są niezwykle piaski. Te piaski się ruchają.*

В группе польских туристов — взрыв хохота. Оказывается, переводчик перепутал *ruszać się* «двигаться, перемещаться» и *uchać się* (вульг.) «е***ся». Получилось:

— *Это — необычные пески. Они е***ся.*

Чануй

Поляки — прекрасные кондитеры, мало чем уступающие французам, австрийцам или венграм. В Польше, например, даже на обычном вокзале можно купить превосходные булочки, совершенно божественные, так сказать, в ассортименте и просто тающие во рту. Но спутницы N. этого не знали, а может быть, просто берегли фигуру. Во всяком случае одна из них вовсе отказалась что-нибудь есть или пить в баре и стояла в сторонке, вторая согласилась на лимонад (*napój* — произносится как [напуй] с ударением на первом слоге). Что касается N., то он, будучи продолжающим полонистом, предпочел булочки.

— *Proszę dwie bułeczki i napój* (Пожалуйста, две булочки и напиток), — сказал он вежливой продавщице.

— *I napój...* — улыбнулась продавщица. Она деловито засуетилась — и тут же аккуратненький кулек с теплыми ароматными булочками был в руках у клиента.

— *I jeszcze napój...* — уточнила продавщица.

Подавая напиток, вежливая продавщица как бы подтвердила, что никакой ошибки не произошло:

— *Proszę — napój...*

Стоявшая в сторонке русская девушка прислушивалась к разговору N. с продавщицей и была страшно удивлена.

— Слушай, — сказала она, — такая с виду вежливая продавщица, а несколько раз послала тебя на х**!

«Ламіраю!»

Как-то (еще в стародавние советские времена) девушки из провинциального белорусского городка поехали с туристической группой в Польшу. Поселили их в провинциальном польском городке — в скромной гостинице для дальнобойщиков.

Вот сидят они как-то вечером в своих каморках и вдруг слышат тихий, даже жалобный голос. Прислушиваются и ушам своим не верят — голос зовет на чистой, родной белорусской мове:

— Паміра-а-а-а-ю!.. (Умираю!)

Все выскакивают в коридор. Видят — стоит, прислонившись к стене, молодой, даже симпатичный парень, но странно — никак не похожий на умирающего. Больше — никого. Все расходятся по своим местам. И тут снова — тот же тихий, даже вкрадчивый голос:

— Паміра-а-а-а-ю!..

Ну, наши опять — ватагой на коридор. Там — прежняя картина. Стоит этот парень, молодой поляк, в курточке, в джинсах, ну, как тогда они носили. Может, ему чего и надо — но виду не подает! Наши неспешно возвращаются в номера — и тут опять раздаётся это идиотское:

— Паміра-а-а-а-ю!..

— Чокнутый какой-то! — говорит делегация и на этот раз не вываливает всей делегацией в коридор.

Но тут встает скромная девушка *Рая*:

— Ничего не чокнутый! Просто с этим поляком я познакомилась на экскурсии, и он в меня влюбился. Вот он пришел и зовет: «Pani Raju! Pani Raju!..» (Пани Рая! Пани Рая!..)

— От любви не умирают, — сказал руководитель группы.

ЛИНГВИСТИКА КАЖДОГО ЗЛЫДНЯ

В 1991 г. Б.Ю. Норман издал научно-популярную книжку с немного загадочным названием: «Лингвистика каждого дня». Впрочем, что тут загадочного? Ведь существует «Клуб выходного дня», а чем лингвистика хуже? Даже — лучше, а не хуже, потому что клуб можно посещать по выходным, а вот лингвистика, как считает Б. Ю. Норман, нужна каждодневно. А я бы добавил: не только каждодневно, но и каждозлыдно...

Я мечтаю написать другую книгу — «Лингвистика каждого злыдня», и это будет книжка о том, как мы «растранжириваем»

язык, произнося туманные, неопределенные и многозначные выражения.

В науке о языке есть, по-моему, очень неточный термин — «речевой субъект», т.е. говорящий или пишущий. Более точным было бы называть его «речевым злыднем».

Чтобы читатель представил себе языковой мир речевого злыдня, а заодно — пропитался доверием к излагаемой здесь научной идее, обратимся к фактическому материалу, который всегда был палочкой-выручалочкой для эмпирически (а значит, правильно) мыслящих лингвистов. Такой палочкой послужит текст, мотив и образы которого заимствованы из рассказа О. Ипатовой «В полночь, когда бьют куранты...»

Текст А (исходный вариант)

— *Пойдем, хоть немного погуляем, — шепнула Наталья и поправила волосы.*

Максим, наклонив голову, слушал ее.

Наталья осторожно погладила его по спине, нежность переполнила ее грудь, а время летело, и полночь приближалась к ним...

Губы Максима сложились в растерянную улыбку. Он вдруг понял, что любит эту девушку: густые волосы, серые глаза, прямой нос, ровные белые зубы, тонкую кожу, гибкий стан и даже маленькие уши.

— *Веди, куда хочешь!* — сказал Максим.

Наталья прижалась к нему и почувствовала, как ее пальцам, а потом и всей руке передается горячая сила парня...

Почти весь текст при всей его кажущейся обычности и понятности состоит из неточностей, неопределенностей и прочих смысловых казусов, так что можно только удивляться, как мы вообще здесь что-нибудь понимаем. Вот, например, такое высказывание: *Наталья поправила волосы*. Здесь не сказано, кому она поправила волосы — себе, или Максиму, или, может быть, какому-то третьему — мимопроходящему, а то и рядомстоящему лицу? И потом — что это были за волосы? Конечно, в первую очередь мы думаем о волосах, растущих на голове. Но волосы, в

том числе и у женщин, растут и в других местах — например, известны случаи избыточного оволосения на руках и ногах. А вдруг Наталья поправляла именно эти волосы?..

Читаем дальше: *Максим, наклонив голову, слушал ее*. Опять непонятно: *чью* голову наклонил Максим — свою собственную или же голову Натальи?

Казалось бы, в предложении *Наталья осторожно погладила его по спине* все в порядке: есть *Наталья* (предмет X), есть *Максим* (предмет Y), есть *спина* (предмет Z) и есть действие P, с помощью которого предмет X воздействует на предмет Y в принадлежащем Y-у месте Z. Но пытливый лингвистический ум идет дальше и открывает в тексте новую загадку: *чем* Наталья погладила Максима по спине? Вопрос нешуточный, потому что ведь надо иметь в виду, что она погладила его *осторожно*, а значит, это могло быть связано с употреблением какого-то *инструмента* (эффектора), который мог нанести спине Максима повреждение. Нельзя исключить такую версию: костюм Максима слегка примялся, и Наталья осторожно (чтобы сам Максим того не заметил) решила погладить его случайно оказавшимся в сумочке утюжком.

Подобных примеров двусмысленности и многозначности в нашей речи полно, и с этой точки зрения все мы подходим под категорию «речевого злыдня». Вот типичный случай. Представьте себе, что вы приходите на работу, а на входе висит табличка: *Просьба вытирать ноги!* А кому вытирать ноги — не написано!

Приведенный нами текст (про Наталью и Максима) почти весь состоит из многозначных слов, так что немудрено и запутаться. Взять хотя бы названия частей человеческого тела — почти все они многозначны. Например, в толковом словаре В. Даля можно прочесть, что «голова состоит из головы собственно и лица», т.е. голова — это одновременно и часть, и целое!

Поэтому понимание текста будет значительно облегчено, если вместо существительных — названий частей человеческого тела, мы будем использовать так называемые «семантические примитивы» — элементарные, однозначные и всем понятные смысловые признаки, которые можно выразить на любом языке.

Вот как польская исследовательница А. Вежбицкая объясняет названия некоторых частей тела с использованием данного метода (мы дополнили список и несколькими собственными толкованиями):

В о л о с ы — тонкие гибкие предметы, которые растут на коже и не являются частью тела.

Г о л о в а — круглый предмет, которым заканчивается верхняя часть тела.

С п и н а — задняя часть тела между шеей и поясницей.

Г р у д ь — передняя часть тела между шеей и животом (мужская).

Г р у д ь — круглые предметы в передней части тела между подмышками (женская).

Г у б ы — подвижные предметы, которые закрывают отверстие в нижней части лица.

Г л а з а — круглые предметы в верхней части головы.

Н о с — выдвинутый вперед предмет в средней части лица с двумя отверстиями.

З у б ы — твердые предметы, растущие во рту.

К о ж а — мягкое вещество, которое составляет внешнюю часть тела.

С т а н — часть тела между бедром и подмышками.

Н о г и — длинные подвижные предметы, на которых держится тело.

Р у к и — длинные подвижные предметы по бокам верхней части тела.

У ш и — предметы, выдвинутые по бокам головы.

П а л ь ц ы — подвижные предметы на концах руки или ноги.

Теперь приступим к главному — отредактируем первоначальный текст так, чтобы из него исчезли если и не все, то хотя бы некоторые семантические казусы и неясности. Итак...

Текст В (исправленный вариант)

— *Пойдем вместе, хоть немного вместе погуляем, — шепнула девушка Наталья и поправила принадлежащие ей и не являющие-*

ся частью ее тела тонкие гибкие предметы, которые росли на коже круглого предмета, которым заканчивалась верхняя часть ее тела.

Парень Максим, наклонив принадлежавший ему не только в тот вечер, но и всегда круглый предмет, которым заканчивалась верхняя часть его тела, слушал ее.

Девушка Наталья (та самая, о которой уже была речь) осторожно (чтобы парень Максим не сразу ощутил это) погладила своим длинным подвижным предметом сбоку верхней части тела по его задней части тела между шеей и поясницей, а время летело, и полночь приближалась к ним... Подвижные предметы, которые иногда закрывали отверстие в нижней части лица упомянутого парня Максима, сложились в несколько растерянную улыбку. Он вдруг понял, что чувствует сердечную склонность к лицу другого пола, а именно — к девушке Наталье: к ее густым предметам, которые растут на коже и не являются частью тела, к ее серым круглым предметам в верхней части ее головы, к ее прямому выдвинутому вперед предмету в средней части лица с двумя отверстиями, к ее белым твердым предметам, которые росли во рту, к ее тонкому веществу, которое составляло внешнюю часть ее тела, к ее гибкой части тела между бедрами и подмышками и даже к ее маленьким предметам, выдвинутым по бокам головы.

— Веди, куда хочешь! — сказал все тот же парень Максим. Знакомая нам девушка Наталья прижалась к нему и почувствовала, как подвижным предметам на конце ее длинного подвижного предмета сбоку верхней части тела, а потом и всему этому предмету сбоку верхней части тела передается горячая сила вышеназванного парня.

Теперь текст стал понятнее, удобоваримее, доходчивее, а главное, он согласуется с требованиями науки. Вот, дорогой читатель, доказательство того, что лингвистика может творить чудеса, что лингвистика полезна и даже необходима, что с помощью лингвистики можно укрощать речевых злыдней, хотя, честно говоря, без них она была бы и не нужна.

ЛЮБИМОЙ (лирико-артикуляционное)

Мне нравится твой сагиттальный разрез* —
я вижу его по ночам.
Возносится сердце мое до небес,
творится со мною бедлам.

И вижу я легких твоих громадьё,
и бронхов твоих чистоту,
и твой надгортанник, и нёбо твоё,
и вижу я — зубы во рту.

Когда ты шутя произносишь — «вода»,
я звуки ловлю в тишине
и вижу твой хрящ щитовидный тогда —
и он улыбается мне...

Из легких твой воздух выходит сперва,
потом попадает в гортань,
но это не звуки еще, не слова —
их детство, их ранняя рань.

Когда под давлением воздушной струи
вибрируют в прорве фрамуг
две складки упругие — связки твои,
тогда и рождается звук.

Он здесь обретает свою частоту,
свою амплитуду — и все ж
весь твой аппарат говорильный — во рту,
которым ты бублик жуешь.

Имеется в полости рта язычок
(не путай его с языком!) —

* Сагиттальный разрез — общий вид комплекса органов речи от гортани до губ, получаемый в результате профильной съемки с помощью рентгена. См.: Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 230.

я б сам в этих дебрях запутаться смог,
но есть — Реформатского том.

Когда язычок опускается вниз,
то путь в носоглотку открыт —
и вот уж — на «бис» появляется «мисс»,
и вот уж «грабитель» — «громит».

Когда ж приподнимешь ты свой язычок,
тогда носовой резонанс
исчезнет, а значит, воздушный поток
вступает с зубами в альянс.

Ты держишь язык за зубами — и там
работает он за троих:
дрожит, прижимается к нёбу, к зубам —
и нет у него выходных!

Когда ты шутя произносишь — «вода»,
я в рай совершаю вояж...
Но если язык ты прижмешь не туда,
какого же маху ты дашь!

Нет, ты — идеал! С твоего языка
волшебные звуки летят.
Вот жалко, что знаешь ты мало пока
про мой речевой аппарат.

Когда Реформатского ты перечтешь
с большим наслаждением иль без,
тогда ты увидишь, полюбишь, поймешь
и мой сагиттальный разрез.

СОЧ

Мне приснился таракан в твоей тарели —
маленький, невредный таракан.

Бегал он по теплой вермишели,
тараканьей страстью обуян.

Мы ж сидели, опустивши руки
и не смея глаз поднять с земли, —
и ветра неведомой разлуки
на дворе сугробы намели.

И тогда сквозь зимний шум метели,
сквозь застывший в горле марципан
я сказал: — Смотри, по вермишели
бегают усатый таракан.

Ты взглянула — тихо улыбнулась,
таракана в пальчики взяла —
отнесла за печь, ко мне вернулась —
и меня так нежно обняла...

Жизнь моя пойдет теперь иначе.
Обрету я счастье и покой.
Летом увезу тебя на дачу,
таракан, усатый гений мой.

Скажут обо мне: любил он женщин,
мял цветы, валялся на траве,
тараканов, наших братьев меньших,
никогда не бил по голове.

*ЖЕРЛЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
В УСТНОЙ РЕЧИ ОФИЦЕРОВ СА**

...под страхом жизни и смерти...

* СА — 'Советская армия'. Материал собран автором в 1980 г. во время военных сборов в N-ской части Белорусского военного округа. Большая часть материала, к сожалению, не сохранилась.

Вы все можете в рамках следующего момента...

...по воле рока, судьбы и счастья!..

...когда человек не это самое, то интересно и посмотреть...

Назначьте одного каждого возле машин с флажком!

Машины, на каких ехали какие взвода...

У вас много, а нас мало!

Я разговариваю с вами, как старший с умным.

Политическая работа имеет то большое значение, что в разных частях и подразделениях она имеет свои особенности.

...глаза, набитые страхом!..

Вход вам туда запрещен и не разумен!

...изъявлять возможность...

Вы понесете жертву!..

Если глубина водной преграды касается колес...

206

Полотенца нужно заправлять одноедино!

...неразворвавшийся снаряд...

Если температура воды достигает сто грамм, загорается красная лампочка.

Товарищи курсанты! Мы должны идти на работу и взаимные уступки!

Кто мне смажет смазкой УС наружные шарниры колесных тяг рулевой трапеции и шкворни подворотных кулаков?

...Наступает мера ответственности!

Чабан и то своих людей обучил...

Болтун в присутствии людей!

ПЕРЛЫ СПОРТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ

Армейцы Ленинграда одержали всего одну ничью.

Ну не получился удар у Ткебучавы. Долго он к нему готовился — секунду.

Это наиболее труднопроверяемый вратарями удар.

207

Защитник «Торпедо» подталкивал Морозова. Арбитр мог бы и оштрафовать толковавшего.

Они в полосатых футболках и в атаке.

Не дотянулся Георгий Кондратьев до мяча, поэтому последний летит выше ворот.

7-я минута, и на табло тот, кто забил мяч.

Наши сегодня не тратят времени на прощупывание соперника.

Из-под Шенгелия стремительно вышел Абжинов...

В жаркой схватке головой очень красиво Владимир Бессонов выигрывает борьбу за воздух.

На этот раз вратарь был бдителен и вовремя закрыл брешь между ног.

Блохин попал в штангу. Но это было уже после свистка. К тому же это был и не Блохин.

Забив гол, игра прекращается.

Об авторах

Гак Владимир Григорьевич — доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Дымарский Михаил Яковлевич — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Жолковский Александр Константинович — профессор кафедры славянских языков и литератур Университета Южная Калифорния, Лос-Анджелес / США.

Журавлев Анатолий Федорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН, заведующий кафедрой русского и славянского языкознания Российского православного университета Иоанна Богослова, заведующий кабинетом этимологического словаря русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Калюта Александр Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Эрджиевского университета, г. Кайсери / Турция.

Киклевич Александр Константинович — доктор филологических наук, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне / Польша.

Колесников Николай Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры языка массовых коммуникаций Ростовского государственного университета, Ростов-на-Дону.

Корнаков Петр Константинович — кандидат филологических наук, университет в Брэдфорде / Великобритания.

Кройчик Лев Ефремович — доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Левин Виктор Давидович — доктор филологических наук, профессор Еврейского университета в Иерусалиме / Израиль.

Левицкий Юрий Анатольевич — доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

Мартынов Виктор Владимирович — доктор филологических наук, профессор Минского государственного лингвистического университета.

Мельчук Игорь Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Университета в Монреале / Канада.

Мокиенко Валерий Михайлович — доктор филологических наук, профессор института славистики Университета в Грайфсвальде / Германия.

Стернин Иосиф Абрамович — доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Супрун Адам Евгеньевич (1928—1999) — доктор филологических наук и доктор педагогических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета.

Ходанович Андрей Валерьевич — преподаватель Белорусского государственного университета, Минск.

Содержание

К читателю	3
Виктор Давидович Левин	6
Искандер Ислахи: Еще один фонетический парадокс	6
Владимир Григорьевич Гак	10
Влияние женщины на речевую деятельность мужчины	10
Игорь Александрович Мельчук	32
Супплетивологические этюды. Об одном лексикокоитонематическом казусе в современном французском	32
Анатолий Федорович Журавлев	49
А.С. Пушкин. «Из черновых вариантов четвертой и пятой глав “Евгения Онегина”»	49
Почему не говорят?	54
Анаграммы (избранное)	54
Адам Евгеньевич Супрун	70
Сопоставительное исследование женской проблематики в восточнославянской фразеологии	70
Юрий Анатольевич Левицкий	74
Тема бесов в праславянской культуре	74
Виктор Владимирович Мартынов	80
Компьютер и обезьяна	80
Иосиф Абрамович Стернин	82
Правила поведения в докторантуре	82

Популярная лингвистика	84
Нужны ли нам глубинные структуры?	86
О релевантных семантических свойствах одной языковой понятийной категории и корреспондирующей языковой подсистемы в свете теории глубинных структур	87
В мире слов	90
Евгений Онегин	91
Война и мир	92
Лев Ефремович Кройчик	94
Дамский научный текст как особый вид текста	94
Александр Константинович Жолковский	99
Мемуарные виньетки и другие non–fictions	99
Comrades Petrov and Smirnov	99
Пусть оно меня и моет	100
Общая теория дешифровки	101
Зоосемиотика-68	102
Халтурологические заметки	103
Южный акцент	107
Пригов и авокадо	108
Талон на место у колонн	109
Местный колорит	110
Из России с любовью	111
Работа — не волк	113
Peers	115
Уроки английского	116
К *** («Я пью за французских болгарок...»)	120
«Пусть рой юнцов вам строит куры...»	121
Хаитиада	122
«Суровый Дант не презирал Толстого...»	125
Александр Михайлович Калюта	127
Современные японские хокку	127

Из цикла «Поэтические клоны». Рубаи Омара Хайама	128
Что в имечке тебе его?..	131
Из сборника «Семантическая игрушка» (1970—2005)	133
Языковые раскладушки	137
Клонированные поговорки	139
Из цикла «Римейки». Первая русская книга для чтения	140
Популярная этимология	144

Петр Константинович Корнаков	146
«Молчать! У вас что — дар речи?!»	146

Валерий Михайлович Мокиенко	159
Песня о юсах	159
Фразеологическая	159
«Мы не ткачи, не гинекологи...»	161
Семинарская	161
Перевоспитавшийся	163
Песня об экстрасенсах	163
Гимн лицемерию	164
Игрушки	166
Дервиш	167
Случайное	168
Эпитафия ученому	168
Гороховая каша	168
«Когда меня девы любили...»	169
Клешня (из наблюдений над языком Г.А. Лилич)	169

Николай Павлович Колесников	171
Похороны микроба	171
Сентенции	171
Воспоминания о Н.Я. Марре	173
Быль	174
Критик	175

«На рынке пьяный делибаш...»	176	Любимой (лирико-артикуляционное)	203
На границе	177	Сон	204
Вторая реминисценция (А.С. Пушкин)	178	Перлы русской словесности в устной речи офицеров СА	205
Реминисценция (М.Ю. Лермонтов)	178	Перлы спортивных комментаторов	206
Реминисценция (Н.А. Некрасов)	178	Об авторах	209
Девушка с кувшином (литературные пародии)	179		
Андрей Валерьевич Ходанович	182		
Железная леди	182		
«Увези меня, дева, в Японию...»	183		
Лимерики	183		
«Не читай мне Коран, не читай...»	184		
Новая орнитология	185		
Новая кинология	186		
Новая филология	187		
Лингволунатик	188		
Макаронация, или Песня тинейджеров	189		
Михаил Яковлевич Дымарский	191		
Вредные советы молодоженам от староженев	191		
Александр Константинович Киклевич	194		
Практическая полонистика	194		
Майки с рукавами	194		
Сначала надо раздеться	194		
Сиськи Шопена	195		
Сорок пять дуп	195		
«Зблядзее твар...»	196		
Пустыня	196		
Напуй	197		
«Паміраю!»	197		
Лингвистика каждого злыдня	198		

Литературно-художественное издание

ЛИНГВИСТЫ ШУТЯТ

Составитель Киклевич Александр Константинович

Подписано в печать 10.05.2006. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,2. Уч.-изд. л. 10,8.

Тираж ?? экз. Изд. № ??.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345

Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11

E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru

WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва В-485,

ул. Профсоюзная, д. 90